

LADY
FANTASY

НАСЛЕДНИЦА ОГНЯ

САРА ДЖ. МААС

Удивительное путешествие в мир фэнтези, эпическое повествование, наполненное романтическими приключениями в духе «Голодных игр» и политическими интригами, как в «Игре престолов».

The Hunger Games Examiner

АЗБУКА

Annotation

По заданию короля-тирана Селена Сардотин, величайшая в Адарланском королевстве женщина-ассасин, отправляется на континент, где магия еще сохранилась, а не исчезла, как в ее родной Эрilee. В планы Селены вовсе не входит исполнять преступные замыслы короля. Она ищет встречи с Маэвой – королевой народа фэ, ведь королева – единственная, кто может ей рассказать о таинственных Ключах Вэрда, созданных расой демонов, чтобы овладеть миром. Но встреча с королевой не приносит разгадки тайны, Селена должна сама ее разгадать, а для этого ей следует обучиться управлять магией...

Впервые на русском языке продолжение популярного сериала!

Сара Дж. Маас

Наследница огня

Эту книгу я вновь посвящаю Сьюзен, дружба с которой изменила мою жизнь к лучшему и поддерживала меня во время работы над романом

Sarah J. Maas
HEIR OF FIRE
Text copyright © 2014 by Sarah J. Maas
All rights reserved

© И. Иванов, перевод, 2015

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2015
Издательство АЗБУКА®

* * *

Меня больше всего покорила не безрассудно храбрая героиня и не захватывающая любовная история. Нет, я была потрясена детально проработанным фантастическим миром, описанным Сарой. Сюжет романа изобилует выдумкой, заставляет задуматься, и в то же время произведение написано простым, понятным языком.

Мишеля Х. Наглер, главный редактор издательства «Bloomsbury Children's Books»

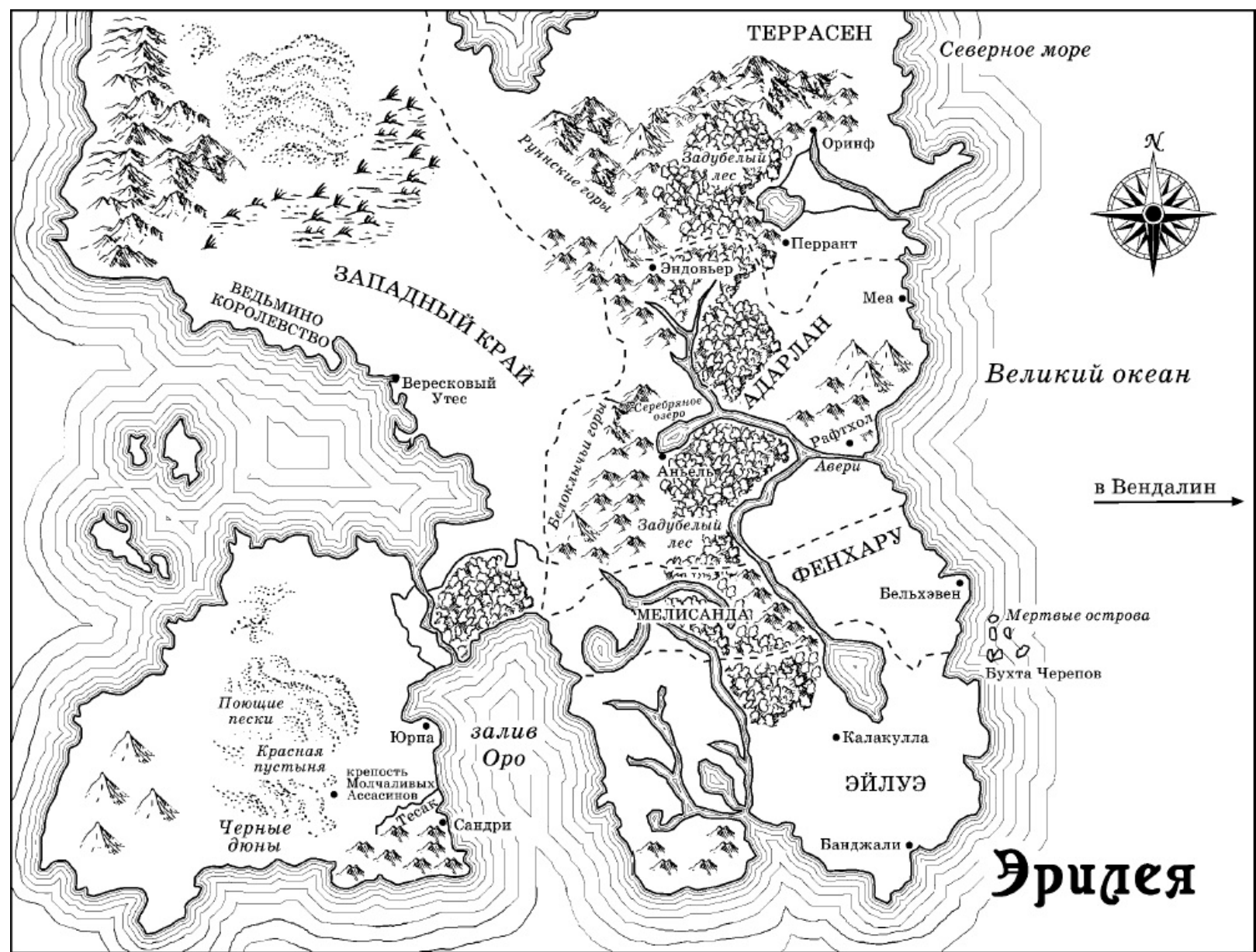
Автору блестяще удалась попытка соединить фэнтези и молодежную прозу.

RT Book Reviews

Смесь комедии, фэнтези и жесткого реализма создает богатую альтернативную вселенную, где самая яркая звезда – обворожительная юная женщина.

Kirkus' Reviews

* * *

Часть 1

Наследница пепла

Боги, ну и пекло же устроили вы в этом жалком подобии королевства!

Возможно, на самом деле все обстояло совсем не так, а ощущения эти принадлежали исключительно Селене Сардотин. С раннего утра она жарилась на скате терракотовой крыши, прикрывая рукой глаза. Таким же способом городские бедняки, которым кухонный очаг был не по карману, пекли свой пресный хлеб – точнее, лепешки.

Боги, до чего же ей опостытели эти лепешки, называемые здесь «теггья». Они быстро черствели, хрустели на зубах и имели отвратительный луковый привкус. После них без конца хотелось полоскать рот. Только какой смысл, если вскоре ей снова жевать эту теггью?

Селена была бы рада не издеваться над желудком, но никакой иной пищи позволить себе не могла с тех пор, как две недели назад приплыла в Вендалин и добралась до Варэса – столицы королевства. В столь дальние странствия она пустилась, выполняя приказ адарланского короля – его всеимперского величества, Властелина земель и вод.

Когда у Селены кончились деньги, она стала просто воровать теггью и вино с повозок торговцев. Выполнение миссии не следовало оттягивать. Не мешкая, Селена начала наблюдение за хорошо укрепленным и тщательно охраняемым замком здешнего короля. Она вдоволь насмотрелась на толстые высокие стены из белого известняка и на отборных королевских гвардейцев. Над крышами замка горделиво развевались кобальтово-синие знамена, противостоя воздействию сухого и жаркого ветра. После первого же наблюдения Селена решила... не убивать никого из тех, с кем адарланский король приказал ей расправиться.

Теперь она жила на ворованном хлебе... и вине. На кислом красном вине со здешних виноградников, тянущихся по холмам вокруг стен столицы. Поначалу Селена кривилась от этой кислятины, но сейчас вино ей нравилось, и даже очень. Особенно с тех пор, как она решила, что отныне ей на все наплевать. В том числе и на собственную жизнь.

Селена пошарила по горячей терракотовой черепице, пытаясь нащупать глиняный кувшин с вином. Он никуда не мог деться. Селена хорошо помнила, как утром влезла на крышу, прихватив его с собой. Ей требовалось срочно промочить горло.

Что за черт? Куда запропастился кувшин?

Она приподнялась на локтях. Окружающий мир качнулся, накренился и стал ослепительно-ярким. Над головой кружили птицы, стремясь держаться подальше от белохвостого ястреба. Он с самого утра восседал на ближайшей печной трубе и высматривал себе очередную закуску. Внизу тянулась пестрая и разноголосая торговая улица. Орали истомившиеся на жару ослы. Торговцы расхваливали свой товар и зазывали покупателей. Шли люди в привычных и совсем незнакомых Селене одеждах. По выбеленным камням мостовой грохотали колеса. Но где же этот проклятый...

А-а, вот он. Селена предусмотрительно поставила кувшин в выбоину между плитками, куда не попадали солнечные лучи. Она сделала это еще утром, когда влезла на кровлю большого крытого рынка, чтобы вести наблюдение за периметром стен замка. До него было не более двух кварталов. Наблюдение помогало скоротать время. А так... зачем ей все это, если она не собиралась выполнять королевский приказ? Становилось все жарче. Селена с удовольствием плюнула бы на эти наблюдения и развалилась где-нибудь в тени. Вот только всю тень, какая еще оставалась, давным-давно выжгло безжалостное вендалинское солнце.

Селена приложила к кувшину. Он был пуст. Это даже хорошо. У нее и без вина отчаянно кружилась голова. Ей бы сейчас водички и ломоть теггьи. И какого-нибудь снадобья для рассеченной губы и ободранной щеки – ее славных трофеев, заработанных минувшим вечером в городской таверне.

Кряхтя, Селена перевернулась на живот. Отсюда, с высоты сорока футов, ей была хорошо видна вся улица. К этому времени там уже появились гвардейцы. Их сразу заметишь в толпе по мундирам и блеску оружия. Такие же гвардейцы несли караул на высоких стенах замка. Селена успела запомнить время смены караула и порядок открытия трех массивных замковых ворот. Судя по всему, нынешние Ашериры, как и их предки, очень заботились о собственной безопасности.

С побережья в Варэс Селина явилась десять дней назад. Ею двигало вовсе не желание поскорее расправиться с заклятыми врагами адарланского короля. Конечно, в громадном городе было легче затеряться и не попасться на глаза властям. На побережье она ловко ускользнула от чиновников, распорядившихся дальнейшей судьбой приезжих. Так она и поверила их посулам достойной работы в приличных домах! Нет, ее спешное путешествие в Варэс внесло желанное разнообразие после нескольких недель пути сюда, когда Селена изнывала от безделья, валяясь на узкой койке в своей убогой каюте. Каждый день она заново точила все оружие, что было при ней, превратив это занятие чуть ли не в религиозный ритуал.

«Ты всего лишь трусиха», – однажды сказала ей Нехемия.

Каждый кусочек точильного камня эхом повторял ей слова эйлуэйской принцессы. Трусиха, трусиха, трусиха. Каждая лига морского пути была отмечена этим презренным словом.

Когда не стало Нехемии, Селена поклялась освободить Эйлуэ. В те моменты, когда ее разум не был охвачен отчаянием, гневом и горем; когда она не думала о Шаоле, Ключах Вэрда и обо всем, что оставила за спиной и потеряла... она обдумывала дерзкий замысел. Замысел ее дальнейших действий на земле Вендалина. Безумный и, скорее всего, невыполнимый: освободить родное королевство Нехемии и уничтожить Ключи Вэрда, с помощью которых адарланский король выстроил свою чудовищную империю. Ради осуществления этого замысла Селена охотно пожертвовала бы собой.

Только две жертвы: она и король. Так и должно быть. Не должна пролиться ни одна капля чужой крови. Ни одна душа не должна замараться, кроме ее собственной. Пусть одно чудовище уничтожит другое.

Если уж благие намерения Шаола, которым не нашлось лучшего применения, привели ее в Вендалин, она постарается получить столь необходимые ей ответы. В Эрilee была одна женщина... точнее, одно существо, собственными глазами видевшее, как создавались Ключи Вэрда. Их сотворила раса демонов, собравшаяся захватить континент. Демоны превратили их в три настолько могущественных орудия, что затем Ключи надежно спрятали. За тысячи лет человечество успело забыть о существовании Ключей. Свидетельницу сотворения ключей звали королева Маэва, и она была правительницей народа фэ. Маэва знала все. Ничего удивительного, если ты старше, нежели земля континента.

Первый шаг совершенно дурацкого замысла Селены был прост: разыскать Маэву, узнать, как уничтожить Ключи Вэрда, и затем вернуться в Адарлан.

Это самое малое, что она могла сделать. Ради Нехемии и великого множества других людей. В душе Селены ничего не осталось. Совсем ничего. Только пепел, пропасть и

нерушимая клятва, впечатавшаяся в тело и разум. Клятва убитой подруге, сумевшей разглядеть истинную суть Селены.

Корабль, на котором она приплыла, бросил якорь в самом крупном портовом городе Вендалина. Селена невольно восхищалась мерами предосторожности, с какими капитан судна продвигался к берегу. Он дождался безлунной ночи. Всех адарланских беженков, а с ними и Селену, заперли в трюме, чтобы никто не увидел тайных проходов через барьерный риф. Что ж, разумная мера, ибо риф служил главной преградой для адарланских легионов. В число требований, объявленных королем Селене, был и приказ добыть карты тайных проходов.

Но ее мозг был занят совсем не этим. Нужно во что бы то ни стало удержать короля от мести семьям Шаола и Нехемии. Если она не добудет эти карты и не убьет здешнего короля и наследного принца во время ежегодного летнего бала, Властелин земель и вод пообещал казнить родных Шаола и Нехемии... Спускаясь вместе с беженками по сходням, Селена старалась не думать о своей миссии. Вначале нужно поскорее выскользнуть из поля зрения портовых властей.

Многие беженки были изрядно запуганы. Страх успел стать частью их души. Глядя в настороженные глаза женщин – в тех редких случаях, когда они поднимали их, – она могла лишь догадываться, через какие ужасы прошли эти женщины в Адарлане. Воспользовавшись суматохой, Селена выбралась из толпы, влезла на крышу ближайшего здания и оттуда повела наблюдение. Беженков препроводили к другому зданию. Там местные чиновники решат, где теперь эти женщины будут жить и чем заниматься. Государство могло иметь прекрасные законы, но чиновники везде одинаковы. Покончив с официальной частью, они приступят к неофициальной, а там у них широкие возможности. Приглянувшихся женщин оставят для собственных утех. Кого-то продадут. Кто вздумает противиться – с теми разговор короткий. Это же всего-навсего беженки. Никому не нужные. Бесправные. Безгласные.

Сидя на крыше, Селена достаточно быстро справилась с угрызениями совести. Нехемия, та бы вначале убедилась, что с беженками все в порядке. Селене не то чтобы было все равно... она просто не могла рисковать жизнью ради чужого благополучия. Эта мысль окончательно отрезвила ее и выгнала на дорогу к столице. Селена пустилась в путь, стараясь не думать о Нехемии. Надо будет сразу же узнать, как незаметно проникнуть в замок. Это – первое условие для осуществления ее замысла.

Путь в Варэс оказался легким и приятным. Едва ли местные жители видели Селену на своих землях. Она шла по ночам, а днем пряталась от жары и чужих глаз в лесочках и пустых сараях.

Она в Вендалине. Кто бы мог подумать? Вендалин – континент мифов и чудовищ, легенд и кошмаров – стал для нее реальностью.

Песчаные почвы с обилием камней и густой лес. Чем дальше Селена уходила от берега, тем зеленее становились деревья. Лес поднимался по склонам холмов, местами вздымались довольно высокие горы. Здесь было на редкость сухо. Казалось, солнце выжгло всю растительность, кроме той, что смогла приспособиться к его безжалостным лучам. Все это разительно отличалось от влажных и промороженных краев, откуда приплыла Селена.

Страна изобилия. Страна возможностей. Здесь не промышляли грабежом на дорогах, не запирали двери домов, а незнакомые люди улыбались тебе на улицах. Селену не особо волновало, улыбаются ей или нет. Очень скоро ее вообще перестало что-либо волновать. Для этого ей нужно было приложить усилие. Адарлан она покидала, полная решимости. В ней

бурлил гнев... и не только. Здесь все это незаметно исчезло, отступив перед снедающим ее ощущением собственной никчемности.

Через четыре дня пешего пути Селена увидела впереди громадный город, раскинувшийся в долине, у подножия холмов. Это был Варэс – неумоимо бьющееся сердце королевства. Город, в котором родилась ее мать.

Варэс был намного чище Рафтхола. При первом знакомстве могло показаться, что все здесь процветает и благоденствуют и что богачи проявляют заботу о своих бедных согражданах. Но и в этом блистательном столичном городе имелись трущобы и мрачные переулки, шлюхи и мошенники. Достаточно скоро Селена нащупала уязвимые места Варэса.

Внизу, у стены рынка, трое караульных остановились передохнуть и поболтать. Уперев подбородок в ладони, Селена стала прислушиваться к их разговору. Как и все воины королевства, эти были облачены в легкие доспехи и хорошо вооружены. Если верить слухам, вендалинских солдат муштровали фэйцы, обучая их быстроте действий, сообразительности и беспощадности. Селена не горела желанием проверять достоверность этих слухов, имея на то более чем достаточно причин. Здешние гвардейцы казались ей гораздо наблюдательнее рафтхольских, пусть даже они пока и не заметили у себя под носом чужеземного ассасина. Но в эти дни единственным человеком, для кого Селена представляла угрозу, была она сама.

Каждый день она подолгу жарилась на солнце и при всяком удобном случае купалась в фонтанах, благо они были почти на каждой площади Варэса. И все равно у нее не исчезало ощущение, что кровь Аркера Фэнна вьелась ей в кожу и волосы. В неумолчном шуме вендалинской столицы, привыкшей жить в ускоренном ритме, Селене слышались предсмертные стоны Аркера, которого она убила в подземельях стеклянного замка. Ни жара, ни вино не могли прогнать видения: искаженное ужасом лицо Шаола, узнавшего о ее фэйском наследии и чудовищной силе, способной ее уничтожить. Тогда его ужаснуло не только это, но и тьма и пустота в ее душе.

Интересно, попытался ли Шаол разгадать загадку, о которой она ему рассказала перед отплытием из Рафтхола? Селена часто задавала себе этот вопрос. И если он узнал правду... Она запретила себе думать о возможных последствиях. Сейчас не время вспоминать о Шаоле, истине или о чем-то другом, из-за чего ее душа стала настолько вялой и утомленной.

Селена осторожно потрогала рассеченную губу и хмуро посмотрела на караульных, продолжавших болтать внизу. Губа и скула миготали от боли. Она вполне заслужила давешние удары. Вчера, в таверне, она со скуки задела какого-то крепкого парня. Тот обзвал ее шлюхой, за что получил от Селены промеж ног. Очухавшись от страшной боли, он разъярился, и это еще мягко сказано. Все могло кончиться для Селены куда трагичнее, если бы она не сумела улизнуть и перебежками по крышам убраться подальше.

Отняв руку от саднящей губы, Селена продолжала следить. В отличие от рафтхольских караульных и их начальников, эти не облагали торговцев данью, никого не обижали и не грозили штрафами. Все здешние солдаты и чиновники, до сих пор встречавшиеся Селене, были одинаково... доброжелательными.

И Галан Ашерир, наследный принц Вендалина, тоже был доброжелательным.

Пробудив в себе нечто похожее на раздражение, Селена показала язык сразу всем. Караульным, рынку, ястребу на печной трубе, замку и принцу, живущему в этом замке. Жаль, что вино сегодня кончилось так скоро.

Селена узнала способы проникновения в замок. Это было на четвертый день ее появления в Варэсе. Целая неделя успела пройти с того ужасного дня, растоптавшего все ее

замыслы.

Налетел прохладный ветерок, принеся ароматы пряностей, продававшихся неподалеку: мускатного ореха, чабреца, тмина, лимонной вербены. Селена с наслаждением вдыхала эти запахи, надеясь, что они хоть немного прояснят голову, отяжелевшую от солнца и вина. В каком-то из соседних городков в горах звонил колокол. С площади донеслась веселая песенка, затянутая странствующими певцами. Нехемии бы здесь понравилось.

От последней мысли вся беззаботность дня ухнула в пропасть, что разверзлась внутри Селены. Нехемия уже никогда не увидит Вендалин. Не будет бродить среди лотков торговцев пряностями и слушать горные колокола. Невидимый камень тяжело сдавил Селене грудь.

Когда она только-только пришла в Варэс, собственный замысел казался ей удачным, а главное – исполнимым. Селена часами разбиралась в устройстве обороны замка и мысленно планировала, как встретится с Маэвой и узнает о Ключах. Она до мелочей продумала свой разговор с древней королевой и хвалила себя за четкость и проработанность замысла. А потом...

В тот день Селена узнала простой и легкий способ пробраться в замок. Оказалось, что в два часа дня ворота южной стены на несколько минут остаются без охраны. Она быстро разобралась в устройстве механизма, отпирившего ворота, но проникновение решила отложить до следующего дня, а сегодня еще раз внимательно понаблюдать за воротами. Своим дозорным пунктом Селена избрала крышу богатого дома неподалеку от южной стены. И надо же так случиться, что как раз в тот день из южных ворот выезжал Галан Ашерир, и Селена лицезрела его во всей красе и великолепии.

Но не это сокрушило ее тщательно разработанные приготовления. Не облик принца – темноволосого, с оливковой кожей. И даже не его глаза. Расстояние между Селеной и проезжающим принцем было достаточным, но она разглядела его бирюзовые глаза... такие же, как у нее самой. В Рафтхале цвет ее глаз заставлял Селену прятать лицо под капюшоном.

Больнее всего ее ранило то, как радостно жители столицы встречали своего наследного принца.

Никто не выгонял их на улицы, не заставлял выкрикивать приветственные слова. Они делали это сами и совершенно искренне. Горожане обожали его, восхищались его обаятельной улыбкой, блеском ладно сидящих доспехов, на которых играло солнце. Вместе с отрядом солдат принц направлялся на северное побережье, чтобы еще больше обезопасить континент от адарланского вторжения. Обезопасить континент. Принц не вынашивал замыслов по завоеванию Адарлана. Он строил оборонительные сооружения, и народ любил его за это.

Селена следовала за принцем и его отрядом по пятам, перепрыгивая с крыши на крышу. Достаточно было бы одной стрелы, вонзившейся между бирюзовых глаз, и Варэс потонул бы в слезах и скорби. Но Селена сопровождала Галана до самых городских ворот. Приветственные крики становились все громче. Люди забрасывали его цветами. Лица горожан светились гордостью за их прекрасного и совершенного принца.

Селена достигла городских ворот в тот момент, когда их торжественно открыли перед принцем Галаном. А потом Галан Ашерир поехал навстречу закатному солнцу, войне и славе. Поехал сражаться за добро и свободу. Селена просидела на крыше до тех пор, пока фигура принца не превратилась в крохотное пятнышко на горизонте.

Потом она слезла с крыши, направилась в ближайшую таверну и спровоцировала самую отвратительную, жестокую и кровавую потасовку, на какую только была способна. Вызвали

городскую стражу. Просто чудо, что ей удалось покинуть таверну за считанные секунды до появления стражников, иначе бы она, в числе прочих драчунов, сидела бы сейчас в местной тюрьме. Вытирая подолом блузы разбитый нос и сплевывая на мостовую кровавую слюну, Селена послала к демонам и королевские приказы, и собственные замыслы. Больше она палец о палец не ударит.

Что толку в ее замыслах? Нехемия и Галан могли бы освободить весь мир... и не освободили. Нехемия должна была бы остаться в живых... и не осталась. Принц и принцесса совместными усилиями могли бы разбить адарланского короля. Но Нехемия мертва, а клятва Селены – ее напрасная, сгоряча данная клятва – выглядит откровенной глупостью. Тот же Галан мог бы сделать намного больше. Какой же душой она была, что поклялась.

Но даже Галан – прекрасный, любимый народом Галан – всего лишь обороняется от Адарлана. А ведь в его распоряжении – целая армада и тысячи отличных солдат. Селену захлестывало ощущение собственной никчемности. Уж если Нехемия не смогла остановить короля, ее собственный замысел встретиться с Маэвой глуп и абсолютно бесполезен.

К счастью, она еще не столкнулась ни с одним фэйцем. Даже близко не видела. Можно подумать, она прониклась страхом невежественных адарланских обывателей перед магией. На самом деле Селена сама избегала магии. Еще до неожиданной (хотя и косвенной) встречи с Галаном она стороной обходила ту часть рынка, где торговали всякими снадобьями и амулетами. Едва завидев уличных целителей или предсказателей судьбы, Селена торопилась уйти. Разузнав, в каких тавернах любят собираться обладатели магических способностей, она никогда не появлялась там. Достаточно капельки чужих магических сил, чтобы в ней самой пробудилось то, о чем она столько лет пыталась забыть и что старательно вытаптывала. В Варэсе она уже несколько раз оказывалась на грани пробуждения. Ее спасало вино, украденное у ближайшего торговца. Селена пила до тех пор, пока не впадала в отупение.

Итак, прошла неделя с тех пор, как она отказалась от своего замысла и плюнула на все. В том числе и на себя. Селена подозревала, что ее нынешнее состояние продлится не одну неделю. Потом, быть может, ее начнет воротить от теггьи и от ежевечерних потасовок в тавернах (ее лекарство против полного отупения). Когда-нибудь ей надоест наливаться ворованным кислым вином и целыми днями валяться на крышах.

Однако сейчас Селену мучила жажда. Голодный желудок тоже заявлял о себе. Надо убираться с этой крыши, но не торопясь. Нет, она не боялась бдительных караульных. Просто у нее кружилась голова и ей не хотелось кубарем скатиться с крыши, разбив себе еще что-нибудь.

Селена переместилась к другому краю крыши. Эта часть здания выходила в тихий переулок. Оставалось взяться за водосточную трубу и бесшумно сползти вниз. На глаза ей попался тонкий шрам, пересекавший ладонь: напоминание о ее нелепом обещании, данном месяц назад, перед полузамерзшей могилой Нехемии. Напоминание о пышном букете неудач и о людях, которых она подвела. Другим напоминанием служило кольцо с аметистом. Каждую ночь Селена проигрывала это кольцо в какой-нибудь таверне, но еще до восхода солнца возвращала обратно.

Вопреки всему, что произошло в Рафтхале, невзирая на роль Шаола в гибели Нехемии и разрыв с ним, она не могла расстаться с его кольцом. Селена трижды проигрывала кольцо в карты, однако возвращала всеми доступными ей способами. Кинжал, приставленный к ребрам, обычно действовал убедительнее слов.

Это чудо, что при таком головокружении она благополучно спустилась в переулок.

После залитой солнцем крыши здесь было сумрачно и даже темно. Селена оперлась рукой о прохладную каменную стену и стала ждать, когда глаза привыкнут к сумраку. Хорошо бы заодно и голова прекратила кружиться. Боги, в кого превратилась Селена Сардотин – любительница изящной одежды и тонких духов! И скоро ли у нее появятся силы выбраться из этой ямы?

Вскоре Селена обнаружила, что в переулке она не одна. Вначале ее нос уловил жуткое зловоние, и только потом она увидела женщину, от которой оно исходило. На нее смотрели широко раскрытые желтоватые глаза. Из высохших, потрескавшихся губ раздалось шипение:

– Грязнуля! Чтоб я больше тебя не видела у своих дверей!

Селена отпрянула и недоуменно заморгала. Никаких дверей не было, как не было и дома. Только ниша в стене, забитая разным хламом, который и составлял имущество бродяжки. Невозможно было сказать, сколько ей лет. Сгорбленная. Растрепанные, давным-давно не мытые волосы. Вместо зубов – сгнившие корни. Селена еще раз моргнула, и лицо бродяжки обрело резкость. Лицо злобного, полубезумного, невероятно зловонного существа.

Селена примирительно подняла руки, сделала шаг назад, потом второй.

– Прошу прощения, – пробормотала она.

Бродяжка выплюнула комок слизи, и тот упал в дюйме от пыльных сапог Селены. У самой Селены не было сил ни на злость, ни на отвращение. Она бы просто удалилась, не ударь ее вопрос: а как она сама выглядит со стороны? Какой ее видит владелица ниши?

Пыльная, грязная, рваная, давно не стиранная одежда. Давно не мытое тело (купание в фонтанах мытья не заменяло). Такое же зловоние. Недаром бродяжка увидела в ней... соперницу, позарившуюся на эту жалкую нишу в стене.

Отлично. Просто удивительно. Значит, она уже достигла самого дна. Возможно, когда-нибудь она посмеется над этой встречей, если та не сотрется из памяти. Селена не могла вспомнить, когда в последний раз смеялась.

По крайней мере, можно утешаться сознанием того, что хуже уже не будет.

В этот момент кто-то сдержанно рассмеялся за спиной Селены. Голос был сочным, мужским.

Рассмеявшийся действительно был мужчиной. Точнее, существом мужского пола, ибо он был фэйцем.

В Эрилее адарланский король задался целью полностью извести народ фэ. Королевские солдаты охотились за фэйцами повсюду и убивали везде, где находили. С фэйцами дозволялось расправляться как угодно, включая и сожжение заживо. Селена думала, что уже никогда не увидит ни одного. И вот, спустя десять лет, перед ней стоял настоящий фэец. Рослый и невероятно сильный. Он возник словно из воздуха. Просто обойти его не удастся. Попытка убежать окончится еще хуже. Бродяжка в нише и редкие прохожие замерли. В переулке стало настолько тихо, что Селена вновь услышала далекий горный колокол.

Внешне фэец целиком состоял из упругих мускулов. Но в нем безошибочно чувствовалась особая сила, присущая его расе. Он стоял в пыльном луче солнечного света, отчего сверкали его серебристые волосы.

Слегка заостренных ушей и слегка удлинённых клыков вполне хватало, чтобы навести ужас на всех, кто оказался в переулке. Бродяжка забилась в свою щель и едва слышно повизгивала. Но у фэйца была еще и устрашающего вида татуировка на левой стороне сурового лица. По загорелой коже струились целые вихри черных узоров.

Эти знаки можно было бы легко принять за украшения, однако Селена еще довольно хорошо помнила фэйский язык и узнала в прихотливых очертаниях буквы и слова. Татуировка начиналась у виска, спускалась к подбородку и ниже, к шее, где скрывалась под светлым мундиром и плащом. У Селены возникло ощущение, что татуировка продолжается и дальше, чуть ли не до самых ступней. Возможно, под мундиром и плащом находились не только слова фэйского изречения, но и приличный арсенал кинжалов и ножей. Рука Селены инстинктивно потянулась к своему потайному кинжалу. Этого фэйца, пожалуй, можно было бы назвать обаятельным, если бы не жестокость, светившаяся в глазах цвета сосновой хвои.

Когда перед тобой фэец, показания внешности обманчивы. На вид он был молод, но ему вполне могло быть несколько сотен лет. Отсутствие меча на поясе, равно как и другого устрашающего оружия, тоже не говорило о мирном характере его занятий. Селена хоть и отупела, но не настолько, чтобы не понять: судьба столкнула ее с фэйским воином.

Он двигался со смертельно опасным изяществом и уверенностью. Зеленые глаза с предельным вниманием оглядывали пространство спереди и сзади, словно фэец находился не в переулке, а на поле сражения.

Рукоятка кинжала нагрелась в пальцах. Селена чуть изменила позу, удивляясь накотившему страху. Страх разогнал плотный туман, неделями обволакивавший ее чувства.

Фэйский воин медленно двинулся по переулку. Его кожаные сапоги, достигавшие коленей, бесшумно ступали по булыжникам. Кто-то из прохожих буквально вжался в стены домов. Другие бросились на торговую улицу, к чужим дверям, куда угодно, только бы не попасться фэйцу на глаза.

Прежде чем их взгляды встретились, Селена уже знала: он послан за нею. Знала она и кто его послал.

По привычке она потянулась к Глазу Элианы и только потом вспомнила, что амулет остался в Адарлане. Она сама отдала его Шаолу. Это было единственное средство защиты, какое она могла оставить капитану королевской гвардии. Возможно, узнав правду о ней,

Шаол выбросил амулет. Возможно также, что он вернулся в стан ее врагов. А может, обо всем рассказал Дорину, и теперь они оба в относительной безопасности.

Селене отчаянно захотелось вскарабкаться по водосточной трубе и затеряться среди крыш. Но в мозгу снова всплыл замысел, на котором она было поставила крест. Может, кто-то из богов вспомнил о ее существовании и решил бросить ей кость? Ей нужно увидеться с Маэвой.

Перед ней был один из лучших воинов Маэвы. Стоял наготове. Ждал.

Судя по его свирепому характеру, угадываемому за внешним спокойствием, ему очень не нравилось вот так стоять и ждать.

В переулке воцарилась кладбищенская тишина. Глаза фэйского воина изучали Селену. Его ноздри слегка раздулись, как будто... как будто он принюхивался к ней.

Селена испытывала некоторое злорадство, зная, как и чем она сейчас пахнет. Но ее злорадство было поверхностным. Она понимала, *какой* запах пытается уловить фэец. Запах, определяющий ее происхождение, ее кровь и то, кем она является на самом деле. Если бы фэйский воин назвал ее имя... она бы поняла, что Галан Ашерир возвращается домой. Тогда бы вся стража была начеку. Такое развитие событий никак не входило в замыслы Селены.

А этот фэйский истукан вполне мог назвать ее имя – хотя бы затем, чтобы показать, кто здесь командует. Селена собрала в кулак все оставшиеся силы и небрежной походкой двинулась ему навстречу. Она пыталась вспомнить, как повела бы себя несколько месяцев назад, пока ее прежний мир не рухнул в бездну.

– Какая встреча, друг мой, – проворковала она. – М-да, какая встреча.

Ей было плевать на испуганные лица свидетелей. Она смотрела только на фэйца. Смотрела и оценивала. Он стоял неподвижно. Такая степень неподвижности была доступна только бессмертным. Усилием воли Селена успокоила колотящееся сердце и прерывистое дыхание. Возможно, фэец считывал (или снюхивал) ее состояние. Знал, что делается у нее внутри. Такого и за тысячу лет не одурачишь внешней бравадой. А фэец, скорее всего, и был тысячелетним. Его уже давным-давно ничего не удивляло и не трогало. Она была Селеной Сардотин, а он – фэйским воином. Скорее всего, непревзойденным.

Она остановилась в нескольких шагах от фэйца. Боги, до чего же он плечистый.

– Какая приятная неожиданность, – нарочито громко, чтобы слышали все, проговорила Селена.

Она уже и забыла, когда в последний раз произносила столь длинные фразы.

– Я так и думала, мы где-нибудь обязательно встретимся. Правда, мне казалось, это произойдет у городских стен.

Хвала богам, он не поклонился. В его суровом лице вообще ничего не изменилось. Пусть думает что угодно. Селена не сомневалась: ему о ней рассказывали совсем другое. И он представлял ее совсем другой. Должно быть, он в душе смеялся, когда бродяжка приняла Селену за свою соперницу.

– Идем.

Это было единственным словом, которое он произнес своим сочным голосом. В голосе угадывалась скука. Его «идем» эхом отразилось от всех стен и камней переулка. Селена могла бы поспорить на кругленькую сумму, что под кожаными доспехами фэйца спрятан целый арсенал.

Что делать? Ответить ему какой-нибудь дерзостью, чтобы выиграть время и хотя бы немного прочувствовать фэйца? При ее нынешнем облике это выглядело бы глупо. На них по-

прежнему глазели. Фэец двинулся вперед, совершенно равнодушный к испуганным зевакам. Селена не знала, восхищает или возмущает ее такое поведение.

Она последовала за фэйским воином на оживленную, залитую солнцем улицу и дальше через людный город. Фэйца совершенно не волновало, что там, где он шел, люди бросали работу, застывали на месте и смотрели разинув рты. Он ни разу не обернулся и не удостоверился, поспевают ли за ним Селена. Так они добрались до неприметной площади, где возле корыта с водой были привязаны две обыкновенные лошади. Если ей не изменяла память, фэйцы предпочитали совсем других лошадей. Породистых. Скорее всего, фэец появился здесь в ином обличье и просто купил этих кляч.

У всех фэйцев, помимо их собственного, был и второй облик – звериный или птичий. Селена ничего не помнила о своем. Она успела сжиться со смертным человеческим телом. Очень давно она запретила себе думать о подобных вещах. В кого же превращается этот фэец? Очень может быть, что в волка. Его доспехи и плащ чем-то напоминали волчью шкуру. Или в горного леопарда. Изяществом движений он напоминал больших хищных кошек.

Фэец уселся на лошадь покрупнее. Селене предстояло ехать на пегой кобыле, которой явно хотелось чего-нибудь пожевать, а не тащиться по жаре. Сопровождающих не было. Только они вдвоем. Что-либо объяснять или хотя бы сказать, куда они поедут, фэец не считал нужным.

Свой мешок Селена запихнула в седельную сумку. Руки она старалась держать так, чтобы рукава не задрались и не обнажили узкие шрамы на запястьях – следы кандалов. Напоминание о страшном месте, где ей довелось побывать. Это никого не касается. Даже Маэвы. Чем меньше знают о Селене, тем меньше шансов, что знания будут обращены против нее.

Но она не рабыня, чтобы покорно, а главное, молча отправляться неведомо куда.

– Знаешь, в свое время я повидала достаточно молчаливых воинов. Однако ты их превосходишь. Если бы не твое «идем», я бы сочла тебя немым.

Фэец резко повернул к ней голову. Селена продолжала, лениво растягивая слова:

– Давай познакомимся. Думаю, ты знаешь, кто я, и потому я не стану тратить время и представляться. Но прежде, чем мы двинемся черт знает куда, мне хотелось бы знать, кто ты.

Фэец поджал губы. Обвел глазами площадь. Все, кто смотрел на них, тут же поспешили прочь. Дождавшись, пока площадь опустеет, фэец сказал:

– Ты успела узнать обо мне столько, сколько тебе нужно.

Он говорил на общем языке с едва уловимым акцентом. Пожалуй, ей бы даже понравился его акцент, если бы не это бесцеремонное обращение. Слова он выговаривал мягко, с легким мурлыканьем.

– Что ж, спасибо за честность. Но я не успела угадать твое имя. Как мне тебя называть?

Селена держалась за седло, но садиться на лошадь не торопилась.

– Рован.

Казалось, его татуировка впитала лучи солнца и теперь блестела, словно ее сделали только что.

– Итак, Рован.

Чувствовалось, ему крайне неприятен ее тон. Фэец слегка сощурился – знак предостережения, однако это не остановило Селену.

– Могу я спросить, куда мы отправимся?

Наверное, она еще не протрезвела. Одно из двух: или ее голова по-прежнему затуманена

вином, или она опустилась на новую ступень безразличия, если позволяет говорить с ним в такой манере. Но Селене было не остановиться; даже сейчас, когда боги Вэрда или нити судьбы собирались вернуть ее к первоначальному замыслу.

– Туда, куда тебя вызвали.

Если она сумеет увидаться с Маэвой и спросить у древней королевы о том, что не давало ей покоя, обо всем остальном можно не беспокоиться. В том числе и о встрече с Доранеллой, если таковая состоится.

«Делай то, что необходимо», – сказала ей Элиана, как всегда не вдаваясь в подробности. В отличие от адарланского короля, Элиана не дала ей никаких четких распоряжений. Так, может, ей действительно необходимо поехать сейчас с этим угрюмым фэйцем по имени Рован? Все лучше, чем жевать опостылевшую теггью, пить кислое вино и благоухать так, что бродяги принимают за свою. Возможно, недели через три она сможет вернуться в Адарлан с долгожданными ответами.

Все это должно было бы придать ей сил. Но Селена устало взгромодилась на свою кобылу. Молча, больше не испытывая желаний говорить. Короткая беседа с Рованом лишила ее сил. Теперь молчаливость фэйца казалась благом.

Они подъехали к городским воротам. Караульные на стенах лишь помахали им вслед, а кое-кто поспешил отойти от края парапета.

Даже сейчас, когда город остался позади, Рован не поинтересовался, почему она очутилась в Вендалине и чем занималась минувшие десять лет, пока Эрилея превращалась в крошечный ад. Он накинул капюшон, спрятав свои серебристые волосы. Фэец ехал не рядом с Селеной, а впереди. Может, желал подчеркнуть свое отличие? Вряд ли. Он и так разительно отличался от нее: фэйский воин, привыкший сам себе быть законом.

Если Селена правильно угадала его возраст, тогда она для него – не более чем крупинка праха, крохотная вспышка жизни в неугасимом огне его бессмертия. Он мог бы не задумываясь убить ее и заняться выполнением нового приказа, совершенно равнодушный к чужой оборванной жизни.

Раньше такая мысль вызвала бы в Селене волну раздражения. Сейчас ей было все равно.

Этот сон снился капитану гвардейцев целый месяц. Каждую ночь, пока Шаол не начал видеть его наяву.

Стонущий Аркер Фэнн, которого Селена ударила кинжалом в самое сердце. Она обнимала этого красивого куртизана, будто своего возлюбленного, но ее глаза были мертвыми и пустыми. Потом сон изменился. Шаолу оставалось лишь беспомощно наблюдать, как золотисто-каштановые волосы превращались в черные, а искаженное болью лицо Аркера сменялось лицом Дорина.

Наследный принц дергался, стремясь вырваться, но Селена еще крепче обнимала его и еще глубже вонзала кинжал ему под ребра. Потом она разжимала руки, и Дорин сползал на серые камни подземелья. Кровь хлестала из его раны, заливая пол. А Шаол по-прежнему не мог пошевелиться, не мог прийти на помощь другу и остановить женщину, которую и сейчас любил.

Ран на теле Дорина становилось все больше, а вместе с ними прибавлялось и крови. Шаол знал эти раны. Он не видел тела, но гвардейцы подробно рассказали ему, как Селена расправилась с беглым ассасином по кличке Могила. Могилу она с изощренной жестокостью убила в глухом тупике, отомстив за гибель Нехемии.

Селена опустила кинжал. Каждая капля, что стекала с поблескивающего лезвия, падала в лужу крови, вызывая легкую рябь. Селена запрокинула голову и глубоко вдохнула. Она вдыхала смерть вокруг себя, отягчая чужой смертью свою душу. Она наслаждалась мстостью, убивая своего врага. Своего настоящего врага – империю Хавильяров.

Сон опять изменился, и теперь уже сам Шаол извивался на залитом кровью полу, а Селена нависала над ним. Ее голова была все так же запрокинута. И ее лицо, перепачканное чужой кровью, было охвачено все тем же экстазом мести.

Враг. Возлюбленная.

Королева.

* * *

Усилием воли Шаол вынырнул из сна, помня, что находится не в подземелье, а сидит напротив Дорина в Большом зале, за их любимым столом. Принц его о чем-то спросил и теперь ждал ответа. Шаол смущенно улыбнулся, извиняясь за свою рассеянность.

Однако наследный принц не ответил улыбкой.

– Ты сейчас думал о ней, – тихо сказал он Шаолу.

Шаол поддел вилкой кусочек бараньего жаркого, пожевал, но не ощутил вкуса. Черт бы побрал эту излишнюю наблюдательность Дорина. Шаолу не хотелось говорить о Селене ни с Дорином, ни с кем-либо еще. Правда, которую он узнал о королевской защитнице, могла подставить под удар немало жизней, а не только ее собственную.

– Я думал о своем отце, – соврал Шаол. – Через несколько недель он возвратится в Аньель. Я поеду с ним.

Это была плата за благополучную отправку Селены в Вендалин. Поддержка отца в обмен на возвращение Шаола на берега Серебряного озера и принятие на себя ненавистного

титула герцога Аньельского. Шаол с готовностью шел на такую жертву. Он охотно принесет любые жертвы, только бы убересть Селену и ее тайны. Даже сейчас, когда она призналась ему, кем на самом деле является. Даже после того, что он узнал от нее о короле и Ключах Вэрда. Если такова цена, Шаол был готов платить.

Дорин мельком взглянул на возвышение. Там стоял стол, за которым обедали король и отец Шаола. По придворному этикету, там же надлежало сидеть и наследному принцу, однако Дорин предпочел место рядом с Шаолом. Они давно не встречались за столом и не общались. Их размолвка началась после предложения Шаола отправить Селену в Вендалин.

Знай Дорин правду, он бы понял. Но Дорин не должен знать, кем является Селена, равно как и то, что затевает король. Это было бы чревато большой бедой. К тому же у Дорина имелись свои опасные тайны.

– До меня доходили слухи о твоём намерении уехать, – осторожно сказал Дорин. – Я и не подозревал, что они правдивы.

Шаол кивнул, пытаясь найти хоть какую-то тему для разговора.

Оба избегали говорить еще об одной тайне, открывшейся тогда Шаолу в подземелье. Дорин обладал магическими способностями. Шаол ничего не желал об этом знать. Если король вздумает допрашивать его на этот счет... Шаол надеялся, что сумеет продержаться. Он знал: чтобы вытащить из человека нужные сведения, король не всегда прибегает к пыткам. У его величества есть иные, куда более чудовищные способы. И потому Шаол ни о чем не спрашивал принца. Дорин тоже молчал.

В глазах Дорина не было прежней доброты и тепла.

– Шаол, я стараюсь, – сказал Дорин.

Он старался, поскольку не знал, как восстановить отношения с другом детства. Решив удалить Селену из Адарлана, Шаол даже не посоветовался с ним. Дорин счел это вероломством. Он сам не знал, почему так обиделся на Шаола.

– Знаю, – мрачно ответил ему Шаол.

– И вопреки всему, что произошло, я уверен, мы не стали врагами, – добавил Дорин, и у него дернулись губы.

«Ты больше никогда не будешь моим другом. Отныне ты – мой враг».

Эти слова Селена бросила Шаолу в ночь убийства Нехемии – со всей уверенностью и ненавистью, скопившимися в ней за эти десять лет. Десять лет она хранила в себе величайшую мировую тайну, сумев загнать так глубоко, что сама неузнаваемо изменилась, став совершенно другой личностью.

Селена и была загадочно исчезнувшей Аэлиной Ашерир-Галатинией, наследницей трона и законной королевой Террасена.

Это делало Селену его заклятым врагом. И врагом Дорина. Шаол и сейчас терялся в недоумении. Он узнал такое, что могло изменить его жизнь, жизнь принца и еще очень многих людей. Будущее, которое он некогда рисовал для себя, уже не наступит.

Той ночью в подземелье Шаол увидел в глазах Селены полное безразличие вперемешку с гневом и усталостью. А еще раньше, другой ночью, когда убили Нехемию, он видел, как Селена перешла невидимую черту. Подтверждение тому – злодейское убийство Могилы, совершенное ею в отместку. Шаол ни на секунду не сомневался: этот переход не был однократным. Когда-нибудь ее глаза снова наполнятся тьмой и из ее внутренней бездны снова вырвутся демоны.

Убийство Нехемии сокрушило Селену. И его действия, его роль в гибели эйлуэйской

принцессы тоже повлияли. Шаол это знал. Он молил богов, чтобы Селена обрела прежнюю цельность. Одно дело – сокрушенный, непредсказуемый ассасин. Но королева...

– У тебя такой вид, будто тебя сейчас вывернет. – Дорин оперся локтями о стол. – Расскажи, что с тобою.

Взгляд Шаола вновь сделался отсутствующим. Тяжесть всего, что случилось и чему предстояло случиться, показалась непомерной. Он даже рот открыл.

Трудно сказать, в каком русле потек бы дальше их разговор. Но из коридора донеслись приветственные крики, сопровождаемые ударами мечей о щиты. Вскоре в Большом зале появился Эдион Ашерир – доблестный генерал Севера и двоюродный брат Аэлины Галатинии.

Зал приумолк. Даже король и отец Шаола застыли от удивления. Но в Шаоле сработал инстинкт воина. Эдион не успел пройти и половины зала, как Шаол встал в карауле у ступеней, ведущих на королевский помост.

Естественно, молодой генерал не представлял для короля никакой угрозы. Однако Шаола насторожила горделивая, независимая походка Эдиона. Его длинные золотистые волосы отражали свет факелов. Генерал шел так, словно насмеялся над всеми собравшимися.

Слова «красивый» и «обаятельный» слишком поверхностно описывали Эдиона. Правильнее было бы назвать его непреодолимым и даже подавляющим. Высоченный, весь состоящий из мускулов. Его называли воином с головы до пят. Так оно и было. Но все это не лишало его изящества. Взять хотя бы доспехи Эдиона. Они были скроены не для парадов, а для полей сражения и походных условий. Однако Шаол сразу заметил прекрасную выделку кожи и изумительную подогнанность всех частей. С широких плеч генерала свисала белая волчья шкура. К спине был привешен круглый щит вместе с мечом. Меч показался Шаолу старинным, если не сказать древним.

Но лицо Эдиона. И его глаза... Боги милосердные.

Шаол положил руку на эфес своего меча, придав лицу заученное безразличное выражение. Волк Севера, так многие называли Эдиона, был уже рядом с помостом.

У генерала были глаза Селены – глаза династии Ашериров. Бирюзовые, с золотистыми ободками, под цвет волос. Даже волосы у Эдиона и Селены были совершенно одинаковыми. Их могли бы счесть близнецами, если бы не шестилетняя разница в возрасте и не смуглая кожа Эдиона – результат многолетней службы в горах Террасена, где белизна снега усиливала сияние солнца.

Покоряя Террасен, король безжалостно расправился с династией Ашериров. Почему же он пощадил Эдиона? И не только пощадил, а сделал своим генералом? Эдион был принцем и при ином развитии событий мог занять королевский трон Террасена. Он воспитывался совсем в иных условиях, нежели Дорин, и тем не менее служил адарланскому королю.

Продолжая улыбаться, Эдион поднялся по ступеням и остановился возле королевского стола. Короля он приветствовал легким поклоном. Шаол мгновенно оторопел от такой дерзости.

– Здравствуйте, ваше величество, – произнес Эдион, весело сверкая глазами.

Шаол глядел на королевский стол. Вспомнит ли король, у кого еще были такие же глаза? Если вспомнит, это могло погубить и Шаола, и Дорина. Отец Шаола приветствовал гостя легкой довольной улыбкой.

Зато король нахмурился:

– Ты должен был появиться еще месяц назад.

– Прошу прощения. – У Эдиона хватило наглости равнодушно пожать плечами. – Уходящая зима буквально завалила снегом Оленьи горы. Нам было не выбраться. Как только появилась возможность, я немедленно отправился сюда.

Собравшиеся затаили дыхание. Бурный нрав Эдиона и его непочтительность были почти легендарными. Отчасти это и заставляло короля держать генерала на дальних северных рубежах. Шаол всегда считал, что король поступает благоразумно, не подпуская Эдиона к Рафтхолу. Ему молодой генерал казался... двуличным. Беспощадные – так назывался легион, которым командовал Эдион, – отличались не только отменной выучкой, но и отменной жестокостью, оправдывая свое название. Но что заставило короля затребовать Эдиона в столицу?

Король поднял кубок, качнул, разглядывая налитое вино.

– Мне не докладывали о прибытии твоего легиона в Рафтхол.

– И не могли доложить, поскольку я прибыл один.

Шаол внутренне сжался, ожидая, что король повелит казнить наглеца. Только бы избежать роли палача!

– Генерал, я приказывал явиться вместе с легионом.

– Я безостановочно ехал сюда день и ночь, полагая, что вам будет приятно мое общество.

Король что-то прорычал сквозь зубы.

– Легион будет здесь через неделю, – как ни в чем не бывало продолжал Эдион. – Может, чуть позже. Я торопился, поскольку не хотел пропустить ни одного из здешних развлечений.

Новое пожатие плеч.

– Во всяком случае, я приехал не с пустыми руками.

Эдион прищелкнул пальцами. К нему подбежал паж, который нес большой тяжелый мешок.

– Дары с севера. Мои люди уничтожили логово мятежников и кое-что взяли оттуда. Так сказать, на память. Смею надеяться, вы останетесь довольны.

Король выпучил глаза и махнул пажу:

– Неси в мои покои. Твои дары, Эдион, обычно дурно действуют на приличное общество.

Послышались вежливые смешки. Усмехнулся сам Эдион и несколько сидящих за королевским столом. Эдион балансировал на самой грани. Селене хватало благоразумия молчать в присутствии короля.

Если вспомнить, какие трофеи привозила королю Селена, находясь в роли королевской защитницы, в мешке Эдиона, скорее всего, лежали не только золото и драгоценные камни. Но везти в подарок отрубленные головы, руки и ноги своих соплеменников...

– Завтра я созываю совет. Твое присутствие, генерал, обязательно.

Эдион приложил руку к груди:

– Ваше величество, ваша воля – моя воля.

Шаол едва удержался, чтобы не вскрикнуть от ужаса. На пальце Эдиона блеснуло черное кольцо. Такое же было у короля, герцога Перангтона и у тех, кем они безраздельно повелевали. Теперь понятно, почему король позволял Эдиону эти дерзкие слова и жесты. Когда понадобится, Эдион забудет о своей воле и станет послушным орудием в руках короля.

Ничего не изменилось в лице Шаола, когда король слегка кивнул, отпуская его. Шаол молча поклонился. Ему не терпелось вернуться за стол. Подальше от короля, в чьих запятнанных кровью руках находилась судьба их мира. Подальше от отца, видевшего слишком много. И подальше от генерала, который теперь фланировал по залу, похлопывал мужчин по плечам и подмигивал женщинам.

По дороге к столу Шаолу кое-как удалось справиться с ужасом, вгрызавшимся в кишки. Он сел и увидел нахмуренное лицо Дорина.

– Подарочки привез, – пробормотал принц. – Он невыносим.

Шаол молча согласился. Черное кольцо не мешало Эдиону оставаться себе на уме. В мирной жизни он отличался такой же неукротимостью, как и на полях сражений. Развлечения Эдиона всегда были шумными и скандальными. Дориан рядом с ним выглядел едва ли не аскетом. Шаол редко проводил время в обществе Эдиона, да и не стремился к этому, а вот Дорин был знаком с ним давно. Даже очень давно.

С детства. Незадолго до вторжения и убийства королевской семьи король с Дорином побывали в Террасене с визитом вежливости. Тогда же Дорин впервые встретился с Аэлиной... с Селеной.

Хорошо, что Селена сейчас далеко и не видит, в кого превратился Эдион. Дело не только в черном кольце. Жестоко расправляться с соплеменниками...

Эдион плюхнулся на скамью, как раз напротив стола, за которым сидели Шаол и Дорин. Он улыбался. Хищник, высматривающий добычу.

– А вы сидите за тем же столом, что и в прошлый мой приезд. Хоть что-то в мире не меняется, это так приятно.

Боги, это лицо! Это было лицо Селены – другая сторона монеты. То же высокомерие, тот же несдерживаемый гнев. Но там, где Селена стремилась прятать особенности своего характера, Эдион словно нарочно их выпячивал. И потом, в лице Эдиона было что-то еще; что-то отвратительное и жестокое, чему Шаол не мог найти названия.

– Привет, Эдион, – лениво произнес Дорин и вновь уперся локтями о стол.

Эдион будто не слышал его. Он потянулся к жареной бараньей ноге, снова блеснуло черное кольцо.

– Капитан, мне нравится твой новый шрам. – Он кивнул на тонкую белую полоску, что тянулась по щеке Шаола.

В ночь, когда погибла Нехемия, Селена пыталась убить Шаола, но только ранила. Шрам остался как вечное напоминание обо всем, что он потерял.

– Рад, что тебя еще не съели с потрохами, – продолжал Эдион. – И наконец-то у тебя появился приличный меч, как и подобает большим мальчикам.

– Смотрю, ветры и снегопады никак не повлияли на твое состояние, – сказал генералу Дорин.

– Несколько недель носа не высовывали. Днем упражнялись на крытом плацу, а ночью, само собой, в постели. Разве это может дурно повлиять на состояние? Просто чудо, что я все-таки решился спуститься с гор.

– Ты решаешься сделать что-либо при одном-единственном условии: если это наилучшим образом отвечает твоим интересам.

Генерал негромко засмеялся:

– Ценю неистребимое обаяние Хавильярдов.

Он вонзил зубы в баранью ногу. Шаола подмывало спросить у Эдиона, с какой целью он

уселся напротив них. Захотелось поиздеваться? Эдион любил такие развлечения и всегда досаждал Дорину, улучив момент, когда король их не видел. Шаол уже раскрыл рот, но тут заметил, что Дорин внимательно смотрит на генерала.

Принц вовсе не любовался доспехами Эдиона. Он разглядывал глаза потомка Ашериров...

– Разве вас не ждут ни на одной вечеринке? – спросил у Эдиона Шаол. – Удивлен, что вы прохлаждаетесь здесь, когда столица империи предлагает столько соблазнов.

– Капитан, это что, учтивый способ напроситься ко мне на завтрашнее сборище? Признаться, удивлен. Ты же всегда давал понять, что ты выше моих развлечений.

Бирюзовые глаза сощурились. Эдион лукаво улыбнулся принцу:

– А ты, принц? Насколько помню, мое прошлое сборище тебе очень понравилось. Если не ошибаюсь, ты тогда запал на рыжеволосых двойняшек.

– Может, это тебя разочарует, но я отошел от подобных развлечений.

– Мне больше останется, – ответил Эдион, смачно жуя баранину.

Шаол стиснул кулаки под столом. Проведя десять лет в шкуре ассасина, Селена не была образцом добродетели. Но она никогда бы не убила уроженца Террасена. Она отказывалась братья за такие дела. А Эдион всегда отличался удивительной беспринципностью. Однако теперь... Знал ли генерал, что за кольцо носит? Знал ли он, что при всем его высокомерии, бунтарстве и дерзости король в любой момент мог подчинить его своей воле?

Об этом Шаол промолчит. Предупреждать Эдиона нельзя. Если генерал действительно предан королю, это «доброе дело» может погубить Шаола, и не только его.

– Как дела в Террасене? – спросил Шаол, потому что Дорин снова внимательно разглядывал Эдиона.

– А о чем бы ты хотел услышать? О том, что за суровую зиму мы прилично отъелись? Что потери от болезней можно пересчитать по пальцам? – Эдион хмыкнул. – Охота на мятежников – это всегда удовольствие. Конечно, если у тебя есть вкус к таким занятиям. Надеюсь, его величество вызвал Беспощадных на юг не просто так, а чтобы проверить их в настоящем деле.

Эдион потянулся к кувшину с водой, и Шаол мельком увидел эфес меча генерала. Тусклый металл, весь в царапинах и вмятинах. Самый конец эфеса был отломан, обнажив пожелтевший, потрескавшийся рог. Странно, что один из величайших воинов Эрилеи носил такой простой меч.

– Это меч Оринфа, – лениво пояснил Эдион. – Подарок его величества по случаю моей первой победы.

Тот меч знали все. Он был частью наследия террасенской королевской семьи и передавался из поколения в поколение. По праву меч должен был бы перейти к Селене, поскольку раньше принадлежал ее отцу. Веками этот меч разил врагов Террасена, но в руках Эдиона стал убивать самих террасенцев. Подарок короля был словно пощечина Селене и ее семье.

– Никак не подозревал в тебе сентиментальности, – усмехнулся Дорин.

– Символы, принц, обладают силой. – Взгляд Эдиона словно припечатал Дорина к месту.

Шаол знал этот взгляд, как у Селены: несгибаемый, вызывающий.

– Тебя бы удивило, какие чудеса творит этот меч на Севере, уберегая людей от безрассудных замыслов.

Возможно, навыки и сметливость Селены были наследственными. Однако Эдион принадлежал к ветви Ашериров, а не Галатиниев. Значит, его прародительницей была Мэба – одна из трех фэйских королев. В дальнейшем ее объявили богиней и дали новое имя – Денна, сделав покровительницей охоты. Шаол молча сглотнул.

Тишина за столом становилась все напряженнее.

– Друзья мои, а что между вами происходит? – вдруг спросил Эдион, отправляя в рот очередной кусок баранины. – Сейчас угадаю: в этом наверняка замешана женщина. Уж не королевская ли защитница? Судя по слухам, она... привлекательна. Не потому ли, дорогой принц, ты охладел к моим развлечениям? – Эдион обвел глазами зал. – Я был бы не прочь с нею познакомиться.

– Она уехала. – Шаол едва удержался, чтобы не схватиться за меч.

– Жаль. – Эдион наградил принца кривой улыбкой. – Может, она бы убедила и меня отправиться вместе с нею.

– Думайте, что говорите, – резко бросил ему Шаол.

Можно было бы лишь посмеяться над словами Эдиона, если бы не жгучее желание придушить генерала. Дорин молча барабанил пальцами по столу.

– И уважайте тех, кто служит королю.

Эдион усмехнулся и бросил на тарелку обглоданную баранью кость:

– Между прочим, я тоже был и остаюсь верным и преданным слугой его величества.

Бирюзовые глаза уперлись в Дорина.

– Возможно, когда-нибудь то же можно будет сказать о и тебе.

– Если доживешь, – учтивым тоном ответил Дорин.

Эдион взялся за новый кусок мяса, но Шаол по-прежнему чувствовал на себе его взгляд.

– Поговаривают, что не так давно в Рафтхоле убили предводительницу клана ведьм, – переменял тему Эдион. – Бесследно исчезла. Но в ее жилище все было перевернуто вверх дном. Видно, дралась за свою шкуру.

– Тебе-то что до этого? – резко спросил Дорин.

– Ведьмы угрожают законной власти. Мне всегда важно знать, где и при каких обстоятельствах враги короны находят свой конец.

У Шаола по спине поползли мурашки. О ведьмах он знал мало. Селена рассказала ему несколько историй. Шаолу хотелось думать, что они слишком сдобрены вымыслом. Тогда почему на лице Дорина мелькнул ужас?

– Вас это никак не касается, – подавшись вперед, сказал Эдиону Шаол.

И вновь Эдион оставил его слова без внимания, озорно подмигнув принцу. У Дорина слегка раздулись ноздри – единственный признак гнева, бурлящего внутри. Шаолу показалось, что сам воздух в зале изменился. Пахнуло магией.

– Мы опаздываем, – соврал он, кладя руку на плечо друга.

К счастью, Дорин понял намек.

Нужно было поскорее увести принца и не дать разыгаться буре. А такое, учитывая характеры Дорина и Эдиона, вполне могло случиться.

– Желаю вам приятно отдохнуть, – произнес Шаол.

Дорин молча встал. Его сапфировые глаза напоминали кусочки льда.

Эдион лишь усмехнулся:

– На тот случай, принц, если тебе захочется вспомнить старые добрые дни, приходи завтра на мое сборище.

Генерал точно знал, на какие пружины нажать. О последствиях он думать не привык. Это делало его крайне опасным противником. Особенно теперь, когда в Дорине пробудились магические способности.

По пути к выходу Шаол изо всех сил старался выглядеть спокойным. Он непринужденно попрощался с гвардейцами. Мысленно благодарил снежные бури, задержавшие Эдиона в горах. Иначе тот бы мог нос к носу столкнуться со своей давно исчезнувшей двоюродной сестрой.

Если бы Эдион знал, что Аэлина жива; если бы знал, кем она стала... наконец, если бы он узнал, что ей известно о тайном источнике силы короля, чью сторону он бы принял? Помог бы двоюродной сестре или уничтожил ее? При тех зверствах, что он творил в своем родном Террасене, и помня о черном кольце... Шаол понимал: необходимо держать генерала как можно дальше от Селены. И от Террасена тоже.

Он думал о том, сколько крови прольется, когда Селена узнает о «подвигах» своего двоюродного брата.

До башни принца Шаол и Дорин шли молча. Когда они свернули в последний коридор, где можно было не опасаться чужих ушей, Дорин сказал:

– Напрасно ты встрял.

– Эдион непредсказуем и опасен, – угрюмо ответил Шаол. – Потому и встрял.

На этом их разговор мог бы и кончиться. Шаол не был настроен его продолжать, но все-таки добавил:

– Я опасался, что вы сорветесь. Как тогда, в галерее. – Шаол тяжело выдохнул. – Вам удастся справляться... с этим?

– Иногда удается, а иногда не очень. Стоит рассердиться или испугаться, и это само лезет из меня.

Коридор оканчивался арочной деревянной дверью, скрывавшей лестницу, что вела в башню. Дорин взялся за ручку, но Шаол остановил его, вновь положив руку на плечо.

– Я не хочу знать никаких подробностей, – прошептал он, чтобы не слышали караульные у двери. – Не хочу, чтобы все, о чем я узнал, было использовано против вас. Дорин, я делал ошибки и не намерен их отрицать. Но моя главная задача не изменилась. Ваша безопасность была и осталась для меня на первом месте.

Дорин окинул его долгим взглядом, склонив голову набок. Должно быть, вид у капитана был столь же жалкий, как и его внутреннее состояние, потому что принц спросил его почти ласково:

– Скажи мне правду: зачем ты отправил ее в Вендалин?

Шаола разрывало от душевной муки. Ему отчаянно хотелось рассказать принцу о Селене, освободиться от невыносимого груза тайн, но он не посмел.

– Я отправил ее выполнять то, что необходимо выполнить, – только и ответил Шаол.

Повернувшись, он зашагал по коридору. Дорин его не окликнул.

Манона поплотнее закуталась в кроваво-красного цвета плащ и прижалась к стене чулана. Сквозь стену было слышно, как переговариваются трое крестьян, вломившихся в ее дом.

Весь день ветер приносил ей дурные предчувствия, увеличивая страх и гнев. Отбросив привычные дела, Манона стала готовиться к встрече незваных гостей. Потом она забралась на соломенную крышу своего домика с белеными стенами и повела наблюдение за окрестностями. Постепенно стемнело. Манона продолжала сидеть на крыше. Наконец она увидела колеблющееся пламя факелов, мелькающее над высокими травами луга. Жители деревни не попытались задержать этих троих, хотя больше никто с ними и не пошел.

Говорили, что в их маленькую зеленую долину на севере Фенхару явилась крошанская ведьма. Все недели жалкого существования, которое влачила здесь Манона, она каждую ночь ждала вторжения. Так было во всякой деревне, где она жила или куда навевалась.

Манона затаила дыхание и по-звериному замерла: кто-то из незваных гостей вошел в ее спальню. Высокий бородатый крестьянин, широкие ладони величиной с суповые миски. От него разило элем, и зловоние проникало даже в чулан. А еще он жаждал крови. Ее, Маноны, крови. Жители деревни безошибочно знали, как они поступят с ведьмой, торговавшей с заднего крыльца зельями и прочими снадобьями и умевшей предсказывать пол еще не родившегося ребенка. Удивительно, что они так долго набирались храбрости для расправы с нею. Жалкие людишки, привыкшие бояться всего, чего не могли понять их куриные мозги.

Крестьянин замер посреди спальни, потом двинулся к кровати.

– Мы же знаем, что ты где-то здесь, – фальшиво добрым голосом произнес он, не переставая озираться. – Просто хотим поговорить. Понимаешь, кое-кто из наших тебя боится. Могу побиться об заклад: они тебя боятся больше, чем ты их.

Грош цена его вкрадчивым речам. Когда верзила нагнулся, чтобы заглянуть под кровать, Манона заметила блеск кинжала. История повторилась: что в захудалых городишках, что в насмерть перепуганных деревнях.

Пока крестьянин разглядывал подбрюшье кровати, Манона выскользнула из чулана и нырнула за дверь, в темноту.

В кухне позвякивало и постукивало – было понятно, чем занимались спутники верзилы. Они не столько искали ведьму, сколько тащили все, что под руку попадет. Правда, брать особо было нечего. Манона поселилась в пустующем доме, и все находившееся здесь имущество было чужим. Ее собственные пожитки уместались в мешок, лежащий в чулане. Манона привыкла не обременять себя вещами. Чужого не брала и своего нигде не оставляла.

– Ведьма, мы хотим всего лишь потолковать.

Крестьянин отвернулся от кровати и наконец заметил чулан. Усмехнулся – торжествуя, предвкушая расправу.

Этот болван даже не слышал, как закрылась дверь спальни. Впрочем, Манона заблаговременно смазала в доме все дверные петли.

Лапища верзилы схватилась за ручку чулана. Кинжал неуклюже болтался у него на поясе.

– Вылезай, крошаночка, – все с тем же фальшивым дружелюбием произнес крестьянин. Молчаливая, как смерть, Манона приблизилась. Этот дурень не замечал ее присутствия,

пока она не прошептала ему на ухо:

– Не на ту ведьму напал.

Верзила дернулся, ударившись спиной о дверь чулана, и выхватил кинжал. Теперь ему было страшно, по-настоящему страшно. Вон как тяжело дышит. Манона просто улыбалась. Ее серебристо-белые волосы переливались в лунном свете.

Только сейчас крестьянин заметил закрытую дверь и собрался крикнуть. Но Манона улыбнулась еще шире, выдвинув из десен свои железные, невероятно острые зубы. Верзила попятился и снова ударился спиной о дверь чулана. От ужаса его глаза закатились так, что зрачки исчезли, остались только сверкающие белки. Выпавший кинжал запрыгал по полу.

Манона взмахнула руками перед его носом, и железные когти поверх ногтей блеснули, словно маленькие молнии. Пусть хорошенько обделается со страху, красавец.

Шепча молитву своим мягкосердечным богам, крестьянин стал пятиться к единственному окну спальни. Манона ему не мешала. Пусть думает, что у него есть шанс убраться отсюда живым. Продолжая улыбаться, она медленно приближалась к нему. А потом вцепилась в горло: он даже крикнуть не успел.

Когда с этим было покончено, Манона бесшумно вышла из спальни. Двое других продолжали наполнять мешки ворованным добром, искренне веря, что все это принадлежит ей. Кто здесь жил до нее и что стало с этими людьми, Манону не занимало. Должно быть, умерли. Или убрались подальше от нечистых мест.

Второй ее гость тоже не успел крикнуть, как железные когти Маноны пропороли ему брюхо. В это время в кухню ввалился третий, удивленный неожиданной тишиной. Зрелище, увиденное им, превосходило любые кошмарные сны. Одна рука ведьмы застряла в окровавленном животе его товарища, другая обнимала несчастного за талию. Железные зубы «крошаночки» впились бедняге в горло. Со скоростью арбалетного болта последний гость вылетел из дома.

Кровь ее жертвы, как и у прочих смертных, была водянистой, с отвратительным привкусом страха и жестокости. Манона сплюнула на пол. Она даже не стала вытирать подбородок. Ей отчаянно хотелось догнать третьего, который теперь опрометью неся по зимнему полю, где травы были выше человеческого роста.

Манона досчитала до десяти, напомнив себе, что ее главная охота – не на смертных. Она была прирожденной охотницей. Наверное, и родилась такой. Желание убивать постоянно бурлило в ее крови. Ведь она – Манона Черноклювая, наследница главы клана Черноклювых. Она неделями обреталась в этих краях, прикидываясь крошанской ведьмой и надеясь тем самым приманить кого-нибудь из настоящих крошанок.

Куда же подевались эти самоуверенные, надменные женщины, выдававшие себя за гадалок и знахарок? Первой крошанкой, которую она убила, была темноволосая шестнадцатилетняя девчонка, ее тогдашняя ровесница. Манона сразу узнала ее по кроваво-красному плащу. Такой плащ выдавали каждой крошанской ведьме после первых месячных.

Бросив труп крошанки стыть на заснеженном горном перевале, Манона забрала плащ себе и до сих пор носила его, хотя прошло уже больше ста лет. Такое себе позволяла только она. Никто из Железнодорожных ведьм не осмелился бы на подобную дерзость, чтобы не стать средоточием гнева трех предводительниц. Крошанские ведьмы были заклятыми врагами Черноклювых. Но с тех пор, как Манона явилась в крепость Черноклювых, неся в шкатулке сердце убитой крошанки (в подарок бабушке), на нее возложили священную обязанность истреблять крошанских ведьм. Выскивать и убивать одну за другой, пока от клана не

останутся лишь воспоминания.

Этим последние полгода и занималась Манона. Остальные ведьмы клана, получив аналогичный приказ, разбрелись по всей Мелисанде и северным частям Эйлуэ. Но за все месяцы, переходя из деревни в деревню, Манона не наткнулась ни на одну крошанку. Трое крестьянских дурней были первой ее забавой за минувшие недели. И грех было не насладиться этим сполна.

Манона пошла на луг, по дороге слизывая кровь с пальцев. Она двигалась бесшумно, как ночной туман.

А вот и третий. Не рассчитал силы, сбил дыхание и теперь сидел на снегу, поскуливая от страха. Заметив тень, крестьянин повернулся и увидел Манону. Ее рот был перепачкан кровью. Железные зубы угрожающе поблескивали в лунном свете, а на лице играла жуткая, леденящая сердце улыбка.

Под крестьянином расплзлось желтое пятно. Потом он истошно завопил. Манона терпеливо ждала, когда он вдоволь накричится.

Селена и Рован ехали на юг. Пыльная дорога петляла между лугами. Куда ни глянь, везде торчали валуны. Затем дорога повернула к холмам. Селена хорошо помнила карты Вендалина и знала: холмы – лишь начало высоких Камбрианских гор. Горы служили естественной границей между той частью Вендалина, где правили смертные, и владениями бессмертной королевы Маэвы.

Холмы лишь казались близкими. Когда путники добрались до них и начали подниматься по склонам, солнце, наоборот, стало опускаться за горизонт. Дорога сделалась более каменистой и теперь шла по краю достаточно глубоких ущелий. Селена подумывала, не спросить ли Рована, где он собирается остановиться на ночлег. Но не спрашивала. Она устала, и не только от жаркого дня, скверного вина и поездки верхом.

Она устала до мозга костей, устала кровью и плотью, не говоря уже о душе. Ей было мучительно тяжело открыть рот и произнести хотя бы слово. Рован оказался идеальным спутником: всю дорогу он молчал.

Сумерки застали их в чаще. Смешанный лес из дубов и кипарисов тянулся по обе стороны и уходил выше, в горы. Могучие высокие деревья соседствовали с низенькими и чахлыми. Картину дополнял густой подлесок и замшелые валуны. Надвигавшаяся темнота не мешала Селене ощущать дыхание леса. Теплый воздух звенел, и от этого звона у нее во рту появился странный металлический привкус. Где-то далеко позади глухо урчал гром.

Селене надоел шумный Варэс, и она радовалась перемене. Вскоре Рован так же молча остановил лошадь и спешился. Судя по его седельным сумкам, шатра у него не было. Походных подстилок тоже. У фэйского воина не было даже покрывал.

Скорее всего, у Маэвы ее ждет не самый теплый прием.

Они отвели лошадей подальше от дороги, чтобы не попасться на глаза случайным путникам. Освободив свою лошадь от поклажи, Рован повел ее на водопой. Заостренные уши фэйца уловили шелест ручья. Уже порядком стемнело, но по пути к ручью Рован ни разу не оступился и не споткнулся. Зато Селена успела сделать и то и другое, больно ушибив палец на ноге. Народ фэ отличался превосходным зрением, в том числе и в темноте. И у нее было бы такое же, если бы она...

Нет, об этом Селена не хотела даже думать. После того, что случилось по другую сторону портала. Тогда она претерпела перемену облика, и это было настолько ужасно, что отбило у нее интерес к повторению.

Когда лошади напились, Рован по-прежнему молча увел их к месту ночлега. Селена не возражала. В конце концов, были дела, которые не сделаешь в присутствии Рована. Покончив с ними, Селена опустила на колени и стала пить. Какой удивительный вкус... новый и древний одновременно. Чудесный напиток, восстанавливающий силы.

Селена пила до тех пор, пока не сообразила, что даже такой волшебной водой не наешься. Тогда она побрела к месту ночлега, который отыскала по блеску серебристых волос Рована. Фэец молча протянул ей ломоть хлеба, сыр, а сам вернулся к чистке лошадей. Селена пробормотала слова благодарности, однако помощи не предложила. Привалившись к стволу громадного дуба, она набросилась на еду.

Постепенно желудок утомился. Рован дополнил ее ужин яблоком, которое молча бросил ей, продолжая кормить лошадей. Селена мгновенно умяла и яблоко и лишь сейчас

обратила внимание, с каким громким чавканьем ест. Конечно же, Рован все это слышал. Ну и пусть.

Сытость придала Селене решимости, и она спросила:

– Неужели в здешних местах так опасно, что нельзя развести огонь?

Рован ответил не сразу. Он уселся под другим деревом, вытянув скрещенные ноги.

– Опасно, но не из-за смертных.

Это были первые его слова с тех пор, как они покинули Варэс. Может, Рован пытался ее напугать? Селена напомнила себе, что едет не с пустыми руками. Больше она вопросов не задавала. Ей не хотелось знать, каких существ и из какого мира мог бы привлечь огонь.

Лес вокруг был полон звуков. Шелестела тяжелая листва. Журчал полноводный ручей. Высоко над головой хлопали птичьи крылья. Лес как лес. Если не считать трех пар маленьких глаз, выглядывающих из-за соседнего валуна.

Пальцы привычно сомкнулись на рукоятке кинжала. Но чего она испугалась? Те, кому принадлежали глаза, просто смотрели на нее. Селене стало неловко. Хорошо, Рован не заметил. Он сидел, упираясь затылком в ствол дуба.

Маленький Народец. Они всегда ее знали. Они не подчинялись адарланскому королю, и, даже когда его империя стала расползаться, подминая под себя континент, они оказывали Селене скромные знаки внимания. Остановившаяся на ночлег в лесу, она находила то свежую рыбу, то свернутый кульком лист, полный черники, то венки лесных цветов. Она не обращала на это внимания и старалась держаться подальше от Задубелого леса.

Фэйри продолжали наблюдать за нею. Селена пожалела, что так быстро проглотила пищу. Набитый желудок сковывал движения. И все равно Селена внимательно следила за любопытной троицей, готовая занять оборонительную позицию. Рован не пошевелился.

Возможно, здешние фэйри, в отличие от террасенских, не соблюдают древних клятв. Пока Селена думала об этом, среди деревьев появились новые пары глаз. Новые молчаливые свидетели ее прибытия. Ведь Селена тоже была фэйкой... или кем-то вроде полукровки. Ее отец по женской линии вел свой род от сестры Маэвы. После смерти ее объявили богиней. Если отряхнуть пыль веков, получается довольно смешная история. Мэба связала свою жизнь со смертным принцем, без памяти влюбившимся в нее. Платой за любовь стала потеря бессмертия.

Знают ли здешние фэйри о войнах на далеком континенте? Известно ли им, как расправлялись с фэйцами и фэйри в захваченном Террасене? Как выжигали древние леса, убивали священных оленей? Вряд ли. Ведь все это происходило далеко-далеко отсюда, на другом конце света.

Селена сама не понимала, почему вдруг задумалась о подобных вещах. Но те, кто явился поглазеть на нее, похоже, хотели... получить ответ. Удивляясь себе, Селена прошептала в звенящую тьму:

– Они по-прежнему живы.

Сверкающие глаза исчезли. Селена оглянулась на Рована. Тот все так же сидел с закрытыми глазами, однако ей показалось, что фэйский воин все видел и слышал.

Король завтракал. Дорин Хавильяр стоял рядом, заложив руки за спину. Сам король появился минут десять назад, однако до сих пор не пригласил сына сесть. Раньше Дорин не преминул бы что-нибудь сказать на этот счет. Но не сейчас. Пробудившиеся магические способности, которыми он так и не научился управлять, неопределенность судьбы Селены, наконец, иной мир, с которым он столкнулся в тайных подземельях, – все это изменило характер принца. Теперь Дорин старался держаться смиренно и поменьше привлекать к себе внимание отца и придворных. Вот и сейчас он просто стоял возле стола и ждал.

Король покончил с жареной куриной ножкой и отхлебнул из своего кроваво-красного бокала.

– Какой-то ты сегодня тихий, принц, – сказал завоеватель Эрилеи и потянулся к блюду с копченой рыбой.

– Я ждал, отец, пока вы заговорите первым.

Черные, как ночь, глаза скользнули по лицу Дорина.

– Очень необычно.

Дорин напрягся. О его магических способностях знали только Селена и Шаол. Однако Шаол категорически не желал говорить на эту тему, пресекая все попытки принца объясниться и выговориться. Дорин мог быть тише воды ниже травы, однако замок кишел шпионами и подхалимами, которые не брезговали ничем, только бы выслужиться и занять местечко повыше. Им ничего не стоило продать королю даже наследного принца. Мог ли Дорин быть уверен, что его никто не видел в коридорах библиотеки? Что никто не набредал на книги, которые он прятал в покоях Селены? Опасаясь чужих глаз, Дорин перенес книги в подземную гробницу, куда навещался каждую ночь. Нет, он не пытался искать там ответы на вопросы, обуревавшие его. Он спускался в подземелье, чтобы хотя бы час побыть в полной тишине.

Король продолжил завтракать. Дорин бывал в отцовских покоях всего несколько раз. Своими размерами они не уступали большому столичному особняку. У короля имелась своя библиотека, столовая и комната для совещаний. Покои его величества занимали целое крыло стеклянного замка. В противоположном крыле находились покои матери Дорина. Родители принца не делили супружеское ложе. Дорин об этом знал, но никогда не пытался дознаться подробностей.

Утреннее солнце, светившее сквозь закругленную стеклянную стену, озаряло лицо короля, оттеняя каждый шрам и делая черты еще более мрачными и угрюмыми.

Дорин поймал на себе отцовский взгляд.

– Сегодня тебе надлежит развлекать Эдиона Ашерира, – объявил король.

Дорину стоило немалых усилий сохранить почтительно-бесстрастное выражение лица. Однако промолчать он не мог.

– Позвольте спросить почему?

– Потому что в ожидании своего легиона Беспощадных генерал Ашерир ничем не занят. Вам было бы полезно познакомиться поближе. А то ты с недавних пор стал слишком... неразборчив в выборе друзей.

Дорин чувствовал, как из глубин его существа пробивается холодная ярость. Все было бы ничего, если бы она не тянула за собой магическую силу.

– При всем уважении к вам осмелюсь напомнить, что мне необходимо подготовиться к двум встречам.

– Мое распоряжение не обсуждается. – Король снова потянулся за копченой рыбой. – Генерала Ашерира уже уведомили, что ты с ним встретишься в полдень.

Лучше всего сейчас было бы смолчать и смириться, но отцовское решение выбило Дорина из колеи.

– Скажите, отец, а почему вообще вы терпите Эдиона? Почему сохранили ему жизнь и сделали генералом?

Эти вопросы Дорин задавал себе со вчерашнего дня, едва Эдион появился в Большом зале.

Король понимающе усмехнулся:

– Гнев Эдиона – полезное оружие. Он умеет держать своих соплеменников в узде. Убивать их он не рискнет. Сам потерял слишком много. Он командует легионом, а им командует страх. Этот страх помог ему утихомирить на Севере многих потенциальных бунтовщиков. Эдион прекрасно понимает, чем это грозит его соплеменникам. Прежде всего – обычным людям. Счет жертв пошел бы на сотни и тысячи.

Дорин в очередной раз мысленно спросил себя: неужели этот жестокий человек – его отец? Вслух он, естественно, сказал другое:

– Меня удивляет, что вы держите генерала почти на положении пленного, если не сказать – раба. Вы управляете им с помощью страха. Но в этом есть и свои опасности.

Интересно, рассказал ли отец Эдиону об отправке Селены с тайной миссией в Вендалин? Туда, где до сих пор правит династия Ашериров – родственников Эдиона. Эдион трубил о своих многочисленных победах над мятежниками и вел себя так, словно половина империи принадлежала ему. Но помнил ли он о своей родне на далеком континенте?

– У меня есть надежные способы взять Эдиона на поводок... если понадобится. А пока что его бравата и непочтительность меня забавляют. – Король кивнул в сторону двери. – Но меня не позабавит, если ты посмеешь уклониться от встречи с ним.

«Скормил меня Волку Севера», – подумал Дорин, покидая отцовские покои.

* * *

Играя навязанную ему роль заботливого хозяина, Дорин предложил Эдиону посетить зверинец, псарню, конюшни и даже библиотеку. Генерал мотал головой. Он и так насиделся в четырех стенах. Нет, только прогулка по дворцовым садам. К тому же он вчера переусердствовал за ужином и до сих пор не может прогнать сонливость. На этот счет у Дорина были свои предположения.

Когда они вышли из замка, Эдион не устаивал принца разговорами. Вместо этого он распевал себе под нос похабные песенки и глазел на встречных женщин. Тем, кто видел генерала издали, он казался веселым и галантным. Очень скоро Дорин убедился, что Эдион бывает и другим. Все выглядело как чистая случайность. Они двигались по узкой аллее, обсаженной кустами роз. Летом эта аллея вызывала восхищение, но зимой колючая стенка становилась крайне опасной. Караульные, сопровождавшие принца, шли поодаль и еще не успели свернуть в аллею. Эдион и Дорин остались наедине. Дорожка обледенела, и в какой-то момент Эдион, поскользнувшись, толкнул принца, и тот потерял равновесие. Генерал

даже не попытался схватить Дорина за руку. Он продолжал напевать свои скабрёзные песенки.

Дорин умел падать и ловким маневром уберёг лицо от встречи с мерзлыми шипами. Но плащ его был порван, а рука расцарапана в кровь. Возможно, генерал рассчитывал, что принц начнет возмущаться и разглядывать порезы. Нет, Дорин попросту запихнул руки в карманы и пошел дальше. К этому времени в аллею свернули и караульные.

Короткий разговор между ними произошел только у фонтана. Там Эдион встал, подбоченившись, и принялся разглядывать панораму садов, словно перед ним лежало поле битвы. Руки, упиравшиеся в бока, покрывали многочисленные шрамы. Увидев приближающихся караульных, Эдион пренебрежительно фыркнул; блеснули бирюзовые глаза, такие яркие и такие знакомые Дорину.

– Неужели даже вблизи дворца принц нуждается в эскорте? Меня оскорбляет, что тебе не выделили больше гвардейцев для охраны от моей персоны.

– Думаешь, ты бы справился с шестерыми?

Волк Севера усмехнулся и пожал плечами. Полуденное солнце вспыхнуло на тусклом эфесе его меча.

– Я промолчу... на всякий случай. А то вдруг твой отец решит, что я ему не настолько полезен, чтобы терпеть мой характер?

Сказано было громко, в расчете на караульных. Те услышали и зашептались.

– Вряд ли отец так решит, – ответил Дорин.

До самого конца их дурацкой прогулки Эдион больше не произнес ни слова. Посчитав, что достаточно нагулялся, генерал остановился.

– Рот, дружок, не разевай; что увидел – то хватай, – заявил он с кривоватой улыбкой.

Дорин не понимал, к чему это сказано. Может, намек на пораненную руку, которая и сейчас продолжала кровоточить?

Не прощаясь, генерал зашагал прочь, лишь бросил через плечо:

– Благодарю за прогулку, принц.

Прозвучало это скорее как угроза, чем как выражение благодарности.

Дорин не верил, что Эдиону просто так взбрело в голову погулять. Возможно, генерал сам выразил королю желание пообщаться с принцем. Но ради чего? Этого Дорин и сейчас не понимал. Возможно, решил проверить, каким стал наследный принц и насколько хорошо умеет играть в подковерные игры. Или хотел узнать, кем в дальнейшем может стать для него Дорин: потенциальным союзником или противником. При всем своем высокомерии Эдион был весьма неглуп и жизнь двора рассматривал как разновидность сражения.

Караульных для этой прогулки выбирал сам Шаол. Они сопроводили Дорина в замок, тепло которого показалось принцу таким желанным. Там он легким кивком отпустил охрану. Как хорошо, что Шаол сегодня не появился. Выслушивать принца он не хотел, говорить о Селене отказывался. Тогда о чем еще им говорить? Дорин даже в мыслях не допускал, что Шаол мог бы с готовностью отправить на смерть невинных людей; не важно, друзья они ему или враги. В таком случае Шаол должен знать: Селена не станет убивать никого из Ашериров, даже если это приказ короля. В детстве у них с Шаолом не было секретов друг от друга. Но это в детстве.

И все же принцу не давали покоя туманные и явно содержащие намек слова друга. Он думал над ними, спускаясь в ту часть подземелья, где помещались королевские целители. Здесь пахло розмарином и мятой. Пара комнат и кладовых. Сюда не заглядывали

любопытные обитатели стеклянного замка. Сановная знать до подвальных лекарей не снисходила – во всех смыслах, и положение принца обязывало следовать тому же примеру. Но в этих тесных, лишенных солнечного света комнатках были собраны лучшие врачеватели Рафтхола и всего Адарлана. Так повелось издревле, с тех пор как построили замок. Побелевшие камни сотнями лет впитывали запахи трав и снадобий, отчего здесь всегда дышалось как-то по-особому. Даже не верилось, что совсем рядом – громадный замок с его суестью и интригами.

Два помещения, куда заглянул Дорин, оказались пустыми. В третьем он застал девушку, склонившуюся над большим дубовым столом. Стол был уставлен склянками, весами, фарфоровыми ступками. Под потолком висели пучки трав. В углу на жаровнях стояли горшки, и в них что-то кипело и булькало. Искусство врачевания было одним из немногих, не попавших под королевский запрет. Однако целительство лишилось своей главной силы – магии. Дорин слышал, что когда-то магия успешно помогала целителям спасать и лечить. Нынче им дозволялось пользоваться лишь природными средствами.

Услышав шаги, девушка подняла глаза от книги. Палец застыл на строчке. Не красавица, но хорошенькая. Миловидные черты, каштановые волосы, заплетенные в косу, золотистый оттенок кожи, намекавший на то, что кто-то из ее родителей был родом из Эйлуэ.

Увидев принца, девушка поспешно вскочила и поклонилась.

– Что желает ваше высочество? – спросила она, покраснев лицом и изящной шеей.

Дорин показал свою окровавленную руку:

– На прогулке поранился о мерзлые колючки.

Он не сказал «о розовый куст», подумав, что это прозвучит глупо и жалко.

Девушка избегала смотреть ему в глаза и от волнения покусывала пухлую нижнюю губу.

– Соболаговолите сесть. – Она указала на деревянный стул возле стола. – Или вам будет угодно пройти в помещение для осмотра?

Обычно Дорин терпеть не мог, когда в его присутствии начинали запинаться и мямлить. Но робость юной целительницы была вполне искренней. Ему не хотелось вгонять ее еще в бóльшую краску.

– Я останусь здесь. – Дорин сел.

В комнатке установилась напряженная тишина. Девушка поспешила сменить фартук, заляпанный цветными пятнами, на чистый. Потом она несколько минут мыла руки. Еще несколько минут ушло на подбор баночек с мазями и бинтов. Все это девушка поставила на стол, дополнив миской с горячей водой и чистыми тряпочками. Потом она передвинула свой стул и села рядом с принцем.

За все это время оба не сказали ни слова. Целительница тщательно промыла руку Дорина и стала внимательно изучать. Дорин тем временем смотрел на ее светло-карие глаза. Ему нравились уверенные движения ее пальцев и, как ни странно, ее по-прежнему красные лицо и шея.

– Рука – очень сложная часть тела, – наконец произнесла девушка. – Я хотела убедиться, что колючки не вонзились глубоко под кожу и кончики не остались там... ваше высочество.

– Думаю, мои царапины выглядят страшнее, чем есть на самом деле.

Едва касаясь его руки, целительница нанесла слой беловатой мази. Утихшее было жжение вернулось. Принц поморщился.

– Простите, ваше высочество. Это нужно, чтобы не было заражения... на всякий случай. Девушка сжалась, как будто принц распорядился повесить ее за причиненную боль.

– Пустяки, – усмехнулся Дорин. Он не знал, о чем еще говорить. – У меня бывали раны и похуже.

Это звучало глупо, по-мальчишески. Рука девушки, державшая наготове бинт, замерла.

– Я знаю, – торопливо произнесла целительница и подняла глаза на принца.

Глаза, однако... Вроде обыкновенные, а ведь что-то в них есть. Заметив, что Дорин ее рассматривает, она отвела взгляд и сосредоточилась на перевязке.

– За мною закреплено южное крыло замка. И еще... я часто дежурю по ночам.

Теперь понятно, почему ее лицо показалось Дорину таким знакомым. Это она месяц назад лечила его, Селену, Шаола и Быстроногую. Она же врачевала их раны в течение последних семи месяцев.

– Извини, я не запомнил твоего имени.

– Меня зовут Сорша.

Другая девушка и при других обстоятельствах непременно бы обиделась или даже рассердилась на подобную забывчивость. Но Сорша хорошо понимала разницу между собой и избалованным принцем с его высокопоставленными друзьями. Каждый из них был слишком занят собой, чтобы спрашивать имя какой-то целительницы, прибегавшей по первому зову.

Сорша закончила перевязку.

– Еще раз прошу прощения за мою забывчивость. И спасибо тебе за помощь.

Карие глаза с зелеными крапинками вновь обратились на принца. На губах появилась осторожная улыбка.

– Оказать помощь вашему высочеству – большая честь для меня.

Сорша встала, чтобы убрать со стола.

Принц понял намек: ему пора уходить. Он тоже встал и пошевелил пальцами перевязанной руки:

– Мазь уже подействовала. Больше не болит.

– К счастью, раны оказались неглубокими, но все равно прошу вас отнестись к ним внимательно.

Воду, в которой она промывала руку, Сорша отнесла и вылила в каменную раковину.

– В следующий раз вам незачем самому спускаться. Вашему высочеству достаточно послать за нами. Мы будем счастливы вам помочь.

Сорша с грациозностью танцовщицы сделала реверанс.

– Я так понял, что под твоей опекой находится все южное крыло каменной части замка?

Под оболочкой этого вполне невинного вопроса скрывались два других: «Значит, ты видела все? Все необъяснимые раны и увечья?»

– Нас обязывают записывать каждый вызов. – Сорша говорила совсем тихо, чтобы их не услышали сквозь приоткрытую дверь. – Но иногда мы забываем перечислить все подробности.

Дорин понял: Сорша многое видела, но она не из болтливых. Еще раз поблагодарив ее, он вышел из комнатки. А ведь Сорша такая в замке не одна. Многие ли видят то, в чем никогда не признаются? Дорину не хотелось об этом знать.

Хвала богам, у нее перестали дрожать пальцы. Сильба – богиня врачей и даровательница легкой смерти – отнеслась к ней благосклонно. Пока Сорша занималась рукой принца, дрожь в пальцах прошла, но стоило ему покинуть комнату, руки вновь затряслись.

Сорша опустила голову на стол и шумно выдохнула.

Царапины Дорина были пустяковыми и не требовали повязки. Сорша пошла на поводу у собственной глупости и тщеславия. Хотелось подольше удержать прекрасного принца возле себя. Она нарочно затянула все свои действия по обработке и перевязыванию его руки.

А он... он даже ее не узнал.

Год назад ее сделали полномочной врачевательницей, позволив работать самостоятельно. За это время ее часто вызывали к принцу, капитану и их подруге. Однако наследный принц после каждого визита тут же забывал о ее существовании.

Она не солгала Дорину, сказав, что не всегда записывает подробности своих вызовов. Но она все помнила. Особенно ту ночь. Это было месяц назад. Всех троих она застала в крови и грязи. Ранена была даже собака, принадлежавшая их подруге. Сорше тогда ничего не объяснили и посоветовали накрепко забыть все виденное. Что же касается подруги принца и капитана...

Их подругой была королевская защитница.

Надо думать, возлюбленная принца и капитана. Или даже их любовница. Впервые Сорша увидела эту девушку после кровопролитного завершающего поединка за звание королевского защитника. Тогда она помогала старшей целительнице, занимавшейся ранами новоиспеченной защитницы. Потом, случайно зайдя проведать раненую, Сорша обнаружила их с принцем в постели.

Она сделала вид, что ее это не волнует. Наследный принц был известен своим повышенным вниманием к женщинам, но... душевная боль Сорши не проходила. А жизнь продолжалась. Потом королевскую защитницу отравили глориеллой, и тогда уже рядом с нею был не принц, а капитан королевской гвардии. Он метался, как зверь в клетке, орал на Соршу, мешая ей делать то, ради чего позвали. А через несколько недель Фалипа, горничная королевской защитницы, пришла к Сорше за противозачаточным снадобьем. Фалипа не сказала для кого, но Сорша догадалась.

Еще через неделю Соршу позвали к капитану. У него были четыре серьезные раны на лице и мертвые глаза. Сорша все поняла. Поняла она и суть событий, произошедших месяц назад, когда она застала всех троих в крови (четверых, если считать собаку). Отношения, существовавшие между ними, были разрушены.

Сорша знала даже имя королевской защитницы – Селена. Услышала случайно, когда думали, что она уже ушла из комнаты. Селена Сардотин. Величайший в мире ассасин. И она же – королевская защитница. Еще одна тайна, которую Сорша хранила.

Ее не замечали. Чаще всего Сорша радовалась этому.

Она подняла голову, оглядела стол. До обеда ей нужно было приготовить с полдюжины разных лекарств, все – сложного состава. Половину из них Амития могла бы сделать и сама, но та всю пользовалась своим положением старшей врачевательницы, спихивая работу на Соршу. А еще Сорше нужно было написать письмо подруге, которой она писала каждую неделю. Подругу интересовали все мелочи придворной жизни. Тут наживешь головную боль.

Если бы к ней зашел не принц, а кто-то другой, она бы обязательно сослалась на занятость и посоветовала обратиться к той же Амитии.

Сорша вернулась к прерванной работе. Она не сомневалась, что принц уже опять забыл ее имя. Да и зачем ему помнить? Он был наследником самой могущественной империи. А Сорша? Кто она такая? Дочь беженцев из деревушки в Фенхару. Деревню ту сожгли дотла, словно и не было. Родители умерли.

Но никакими снадобьями Сорша не могла вытравить из себя любовь к принцу. Незримую, тайную любовь, возникшую еще шесть лет назад, когда она впервые увидела Дорина.

После той ночи больше никто не приходил поглазеть на Селену и Рована. Сам он ничего не сказал о ночных гостях. Не предложил Селене ни своего плаща, ни какой-либо другой защиты от ночной прохлады. Она спала на боку, свернувшись калачиком. Сон был беспокойным. Ее будила то хрустнувшая ветка, то камешек, впившийся в бок, то крик совы (если, конечно, это была сова).

Когда начало светать и стволы деревьев окутал серый туман, Селена уже проснулась. Так скверно ей не спалось даже на крышах Варэса. Завтракали молча: опять хлеб, сыр, яблоки. Забираясь на лошадь, она зевала и была готова уснуть прямо в седле.

И снова лесная дорога, вверх по склону холмов.

Несколько раз им встретились люди, вероятно ехавшие на рынок. Едва увидев Рована, все останавливались и уступали дорогу. Кое-кто шептал молитвы, чтобы неожиданная встреча окончилась благополучно.

Селена слышала, что фэйцы вполне мирно уживаются со смертными. Должно быть, путников пугал облик Рована и его татуировка. Несколько раз Селена подумывала спросить фэйца о значении вытатуированных слов и... продолжала молчать. Завяжется разговор, а любой разговор подразумевал какие-то... отношения. Довольно с нее отношений. Довольно с нее друзей, ибо дружба с нею зачастую стоила людям жизни.

И потому она целый день ехала молча. Чем ближе к Камбрианским горам, тем гуще и разнообразнее становился лес. Прибавилось и тумана. То и дело они прорывали туманное покрывало, и Селена ощущала его прикосновение у себя на лице, шее и спине.

Снова ночлег близ дороги. Вторая ночь оказалась холоднее первой. Снова подъем в утренних сумерках и дальше в путь. За ночь туман успел пропитать не только одежду и кожу Селены, но проник до самых ее костей.

К третьему ночлегу Селена окончательно утратила надежду погреться у огня. Ей даже нравился ночной холод, сон на жестких корнях и неутраченное чувство голода. Сколько бы хлеба и сыра она ни съедала, голод не отступал. Правда, в животе у нее больше не урчало.

Путешествие не отличалось удобством, но... отвлекало от мыслей. Все лучше, чем тупое прозябание в Варэсе. Она же стремилась к Маэве. Оставалось дожидаться, когда ее желание исполнится.

О самой встрече она старалась не думать. Не хватало смелости заглянуть глубоко внутрь себя. Однажды она почти заглянула... в тот день, когда увидела принца Галана. Этого ей оказалось достаточно.

Где-то во второй половине дня Рован свернул с дороги, успевшей превратиться в узкую тропу, и поехал по мягкой замшелой земле. В нескольких местах из мха поднимались крупные валуны, испещренные волнистыми линиями и непонятными узорами. Должно быть, они служили пограничными столбами, показывая смертным, что дальше ехать опасно.

От Доранеллы Селену и Рована отделяла еще целая неделя пути. Селена думала, что они поднимутся на перевал, однако Рован почему-то ехал вдоль гор, неторопливо забираясь выше и выше. Иногда попадались полянка или лужок, поросший яркими цветами. Ориентироваться в этих местах было невозможно. Понять, на какую высоту они успели подняться, тоже. По обе стороны тянулся лес. Нескончаемый лес. Нескончаемый подъем. И нескончаемый туман.

Дым ноздри Селены уловили раньше, чем она увидела огонь. Не огонь костров, а свет в окнах здания за деревьями. Дом (или замок) стоял на склоне горы. Его камни были темными и древними – непохоже на обычный гранит. Проехав еще немного, Селена поняла: это не дом и не замок. Это была крепость. Ее глаза устали за день пути, но она все же заметила кольцо высоких камней среди деревьев. Вскоре Селена не только увидела, а еще и прочувствовала на себе их силу. Они с Рованом проезжали между двух мегалитов, напомиравших рога громадного зверя. Все тело Селены пронизала невидимая, звенящая волна силы.

Защита. Магическая защита. У Селены свело живот. Зачем они здесь стоят? Отвращать врагов? Возможно. А еще? Как средство мгновенного оповещения? В таком случае караульные на трех башнях – шестеро на стене и трое возле деревянных ворот – уже знали о появлении всадников. Караул несли не только мужчины, но и женщины. Все были в легких кожаных доспехах, вооруженные мечами, кинжалами и луками. Теперь дюжина караульных внимательно следила за каждым их шагом.

– Я бы лучше осталась в лесу, – сказала Селена.

Это были ее первые слова за несколько дней пути. Рован пропустил их мимо ушей.

Он даже не поднял руку, чтобы поздороваться с караульными. Должно быть, он хорошо знал это место и занимал положение, позволявшее ему вести себя подобным образом.

Каждый шаг менял представления Селены о крепости. Вблизи она оказалась не такой уж и внушительной. Три сторожевые башни, соединенные большим зданием древней постройки, стены которого покрывал мох и лишайники. На дворец Маэвы никак не тянуло. Скорее всего, что-то вроде пограничной заставы. Срединная точка между миром смертных и Доранеллой. Возможно, сегодня удастся переночевать в тепле и даже вымыться горячей водой.

Рован с каменным лицом ехал мимо салютующих караульных. Их лица скрывались под глубокими капюшонами. Кто они? Фэйцы? Смертные, удостоившиеся чести охранять пределы мира бессмертных? Для Селены это были отнюдь не праздные вопросы. Ну хорошо, Рован. Она убедилась, что интересовала его не больше, чем куча конского навоза на дороге. Но если она окажется среди фэйцев, ее появление явно вызовет любопытство и... вопросы.

Сквозь массивные ворота они въехали в просторный внутренний двор. Селена привычно подмечала все двери, все уязвимые места здания и возможные пути к отступлению. Появились двое конюхов (тоже в капюшонах) и помогли им слезть с лошадей. Селене показалось, что конюхами были обычные смертные. Ее поразила почти полная тишина. Слово все и всё вокруг замерло, включая камни, и затаило дыхание. Это было похоже на настороженное ожидание. Ощущение лишь усилилось, когда Рован молча (опять молча!) ввел ее внутрь тускло освещенного здания. Они поднялись по узкой каменной лестнице. Рован открыл дверь и впустил Селену в помещение, напоминающее небольшой кабинет.

Селена застыла как вкопанная. Ее поразила не резная дубовая мебель и не выцветшие зеленые портьеры. И уж конечно, не огонь, уютно потрескивающий в очаге. За столом сидела темноволосая женщина. Маэва, королева фэйцев.

Ее тетка.

А затем раздалось слово, которые Селена все эти десять лет так боялась услышать:

– Ну здравствуй, Аэлина Галатиния.

Селена попятилась. Поднимаясь сюда, она на всякий случай сосчитала ступеньки (тоже привычка) и прикинула, сколько времени ей понадобится, чтобы сбежать вниз, миновать коридор и выскочить во двор. Но позади оказалась неподатливая каменная глыба – тело замершего Рована. У Селены отчаянно тряслись руки. Такими руками не выхватишь оружие... О чем она? Стоит Маэве приказать, и Рован тут же оборвет ее жизнь.

У нее похолодело лицо. Если тело ей не служит, остается разум. Селена заставила себя глубоко вдохнуть, потом еще раз. И только тогда ответила нарочито спокойным голосом:

– Аэлина Галатиния мертва.

Ненавистное имя, которое и сейчас вызывало в ней ужас и которое она пыталась забыть...

Маэва улыбнулась, обнажив маленькие острые клыки:

– Не будем начинать нашу встречу со лжи.

Это не было ложью. Та девочка еще десять лет назад утонула в реке. Селена не ощущала себя Аэлиной Галатинией. Это было чужое имя, не имеющее к ней никакого отношения.

Ей вдруг стало тесно в кабинете Маэвы. Приятное тепло очага превратилось в удушающую жару. Рован за спиной воспринимался как грозная природная стихия.

Селена отчетливо поняла: у нее не будет времени, чтобы собраться. Перед Маэвой с ходу не сочинишь историю, не сплетишь выдумку с полуправдой. Вот чем нужно было ей заниматься по пути сюда, а не пялиться по сторонам и не ежиться от холодного тумана. Она словно забыла, что окажется во владениях Маэвы, где правила устанавливает сама Маэва. В отличие от тщеславных смертных королей, Маэва могла встретиться с нею где угодно. В том числе и в этой древней крепости, которую никак не назовешь покоями, достойными черноволосой красавицы с бездонными очами цвета обсидиана.

Боги. Боги!

Совершенство Маэвы вызывало страх. От нее исходило спокойствие, недостижимое для смертных. Веяло древним изяществом. Должно быть, она сильно отличалась от своей сестры, светловолосой Мэбы.

Нечего тешиться иллюзиями, будто отсюда можно убежать. Селена и сейчас упиралась спиной в Рована, как в стену. Непреодолимую стену; такую же древнюю, как охранительные камни вокруг крепости. Ровану надоело служить подпоркой. Он отступил и прислонился к двери, сделав это бесшумно, как хищник. Отсюда Селена выйдет не раньше, чем Маэва позволит ей уйти.

Королева фэйцев молчала, сложив на коленях длинные пальцы цвета лунной белизны. На спинке кресла сидела белая сова-сипуха. Маэва была в простом лиловом платье, и никакой короны. Наверное, корона ей и не нужна. Любое живое существо, даже слепое и глухое, мгновенно бы поняло, кто она такая. Маэва, героиня бесчисленных легенд... и кошмаров. О ней слагали трактаты, стихи и песни. Их было так много, что кое-кто считал Маэву мифом. Но героиня легенд и страшных снов все-таки существовала во плоти.

«Ну что раскисла? – мысленно одернула себя Селена. – Тебе представилась редкая возможность: здесь и сейчас получить все нужные ответы. Через несколько дней ты вернешься в Адарлан. Главное – не трусь и не дерзи».

Почему-то все, что помогало ей в Адарлане, здесь оказывалось детской глупостью.

Селене было трудно дышать. Маэва могла спокойно читать ее мысли. И могла сделать с нею что угодно. Если верить легендам, Маэва ради собственного развлечения сводила людей с ума. Сова на спинке кресла немигающими глазами разглядывала Селену. Интересно, это настоящая птица или фэйка, принявшая облик совы? Острые когти впились в дерево.

Нет, эта древняя, ветхая крепость никак не могла быть дворцом Маэвы. Не могла королева сидеть за обшарпанным столом, замызганным Вэрд знает чем. И почему она вообще сидит за письменным столом, будто хозяйка торгового заведения, подсчитывающая дневную выручку? По представлениям Селены, Маэва должна была бы находиться где-то в магической священной роще, усыпанной блуждающими огоньками. Вокруг, под звуки лютней и арф, танцевали бы девы, а она сама читала бы звездное небо, как большую поэму. Может, и не в роще. Но только не здесь.

Селена низко поклонилась. Скорее всего, этикет требовал от нее опуститься на колени. Однако ее коленапреклоненная поза могла быть истолкована как насмешка. От нее воняло давно не мытым телом, а на лице еще не зажили следы потасовок в тавернах Варэса.

Выпрямившись, Селена увидела на лице Маэвы легкую улыбку. Когда муха в паутине, паук может улыбнуться.

– Думаю, если тебя хорошенько отмыть, ты станешь больше похожа на свою мать.

Никаких придворных любезностей. Маэва сразу брала ее за горло. Ничего, она – Селена Сардотин. Она не будет бояться. Ради получения ответов она вытерпит и боль, и ужас. Селена изобразила на лице такую же легкую улыбку и сказала:

– Если бы я знала, с кем мне предстоит встретиться, да еще так скоро, я бы попросила своего сопровождающего дать мне время привести себя в надлежащий вид.

Пусть Маэва спрашивает с Рована. Пусть обрушивает на него громы и молнии. Даже если бы его бросили на растерзание львам, Селена не стала бы сожалеть.

Обсидиановые глаза Маэвы переместились на Рована, который все так же подпирает дверь. Селена могла поклясться, что увидела в них не упрек, а молчаливое одобрение. Похоже, тяготы пути тоже были частью замысла. Зачем? Чтобы выбить ее из колеи? Поставить в дурацкое положение? Унизить?

– Тут уже я виновата, что велела ему доставить тебя как можно скорее, – сказала Маэва. – Хотя, думаю, он сам мог бы догадаться и найти тебе место для омовения.

Королева народа фэ махнула изящной рукой:

– Принц Рован...

Принц? Селена едва подавила желание повернуться к нему.

– Он из рода моей сестры Моры. Тем не менее я считаю его своим племянником и частью моего дома. Тебе он приходится очень дальним родственником. В незапамятные времена у вас были общие предки.

Селену еще раз ткнули носом в ее происхождение.

– Надо же! – вырвалось у нее.

Возможно, это был не самый учтивый ответ. И не самый лучший. Возможно также, Селена сейчас должна была бы пасть ниц и смиренно ждать ответов. Похоже, такой момент наступит, и очень-очень скоро. Но...

– Тебя, конечно же, интересует, почему я попросила принца Рована привезти тебя сюда.

Она выдержит эту игру. Ради Нехемии. Селена прикусила язык, чтобы ненароком не сорваться и не надерзнуть.

– Долго же мне пришлось ждать встречи с тобой. – Белые ладони Маэвы переместились

на стол. – Очень долго. А поскольку я не покидаю этих краев, я не могла посмотреть на тебя. Во всяком случае, глазами.

Длинные ногти королевы поблескивали, отражая пламя очага.

Ходили легенды, что у Маэвы имелось и другое обличье, огненное. Скорее всего, только легенды. Не нужен огонь в мире, где тени и когти, где тьма пожирает твою душу.

– Ты, наверное, знаешь, что они нарушили мои законы. Я говорю о твоих родителях. Их обоих ослепила любовь, и они не подчинились моим приказам. Соединившись, их наследственные линии обещали слишком уязвимое потомство. Но твоя мать заверила, что обязательно покажет мне ребенка, когда тот родится.

Маэва запрокинула голову. Совсем как сова на спинке кресла.

– После твоего рождения прошло целых восемь лет, а твоей матери было все недосуг исполнить обещание.

Если мать нарушила обещание... если мать не показывала ее Маэве, значит на то были очень веские причины. Селена что-то помнила, только очень-очень смутно, на уровне ощущений.

– Но теперь ты здесь. – Маэва не сходила с места, но Селене показалось, что королева стоит рядом. – И теперь ты вполне взрослая женщина. Мои глаза на другом конце света приносили страшные, ужасающие истории о тебе. Судя по шрамам на твоих руках и арсеналу, с которым ты явилась, истории эти отнюдь не вымысел. Больше года назад я услышала еще одну весть. Будто бы рогатый Повелитель Севера узрел с небес юную деву с глазами такого же цвета, что и у всех Ашериров. И дева эта, вынужденная заниматься ремеслом ассасина, находилась в повозке и ехала в...

– Довольно! – перебила ее Селена.

Она мельком взглянула на Рована. Тот внимательно слушал, как будто прежде об этом не знал. Селена не хотела, чтобы ему стало известно о ее заточении в Эндовьер. Не нужно ей его сострадания.

– Я помню историю своей жизни.

Селена наградила Рована другим взглядом, означавшим: «Я не лезу в твои дела, а ты не лезь в мои».

Рован молча отвернулся. На лице вновь появилось выражение скуки. Обычное высокомерие бессмертных. Селена засунула руки в карманы. Плевать ей, что перед королевой так не стоят.

– Да, я – ассасин.

Хмыканье у себя за спиной она оставила без внимания. Она безотрывно смотрела на Маэву.

– А другие твои способности? – спросила Маэва, слегка раздув ноздри. – Что стало с ними?

Принюхивалась. Совсем как Рован.

– Как и все жители Эрилеи, я не могла их проявить, иначе бы мне грозила смерть.

Маэва моргнула. Селена поняла: королева учуяла полуправду.

– Однако сейчас ты не в Эрилее, – вкрадчиво напомнила ей Маэва.

Бежать! Интуиция выкрикивала ей это слово. Вряд ли Глаз Элианы помог бы ей сейчас, однако Селена жалела, что на шее нет амулета. А еще лучше, чтобы рядом сейчас оказалась сама Элиана. Рован по-прежнему стоял возле двери. Но если она сумеет обмануть его бдительность и вырваться отсюда...

Она вдруг вспомнила. Воспоминание было подобно ослепительной вспышке, хотя чуть властно требовало бежать отсюда. Фэйцы очень редко появлялись у них дома. Даже родственники по материнской линии. Правда, в доме жили несколько преданных и проверенных фэйцев, но за фэйскими гостями всегда тщательно наблюдали в течение всего их пребывания. Селену на это время попросту запирали на родительской половине. В детстве она всегда восставала против такого ограничения свободы, но сейчас...

– Покажи мне, – с паучьей улыбкой прошептала Маэва.

«Беги! Беги отсюда!» – требовала интуиция.

Селена и сейчас помнила обжигающее голубое пламя, вырвавшееся из нее в мире демонов. Помнила, как перекосилось от ужаса лицо Шаола, когда магический огонь перестал ей подчиняться. Одно неверное движение, один лишний вздох, и она погубила бы и Шаола, и Быстроногую.

Сова захлопала крыльями. Скрипнуло дерево под ее когтями. Темнота в глазах Маэвы выплеснулась наружу и потянулась к Селене. Воздух слегка задрожал, потом задрожало у нее внутри. Легкое постукивание по голове, потом ей словно полоснули по мозгу острейшей бритвой. Селене показалось, что Маэва попыталась вскрыть ей череп и заглянуть в мозг. Потрогать, покопаться, попробовать на вкус...

Сияясь успокоить дыхание, Селена незаметно изменила положение рук, чтобы в случае чего быстро выхватить кинжалы. Пока что она отбивалась от невидимых когтей, вцепившихся ей в мозг. Маэва усмехнулась, и когти исчезли.

– Твоя мать годами прятала тебя от меня, – сказала королева. – У твоих родителей был удивительный талант. Они всегда знали, когда мои глаза пытаются тебя найти. Ты родилась с редчайшим даром – умением вызывать огонь и повелевать им. Мало кто способен вызвать хотя бы искорку. Я уже не говорю об управлении огненной стихией. Однако твоя мать старалась заглушить в тебе эту силу. Я же хотела обратного: чтобы ты уважительно приняла свой дар и развивала его.

Дыхание Селены сделалось жарким, обжигающим горло. Память подкинула ей еще несколько картинок. Уроки детства, когда ее учили не разжигать, а гасить пламя.

– И вот чем обернулись благие желания твоих родителей, – продолжала Маэва.

У Селены застыла кровь. Она напрочь забыла, где находится и чем может кончиться ее выплеск.

– А где были вы все?

Эти слова вырвались из самых глубин ее истерзанной души. Тихие, похожие на рычание раненого зверя.

Маэва чуть наклонила голову:

– Я не люблю, когда мне врут. И не прощаю.

Селена сникла. Все, что успело выплеснуться, снова ушло глубоко внутрь. Вендалин не помог Террасену. Здешний народ фэ лишь наблюдал за уничтожением ее родного королевства. И все потому... потому...

– У меня нет времени на долгие беседы с тобой, – сказала Маэва. – Мои глаза сообщили мне, что у тебя есть вопросы. Вопросы, которые не вправе задавать ни один смертный. О Ключах.

Легенды утверждали, что Маэва способна общаться с миром духов. Может, она узнала об этом от Элианы или Нехемии? Селена открыла рот, но Маэва ее опередила:

– Я дам тебе ответы. Тебе будет позволено прийти ко мне за ними в Доранеллу.

– А почему не...

Сзади послышалось сердитое сопение Рована.

«Как хозяйский сторожевой пес», – с неприязнью подумала Селена.

– Потому что эти ответы требуют времени, – пояснила Маэва и добавила, будто смакуя каждое слово: – И еще потому, что ты их пока не заработала.

– Тогда скажи, как и чем мне их заработать, и я это сделаю.

Дура! Только законченная дура могла отвечать подобным образом.

– Опасно соглашаться, не узнав цены.

– Хочешь, чтобы я показала тебе свои магические способности? Хорошо, я их покажу.

Но не здесь и не...

– Мне не нужны представления на манер балаганных фокусников. Иметь способности – еще не все. Я хочу видеть, что ты способна творить с их помощью, Аэлина Галатиния. Пока что почти ничего.

Опять это проклятое имя. Для Селены оно было как удар в живот.

– Я хочу посмотреть, кем ты станешь в надлежащих условиях.

– Я не...

– Про свои «не» забудь. Смертным и полукровкам доступ в Доранеллу закрыт. Чтобы такой полукровке, как ты, было дозволено войти в пределы моего мира, нужно доказать не только свою магическую одаренность. Нужно доказать, что ты достойна войти в Доранеллу. Эта крепость называется Страж Тумана. Она – одна из нескольких мест проверки. И место, где не прошедшие испытание остаются до конца своих дней.

Впервые за все время разговора с Маэвой Селене стало по-настоящему страшно. Но страх не мог заглушить в ней растущего недовольства. «Полукровка». С каким презрением Маэва произнесла это слово. Будто клеймо поставила.

– И какого рода испытания я должна пройти, прежде чем меня сочтут достойной?

Маэва подала знак Ровану, который все таким же изваянием стоял у двери.

– Когда принц Рован решит, что ты в достаточной мере владеешь своими способностями, ты явишься ко мне. Он будет тебя обучать. Здесь, в крепости. И не вздумай лезть в Доранеллу раньше, чем завершится твое обучение.

После столкновений с демонами и ведьмами, после аудиенций у адарланского короля в его стеклянном замке, учеба в древней крепости показалась Селене скучноватой обыденностью.

Но обучение может продлиться недели. Месяцы. Годы. Жизнь вновь тыкала ее носом в сознание собственного ничтожества.

– То, о чем я хочу узнать, не терпит отлагательств. – Селена постаралась подавить унижительные мысли.

– Ты хочешь знать о Ключах Вэрда? Ты ведь за этим явилась сюда, наследница Террасена? Ответы будут ждать тебя в Доранелле. Как скоро ты туда попадешь, зависит только от тебя.

– Мне нужны правдивые ответы, – вырвалось у Селены. – Ты расскажешь мне всю правду о Ключах?

Маэва улыбнулась. Улыбка древней королевы была не ласковой и даже не насмешливой. В ее улыбке было что-то зловещее.

– Вижу, ты еще кое-что помнишь из своего наследия.

Селена молчала.

– Да, я расскажу тебе всю правду о Ключах.

Может, не связываться с Маэвой, а просто убратся отсюда? Найти еще какое-нибудь древнее существо и спросить про Ключи? Мысль была дурацкой, как и многие мысли, посетившие голову Селены за время разговора с Маэвой. Кто еще расскажет ей правду о Ключах, как не Маэва? Трудно даже вообразить, как давно Маэва живет на свете. Она видела зарождение этого мира. Видела войны между валгами – демонами древности. Ее руки держали Ключи Вэрда. Маэва знала, как они выглядят и какие ощущения вызывают. Возможно, она даже знала, где Брэннон их спрятал. В особенности последний, неназванный Ключ. И если Селена сумеет похитить Ключи у адарланского короля, если сумеет уничтожить его, остановить войну и освободить Эйлуэ... Даже если она сможет найти всего один Ключ Вэрда...

– Чему меня будут учить?

– Об этом ты узнаешь от принца Рована. А сейчас он проводит тебя в твою комнату. Тебе надо отдохнуть.

Селена вперила взгляд в бессмертные глаза Маэвы:

– Ты клянешься, что расскажешь мне все, о чем я должна знать?

– Я не даю клятв, но своих обещаний не нарушаю. Подозреваю, что и ты тоже. Еще одно твоё отличие от матери.

Сука. Селене захотелось бросить это слово Маэве в лицо. Но глаза Маэвы, будто невзначай, скользнули по правой ладони Селены. Маэва знала все. То ли через своих шпионов, то ли благодаря силе магии, но древняя королева знала все и о самой Селене, и о ее клятве Нехемии.

– Ради чего все это? – тихо спросила Селена, чувствуя, как страх и гнев высасывают из нее силы. – Зачем мне обучаться? Чтобы потешить тебя зрелищем моих способностей?

Белые пальцы Маэвы погладили белую голову совы.

– Я хочу, чтобы ты стала тем, кем тебе было уготовано стать с рождения. Королевой.

* * *

«Стать королевой».

Эти слова преследовали Селену всю ночь, лишая сна. А спать ей очень хотелось. Она сходила с ума от усталости и была готова молить темноглазую Сильбу, дабы избавила ее от всех страданий. «Королева». Это слово тербило ей рассеченную губу (опять!). Губа саднила и тоже мешала спать.

Спасибо Ровану за его любезности!

Прощание с Маэвой прошло без придворных церемоний. Маэва кивнула Ровану. Тот молча открыл дверь и удалился. Селена последовала его примеру и потащилась вслед за принцем по узкому коридору, где пахло жарящимся мясом и чесноком. Живот заурчал, но Селена подумала, что от первого же куска пищи ее вывернет наизнанку.

Коридор окончился лестницей. Селена спускалась, и на каждом шагу самообладание вело спор с нарастающей яростью.

Шаг левой. «Нехемия».

Шаг правой. «Ты поклялась и во что бы то ни стало исполнишь клятву».

Шаг левой. «Обучение. Королева».

Шаг правой. «Сука. Бессердечная сука с холодной кровью, привыкшая вертеть чужими жизнями».

Они шли почти в полной темноте. Факелы еще не зажигали. Шагов Рована Селена не слышала. Зато она чувствовала злость Рована. Целые ручейки злости. Прекрасно. Еще один участник игр Маэвы, которому совсем не нравится его роль.

Обучение. Опять обучение!

Всю свою жизнь, с самого появления на свет, Селена чему-то училась или ее чему-то учили. Рован может учить ее до посинения, и она будет ему подыгрывать... пока не узнает о Ключах Вэрда. Но это не значит, что дальше она тоже будет играть по правилам Маэвы. У Селены не было ни малейшего желания возвращать себе террасенский трон.

Да его и не существовало, этого трона. У нее не было ни короны, ни придворных. А свалить адарланского короля можно и будучи Селеной Сардотин. Главное – успех твоих действий.

Селена невольно сжала кулаки.

Обширное здание слово вымерло. Никого. Винтовая лестница вывела их в другой коридор. Знали ли обитатели Стража Тумана, кто занимает скромный кабинет наверху? Наверное, знали и до смерти боялись Маэву. Сколько полукровок здесь содержится? Скольких она поработила, посулив что-то? Селене стало противно. Чем полукровки виноваты, если родились такими?

Дальше молчать она не могла.

– Должно быть, ее бессмертное величество очень ценит тебя, раз поручила возиться со мной.

– Зная твою историю, она и не могла доверить твоё обучение кому-то другому. Только лучшие из лучших способны держать тебя в узде.

Принц явно напрашивался на ссору. Пока они шли по нескончаемым коридорам крепости, его самообладание таяло и теперь висело на волоске. Отлично.

– В глухом лесу легко разыгрывать из себя доблестного воина. Дубы и сосны – вот и все противники.

– Соскучилась по сражениям? Я успел вдоволь навоеваться. Причем уже давно, задолго до появления на свет тебя, твоих родителей и твоих дальних предков с обеих сторон.

Эти слова рассердили Селену. Наверное, так было и задумано.

– Я не про твоё прошлое. Здесь-то с кем тебе воевать? С лесным зверьем и птицами?

Он ответил не сразу, но ответил.

– Запомни, девочка: мир куда обширнее, чем твои представления о нем. И гораздо опаснее. Считай, что тебе выпала редкая удача – пройти обучение и получить шанс проявить себя.

– Между прочим, твоё высочество, я вдоволь насмотрелась этого большого и опасного мира.

– Ошибаешься, Аэлина. – Рован грубовато засмеялся.

Еще один удар. А она, как дура, подставилась.

– Не называй меня так.

– Это твоё имя. Никаким другим я тебя звать не буду.

Селена забежала вперед, преградив ему путь и встав почти вплотную.

– Здесь никто не знает, кто я. Понимаешь?

Зеленые глаза Рована вспыхнули.

«Совсем как у зверя, почуявшего добычу, – с неприязнью подумала Селена. – И клыки у него звериные».

– Похоже, моя тетка дала мне задание потруднее, чем ей кажется.

Моя тетка. Не наша.

И тогда Селена произнесла одну из самых отвратительных фраз, какие когда-либо срывались с ее языка, вложив туда всю свою ненависть.

– Общаясь с такими фэйцами, как ты, я начинаю лучше понимать действия адарланского короля.

И тогда Рован ударил ее. Это случилось раньше, чем Селена успела почувствовать удар. Даже демоны не умели наносить удары с такой скоростью.

Голова Селены была повернута чуть в сторону, и это уберегло ее нос. Удар приняли на себя губы. Селена отлетела к стене, звонко шмякнувшись головой о холодный камень и ощутив во рту привкус крови. Ну наконец-то.

Рован ударил второй раз, все с той же скоростью, недоступной смертным. Этот удар раздробил бы ей челюсть, если бы в последнее мгновение рука фэйца не замерла.

– Что ж ты? – язвительно спросила Селена. Она дышала шумно и хрипло. – Бей, раз собрался.

Чувствовалось, Рован предпочел бы сейчас вцепиться ей в горло, а не вести разговоры. Но он умел не переходить черту.

– А с чего это я должен идти у тебя на поводу?

– Ты точно так же ни на что не годен, как твои собратья.

Теперь его смех напоминал когти, вонзившиеся в самую сердцевину ее ярости.

– Если тебе не терпится отведать камней, изволь. В следующий раз попробуешь на вкус здешние полы.

Плевать ей было на его слова. Если бы не этот грохот в голове, мешавший смотреть, дышать и думать. Особенно думать. Поэтому Селена размахнулась и...

Ее кулак ударил воздух. Подножка Рована опрокинула ее и снова толкнула на стену. Рован отшвырнул ее без малейших усилий, как жалкого новичка, только начавшего учиться искусству поединка.

Рован стоял в нескольких футах от нее, невозмутимо скрестив руки. Селена выплюнула кровь, выругалась. Рован хмыкнул. Этого было достаточно, чтобы Селена вновь бросилась на него. Ей хотелось отдубасить фэйского принца, заколоть кинжалом и задушить.

Селене удалось перехватить его ложный левый выпад, но когда она метнулась вправо, Рован с умопомрачительной быстротой ее опередил. Селену не спасли долгие годы учебы у лучших мастеров. Удар Рована бросил ее на жаровню у него за спиной. К счастью, пустую. Тихий коридор содрогнулся от непривычного грохота, а Селена растянулась на каменном полу, физиономией вниз. Ее зубы жалобно заныли, но, к счастью, остались на своих местах.

– Как я и говорил, тебе предстоит многому научиться, – усмехнулся Рован, вставая над ней. – Ты нуждаешься в разностороннем обучении.

Едва шевеля вспухшей губой, Селена объяснила Ровану, куда он может отправляться и чем заниматься сам с собой.

Повернувшись, он неторопливо двинулся по коридору, бросив ей на ходу:

– Если я еще раз услышу от тебя нечто подобное, будешь целый месяц колоть дрова.

Лицо Селены пылало от ненависти и стыда, однако ей не оставалось ничего иного, как подняться и пойти вслед за Рованом.

Он втолкнул Селену в очень маленькую и очень холодную комнатку, напоминавшую тюремную камеру.

– Отдай мне свое оружие, – потребовал Рован, едва Селена туда вошла.

– Это еще зачем?

Рован схватил ведро с водой, что стояло возле двери, и выплеснул в коридор. Пустое ведро он протянул Селене и повторил:

– Отдай мне свое оружие.

А здорово было бы устроить с ним поединок на мечах.

– Я хочу знать, почему меня разоружают?

– Я не обязан объяснять тебе свои требования.

– Тогда нам не миновать новой потасовки, – бросила ему Селена.

Рован стоял, чуть наклонив голову. В тусклом свете его татуировка выглядела еще чернее. Всем своим видом фэйский принц спрашивал: «Ты называешь свои поцелуи со стенами и полом потасовкой?»

– Завтра ты с раннего утра отправишься работать на кухню. Оружия там не требуется... если, конечно, ты не собираешься поубивать всех, кто в крепости. Для наших с тобой занятий оружие тоже не нужно. Так что твои кинжалы полежат у меня, пока ты не заработаешь право на их возвращение.

Какие знакомые слова. И интонации тоже.

– Говоришь, на кухню?

Рован криво улыбнулся:

– Здесь работают все, включая и принцесс. Увиливать от тяжелой работы не позволено никому. Особенно таким, как ты.

«Тебя бы на недельку в Эндовьер», – подумала Селена.

Но черта с два она расскажет ему об Эндовьере. Только этого еще не хватало, чтобы потом выслушивать его насмешки или, того хуже, слова сочувствия.

– Работа на кухне тоже входит в мое обучение?

– Отчасти.

Остальное Селена прочла в его глазах: «А я буду наслаждаться каждым мгновением твоих страданий».

– Странно, что за столь долгую жизнь ты не удосужился научиться учтивым манерам.

Слова о долгой жизни плохо вязались с обликом Рована. На вид ему нельзя было дать и тридцати.

– С какой стати мне льстить самовлюбленной девчонке?

– Хотя бы потому, что мы родственники.

– Родства между нами не больше, чем у меня со здешним скотником.

У Селены раздулись ноздри. Ей отчаянно хотелось запустить в Рована пустым мокрым ведром, но это могло ей стоить разбитой скулы или сломанного носа. Поставив ведро на пол, она принялась разоружаться.

Рован тщательно пересчитал все ее кинжалы и ножи, словно в точности знал их количество, включая и потайные. Потом он прижал ведро к боку и вышел, сказав на прощание:

– Чтобы с зарей была на ногах.

Дверь шумно захлопнулась.

– Мерзавец, – пробормотала Селена, оглядывая свое новое жилье. – Старый вонючий

мерзавец.

Кровать, ночной горшок и таз с ледяной водой. В такой водичке особо не помоешься. Селена решила ограничиться полосканием рта. Потом осторожно промыла разбитую губу. Очень хотелось есть, но чтобы добыть еду, нужно было выйти и у кого-то попросить. Нет уж, лучше голодать, чем с кем-то встречаться. Достав из мешка баночку со снадобьем, она смазала губу и повалилась на кровать в своей пыльной, грязной и зловонной одежде. Потянулись бессонные часы.

В ее комнатенке было окошечко без занавесок. Селена повернулась к нему лицом. Над деревьями, окружавшими крепость, горели звезды.

Спрашивается, зачем она сцепилась с Рованом? Наговорила ему гадостей и даже полезла в драку... Она заслужила эти побои. Сполна. Если быть честной с собой, она превратилась в непонятное существо, которое лишь с большой натяжкой можно назвать человеком. Селена дотронулась до губы и вздрогнула от боли.

Она разглядывала ночное небо, пока не нашла созвездие Оленя – Повелителя Севера. Неподвижная звезда на макушке оленьей головы – его вечная корона – указывала путь в Террасен. В детстве ей рассказывали, что великие правители Террасена, окончив жизнь, превращались в яркие звезды, дабы каждый террасенец не чувствовал себя одиноким и всегда мог найти путь домой. Целых десять лет она не показывалась в Террасене. Сначала ее туда не пускал Аробинн. Потом сама не отваживалась.

Тогда, на могиле Нехемии, она шепотом призналась мертвой принцессе. Сказала, что давно привыкла убегать от судьбы и потому не знает, каково это – остановиться и дать бой.

Маэва не понимала и никогда не поймет чувства маленькой террасенской принцессы, десять лет назад отвергшей свою родню. Она сделала это с большей решимостью, чем сама Маэва. Отвергла всех и покинула мир, с которым не желала иметь ничего общего. Пусть сгорает дотла и превращается в прах.

Селена перевернулась на другой бок. Ветхое одеяло не грело. Она закрыла глаза, пытаясь заснуть и увидеть во сне другой мир.

Мир, где она была вообще никем.

Манона Черноклювая стояла на скале возле бурлящей реки. Она закрыла глаза, подставив лицо влажному ветру. Мало какие звуки доставляли ей большее наслаждение, чем стоны умирающих людей, но завывания ветра входили в число этих звуков.

Слушать ветер, чувствовать его на своем лице – это хотя бы напоминало полет. Теперь она летала лишь в редких снах. Там она снова была в облаках, восседая на метле из железного дерева. И метла звенела от магической силы. Но это во сне. Нынче ее славная метла ничем не отличалась от обычных человеческих. Бесплезная штука, засунутая в чулан при комнате, которую Манона занимала в Крепости Черноклювых.

Вот уже десять лет как ведьмы лишились возможности летать. Там, в воздухе, даже вкус тумана иной. И ветер ощущается по-иному. А как здорово нестись в его незримых струях. Сегодняшний ветер был быстрым и свирепым. Сегодня она бы налеталась всласть, поднявшись высоко-высоко.

У нее за спиной Мать Черноклювых говорила с рослым, грузным человеком. Он величал себя герцогом. Бабушка призвала Манону к себе сразу после того случая с тремя крестьянскими дурнями, вздумавшими поохотиться на нее. Прямо из фенхарского поля, где снег был густо залит кровью последней жертвы. Вряд ли это приглашение было простым совпадением. Как и то, что Манона тогда находилась в каких-нибудь сорока милях от места встречи. А встреча происходила невдалеке от адарланской границы.

Пока ее бабушка, верховная ведьма клана Черноклювых, беседовала с герцогом под реку Акант, Манона несла караульную службу. Остальные двенадцать ведьм из отряда Тринадцати стояли на своих постах вокруг небольшого лагеря. Все – ровесницы Маноны. Все росли и обучались вместе. Как и Манона, они не имели при себе оружия. Но герцог, похоже, знал: Черноклювым оружие ни к чему.

Зачем тебе мечи и кинжалы, если ты уже родилась с оружием?

А когда ты – одна из Тринадцати отборных ведьм Маноны, с кем она сто лет подряд вместе летала и сражалась... Иногда сами слова «отряд Тринадцати» обращали врагов в бегство. Ее ведьмы всегда действовали безошибочно и безжалостно.

Манона бросила взгляд на человеческих караульных. Все были в тяжелых доспехах и при оружии. Одна половина опасливо поглядывала на Черноклювых, а вторая следила за герцогом и бабушкой. Верховная ведьма оказала честь отряду Тринадцати, призвав в караул. Ведьм из других шабашей клана Черноклювых сюда не позвали. В том не было необходимости. Отряд Тринадцати заменял всех.

Манона присмотрелась к ближайшему караульному. Ноздри уловили запах пота. Еще от него пахло страхом и изрядной усталостью. Запах усталости напоминал мускус. Судя по этим ароматам, люди находились в дороге уже несколько недель. С ними ехали две арестантские повозки. От одной исходил отчетливый мужской запах с едва уловимым оттенком духов. Вторая повозка была женской. Запах обеих не понравился Маноне.

По словам бабушки, Манона родилась бездушной. Бездушной и бессердечной, какой и должна быть Черноклювая ведьма. Жестокость и коварство пронизывали Манону до мозга костей.

Почему ее так зацепил этот запах? Да, обычный, человеческий дух. И в то же время... И герцог, и узники в повозках пахли не как обычные люди. В их запахе было что-то странное.

Чужое. Чуждое.

Вспотевший караульный переминался с ноги на ногу. Манона улыбнулась ему. Рука караульного стиснула эфес меча.

Маноне было скучно, и она решила немного поразвлечься. Она слегка запрокинула голову, открыла рот и выдвинула свои железные зубы. Караульный попятился. Его дыхание участилось. От него повеяло резкой кислотой нарастающего страха.

Если бы не эти зубы, Манону можно было бы назвать красавицей. Волосы цвета белой луны, алебастровая кожа, темно-золотистые глаза. Ее жертвы, не подозревая, кто перед ними, нередко говорили ей, что она прекрасна, как фэйская королева. Увы, они слишком поздно узнавали нехитрую истину. Красота Маноны была всего лишь видом оружия в ее природном арсенале. Что потом с ними происходило! Манона и сейчас не могла вспоминать об этом без смеха.

Сзади захрустела мерзлая трава. Манона отвернулась от дрожащего караульного и бурых, вспененных вод реки Акант. Это возвращалась бабушка.

После исчезновения магии ведьмы начали стариться. Маноне было больше ста лет, но пока существовали магические силы, она выглядела не старше шестнадцати. Сейчас она превратилась в двадцатипятилетнюю. Они старились, как обычные смертные женщины, и это наполняло душу ведьм неутрачивающим страхом. А ее бабушка...

Богатые черные одежды Матери Черноклювых развевались на пронизывающем ветру, чем-то напоминая речные воды. Морщины успели тронуть бабушкино лицо. В ее смоляно-черных волосах появилась седина. Верховная ведьма клана Черноклювых была не просто красивой. Она была завораживающе красивой. Даже сейчас, когда время оставляло свой неумолимый отпечаток на ее белоснежной коже, на предводительницу нельзя было смотреть без немого восхищения.

– Мы уходим, – сказала Мать Черноклювых.

Она пошла по берегу реки, избрав северное направление. Люди герцога еще плотнее окружили свой лагерь. Разумная предосторожность, когда рядом – тринадцать скучающих ведьм.

Легкий кивок Маноны – и все выстроились в линию. Остальные двенадцать держались на надлежащем расстоянии от Маноны и бабушки, неслышно ступая по зимней траве. За все месяцы странствий по городам и деревням никому из них не удалось обнаружить ни одной крошанской ведьмы. Манона знала: за это их рано или поздно ждет наказание. Порка. Возможно, кому-то пальцы сломают. Потом все это заживет, но горечь публичного позора останется. Таков был излюбленный бабушкин способ наказания: не столько сделать больно провинившимся, сколько унижить их.

Однако сейчас бабушкины черные глаза с золотыми крапинками (признак чистейшей породы Черноклювых) были устремлены на север, к Задубелому лесу и далеким Белоклычьим горам. Черные глаза с золотыми крапинками особо почитались ведьмами клана. Почему – Манона не знала, а спросить у бабушки не решалась. Но таких глаз, как у Маноны – цвета темного золота, – в клане больше не было ни у кого. Когда Манона только что родилась, бабушка, увидев ее глаза, унесла внучку от остывающего трупа матери, провозгласив своей неоспоримой наследницей.

Бабушка продолжала идти. Манона шла рядом и молчала. Надо будет – бабушка сама заговорит. А иначе... иначе можно и без языка остаться.

– Мы отправимся на север, – сказала бабушка, когда лагерь смертных скрылся за

холмами. – Из своего отряда выбери троих и пошли их на юг, запад и восток. Пусть разыщут наших соплеменниц и передадут, что мы все собираемся в Ферианской впадине. Об этом должны знать все Черноклювые, до самой последней ведьмы и караульной.

Сейчас это различие сохранялось лишь на словах. Каждая ведьма принадлежала к своему шабашу, а значит, была караульной. После падения их Западного королевства, когда Железзубым пришлось сражаться за выживание, все ведьмы в кланах Черноклювых, Желтоногих и Синекровных должны были находиться в постоянной готовности к битве. К великой войне за возвращение своих земель. И если кому-то суждено на ней погибнуть, что ж, такова воля Вэрда. Сама Манона никогда не бывала там, где некогда находились владения Ведьминого королевства. Она не видела ни развалин, ни обширных лугов, тянувшихся до западного моря. И никто из Тринадцати там не бывал. Проклятие последней крошанской королевы сделало их изгнанницами и вечными странниками. Истекая кровью во время легендарного сражения, она прокляла всех Железзубых.

Манона молчала, чувствуя, что бабушка еще не закончила.

– Если твои караульные увидят кого-то из других кланов, пусть и им скажут, чтобы собрались во впадине. Никаких скандалов и драк не затевать. Их обязанность – нести известие.

Железные бабушкины зубы поблескивали на послеполуденном солнце. Мать Черноклювых была из числа древних ведьм. Она родилась еще в Ведьмином королевстве и в составе союза Железзубых сражалась против засилья крошанских королей. Древние ведьмы щеголяли своими железными зубами. Манона не помнила, чтобы бабушка их убирала.

Сейчас Манона молча кивала. Время вопросов еще не настало. Пока что она обдумывала услышанное. Ферианской впадиной называлась проклятая, бесплодная полоса земли между Белоклычыми и Рунскими горами. Она же служила одним из немногих проходов из плодородных восточных земель в пустоши Западного края.

Манона прошла этим лабиринтом заснеженных пещер и ущелий всего один раз, пешком, вместе со своим отрядом и еще двумя шабашами. Это было почти сразу после исчезновения магии, когда все они вдруг ощутили себя ослепшими, оглохшими и пригвожденными к земле. Половина других ведьм не сумели пробраться через впадину. Тринадцати это удалось, но с огромным трудом. Во время ледяного обвала Манона едва не лишилась руки. Руку удалось сохранить благодаря быстро соображающей Астерине – ее непосредственной помощнице. И благодаря грубой силе Соррель – третьей по значимости в их отряде. С тех пор Манона не бывала в Ферианской впадине. В последние месяцы доходили слухи, будто там творится что-то страшное.

– Бэба Желтоногая погибла.

Слова бабушки отвлекли Манону от воспоминаний. Она повернулась. На губах бабушки играла легкая улыбка.

– Убили в Рафтхале. Герцог получил письмо. Но кто убил и за что – неизвестно.

– Крошанки?

– Возможно.

Улыбка Матери Черноклювых стала еще шире. Ее железные зубы кое-где были тронуты ржавчиной.

– В Ферианскую впадину нас пригласил адарланский король. Герцог передал мне его слова. Говорит, там нас ожидает королевский подарок.

Манона вспомнила все, что знала об адарланском короле и его безрассудном, кровавом стремлении завоевать мир. Ее прямой обязанностью и как командира отряда, и как наследницы было оберегать жизнь бабушки, заранее предвидя все угрозы и ловушки.

– Его приглашение может оказаться западней. Расчет простой: собрать нас в одном месте и уничтожить. Вдруг король стоворился с крошанками? А может, и с Синекровными. Те издавна хотели владычествовать над всеми кланами Железнодорожных.

– Я так не думаю, – задумчиво произнесла Мать Черноклювых, щуря свои бездонные черные глаза. – У короля есть для нас предложения. Для всех кланов Железнодорожных.

Манона ждала дальнейших объяснений. Ее нетерпение было настолько велико, что попадись ей сейчас кто-то из смертных, располосовала бы в считанные секунды.

– Королю нужны наездницы. – Мать Черноклювых продолжала смотреть на горизонт. – Наездницы для драконов – его воздушной кавалерии. Все эти годы король возвращал их в Ферианской впадине.

Давно, очень давно нити судьбы не свивались в благоприятный узор. И вот теперь...

– А когда наша служба окончится, король отдаст драконов нам. Представляешь? Мы вернем себе Западный край, очистим его от расплодившихся смертных свиней.

Из бабушкиной груди вырвался яростный, пронзительный крик. Манона невольно поежилась. Потом стала всматриваться в белые шапки далеких вершин. Снова летать, снова проноситься над горными перевалами, снова охотиться, как когда-то...

Конечно, драконам не сравниться с метлами из железного дерева. Но за неимением магии сойдут и драконы.

День выдался утомительным. Шаол обучал новичков, стараясь не попадаться на глаза ни Дорину, ни тем более королю. Сейчас им владело одно желание – вернуться к себе и поскорее завалиться спать. Но что это? Возле дверей Большого зала полагалось стоять четверым караульным. Сейчас их было только двое. Завидев Шаола, караульные привычно отсалютовали, однако вид у них был испуганный.

Случалось, что гвардеец не мог заступить в караул по болезни или по семейным обстоятельствам. Главное – вовремя доложить об этом. Шаол всегда находил замену. Но чтобы сразу двое не явились в караул и им не нашли замены...

– Объяснения! – рявкнул Шаол. – И поживей.

Один из караульных закашлял. Еще совсем зеленый. Три месяца как прошел обучение. Да и второй прослужил немногим больше. Потому Шаол и поставил их в ночной караул у дверей пустого Большого зала. Но за ними должны были приглядывать двое других, уже давно служивших в гвардии.

Караульный перестал кашлять. Он был весь красный.

– Значит, они сказали... господин капитан, они сказали, что их отлучки никто не заметит. И вообще, Большой зал сейчас пустой и там некого охранять. А еще...

Караульный замолчал, испуганно озираясь по сторонам.

– Язык отсох? – прикрикнул на него Шаол. – Дальше!

Он был готов собственными руками казнить дезертиров.

– Господин капитан, они пошли на генеральскую вечеринку, – заговорил второй. – Тут мимо нас шел генерал Ашерир. В город направлялся. Вот и позвал тех двоих с собой. Они поначалу боялись идти. Спрашивали, что потом скажут командиру... вам, значит. А генерал их успокоил. Сказал, вы возражать не будете. И тогда они пошли с ним.

Шаол стиснул зубы. Что ж, такое вполне в духе Эдиона.

– Почему никто из вас немедленно не доложил о самовольной отлучке? Если не мне, то моему помощнику?

– Вы и нас поймите, господин капитан, – сказал второй. – Мы не хотели, чтобы нас посчитали за доносчиков. Большой-то зал сейчас действительно пустой...

– А устав, значит, не про вас писан, – оборвал его Шаол. – Теперь будете целый месяц нести двойной караул в садах. («Погуляете у меня по морозцу».) Никаких увольнительных. А если еще раз не успеете вовремя доложить о чьей-либо самовольной отлучке, выпру с треском из гвардии. Понятно?

Выслушав подтверждающие бормотания, Шаол двинулся не к себе, а к парадным воротам замка. Черта с два он сегодня выпит. Нужно идти в город, искать двоих дезертиров... и заодно поговорить с генералом.

* * *

Под свою вечеринку Эдион снял целую таверну. У дверей стояли крепкого вида парни. Приличным посетителям объясняли, что у них сегодня «гуляют», а разный сброд просто отгоняли. Но, увидев Шаола и эфес его меча в форме орлиной головы, молча отошли от

двери. Таверна была полным-полна знатной публики. Разодетые хихикающие женщины – не то куртизанки, не то придворные дамы. Голосистые мужчины, разгоряченные выпивкой. За столами играли в карты и кости. Возле пылающего очага расположилась пятерка певцов: сопровождая себе, распевали скабрёзные куплеты. Эдион не поскупился на эль и вино – того и другого хватило бы на целый легион. Интересно, кто платил за все это? Сам Эдион, своими кровавыми деньгами? Или его величество проявил щедрость и велел покрыть расходы из казны?

Шаол почти сразу увидел своих дезертиров, а вместе с ними – ещё полдюжины гвардейцев, свободных от службы. Все играли в карты. На коленях у них, пьяненько похотывая, сидели женщины. Мужчины тоже смеялись... пока не увидели своего командира.

Теперь они были готовы ползать по грязному полу, выпрашивая прощение. Шаол велел им немедленно возвращаться в замок. Решать их участь он будет завтра. Он не знал, заслуживают ли дезертиры того, чтобы выгнать их из гвардии. Оказалось, Эдион им наврал, сказав, что уже обо всем договорился с Шаолом. (Караульные у дверей умолчали об этом из чувства гвардейской солидарности.) И потом, такие решения нужно принимать не сгоряча и на свежую голову. Провинившиеся поспешили в замок, с ними ушли и остальные гвардейцы, которым сразу расхотелось веселиться. Шаол отправился искать генерала.

Странное дело: никто не знал, где сам Эдион. Сначала Шаола послали на второй этаж, где находились комнаты для ночлега. Там он увидел двух женщин и довольно пьяного мужчину. Тот предложил присоединиться, – дескать, «девочек на всех хватит». Шаол ответил, что не собирается им мешать и лишь хочет знать, где генерал. Женщина заявила, что недавно видела его в подвальном зале: играл в кости с какими-то важными персонами, лица которых скрывали маски. Шаол поспешил в подвальный зал. Там действительно сидели несколько важных персон, изображавших обычных горожан. Шаол прекрасно знал, кто скрывается под масками, и при случае мог бы назвать имена. Все дружно повторяли, что генерал отправился в Большой зал поиграть на скрипке.

Шаол поднялся в Большой зал. Эдион не играл ни на какой скрипке. На лютне, флейте и барабане – тоже. Казалось, что Эдион Ашерир устроил эту вечеринку, но сам на ней не присутствовал.

Шаола тронула за плечо куртизанка, предлагая вместе с нею отдохнуть от шумного веселья. Капитан собрался было рывкнуть на нее и прогнать, но передумал. Он пообещал девице серебряную монету за сведения о местонахождении генерала. Куртизанка сообщила, что час назад видела его уходящим под ручку с девицей того же пошиба. Они направлялись в более уединенное место. В какое – она не знала. Если Эдиона в таверне не было, тогда и Шаолу здесь делать нечего. Пора в замок.

Шаола встревожила новость, случайно услышанная им в заведении. Вскоре в столице появится легион Беспощадных. Воины генерала Ашерира якобы обещали «погулять в Рафтхале так, что после них еще долго будут собирать битые черепки». Естественно, королевских гвардейцев тоже приглашали участвовать в попойках и непотребствах.

Только еще не хватало, чтобы целый легион смертельно опасных воинов бесчинствовал в тавернах Рафтхола и дурно влиял на его гвардейцев. Случись такое, виноват будет не генерал, а он, Шаол. В замыслы капитана никак не входило попадать под пристальное внимание короля.

Значит, с Эдионом придется говорить не только о двоих дезертирах. Нужно найти что-то

такое, что можно было применить против Эдиона и вынудить генерала больше не устраивать подобных вечеринок. И самое главное – взять с него клятвенное обещание, что Беспощадных он будет держать в узде. Если завтра Эдион устроит новое сборище, Шаол обязательно туда пойдет.

Он должен найти способ надавить на генерала.

Селена проснулась, когда только начало светать. Если то, что было до этого, вообще можно назвать сном. Она дрожала от холода. У нее ныло все тело. Открыв дверь своей каморки, она обнаружила костяную баночку с мазью, пахнувшей мятой и розмарином. Под баночкой лежала записка. Почерк был мелкий и плотный.

«Ты это заслужила. Маэва желает скорейшего выздоровления».

Селена хмыкнула. Похоже, Маэва начистила племянничку клюв и повыщипала перья. Вдобавок еще заставила самого отнести к двери Селены свой дар. Губа оставалась вспухшей. Селена смазала ее фэйской мазью и подошла к простому комоду. Над ним к стене был прикреплен осколок зеркала. Когда-то Селена любила смотреться в зеркало. Но сейчас... ей с трудом верилось, что отражение – ее собственное. А каким, спрашивается, оно должно быть после стольких дней жизни на крышах Варэса, после ненавистной теггьи и такого же ненавистного вина? Даже странно, что когда-то мытье в горячей воде было ей доступно практически каждый день.

Наверное, Рован сообразил, что в этом жалком тазу ей не вымыться. Кроме мази, за дверью Селена нашла несколько кувшинов с водой, мыло и новую одежду: нижнее белье белого цвета, просторную рубашку, бледно-серый камзол и плащ. Камзол и плащ были такими же, как у Рована. Одежда простая, но из плотной ткани и добросовестно сшитая.

Селена вымылась с той тщательностью, с какой позволяли условия ее комнатенки. Стекла в окошке не было, потому внутрь свободно вползал лесной туман. Ей вдруг взгрустнулось по своим покоям во дворце. Быстро прогнав эти мысли, она вытерлась и оделась в новое. Хорошо, что Рован не ограничил ее гардероб одной лишь рубашкой.

Всю ночь она слушала стук собственных зубов, который не прекращался и сейчас. Мокрые волосы тоже не согревали, хотя она и заплела их в косу. Запихнув ноги в кожаные сапоги, Селена подпоясалась толстым красным кушаком, завязав его достаточно плотно, но так, чтобы не мешал двигаться и дышать. Кушак хотя бы немного подчеркнет ее фигуру...

Разве эту жердь можно назвать фигурой? Селена хмурилась, косясь в зеркало. Она исхудала. Лицо стало таким же опустошенным, как и душа. Даже волосы потеряли блеск и теперь висели веревками. Мазь убрала припухлость, но не цвет разбитой губы. Хоть вымыться сумела. Правда, пока мылась, замерзла еще сильнее. Селена критически осмотрела свой новый наряд. Для леса – в самый раз, но не для кухонной работы. Вздохнув, она развязала кушак, сняла камзол, бросила то и другое на кровать. До чего же у нее озябли руки. И кольцо на похудевшем пальце крутится, того и гляди соскользнет. Ну и пусть. И зачем вообще она смотрит на этот аметист, еще не успевший поймать дневной свет?

Что бы сейчас сказал Шаол, увидев ее? Это из-за него она чутилась здесь. «Здесь» означало не только место, а и ее состояние: бесконечная усталость и непроходящая боль в груди. Шаол не виноват в гибели Нехемии; Селена поняла это, убедившись, что принцесса сама выстроила цепь роковых событий. Однако он утаил от Селены важные сведения. Шаол выбрал короля. Признаваясь ей в любви, он продолжал верно служить этому чудовищу. Пожалуй, не надо было сблизиться с ним. Не надо было мечтать о мире, где можно забыть, что Шаол – капитан королевской гвардии. Слуга страшного человека, снова и снова разрушающего ее жизнь.

Боль в груди усилилась. Селене стало трудно дышать. И все-таки она подошла к окну и

глубоко вдохнула утренний туман. Такой же туман окутывал ее душу. Затем она толкнула дверь и вышла.

* * *

Одним из преимуществ работы на кухне было тепло. Скорее даже жара. Огонь пылал в громадной кирпичной печи, служившей плитой, прогоняя утренний туман. Окна, через которые туман проникал на кухню, были только на одной стене, над медными чанами. Селена удивилась, застав в кухне всего двоих: сгорбленного старика и молодого парня. Склонившись над плитой, старик следил за кипевшими котлами. Парень сидел за длинным деревянным столом, разделявшим кухню надвое. Он крошил лук, попутно наблюдая за печью, откуда тянуло хлебом. Боги милосердные, как же она проголодалась! Хлебом пахло так соблазнительно. А что варится в котлах?

Похоже, парень успел выспаться, если в столь ранний час трещал без умолку. Его веселый голос эхом отражался от каменных ступеней лестницы. Но болтовня его мгновенно прекратилась, когда в кухню спустился Рован. И парень, и старик прервали работу.

На Рована Селена наткнулась в конце коридора. Он ждал ее, скрестив руки. На лице была написана многовековая скука. Похоже, он надеялся, что Селена проспит и у него будет законное основание ее наказать. Фэйский принц обладал бесконечным терпением и, наверное, был неистощим на выдумывание отвратительных наказаний.

Сойдя вниз, Рован застыл. Селена подумала: интересно, умение застывать неподвижно у него врожденное или учился где?

– Я привел вам помощницу на утро, – сказал Рован старику. – После завтрака я ее заберу на весь день.

И ни слова приветствия. Вряд ли это было особенностью его характера. Скорее всего, фэйцы не считали нужным здороваться со смертными. Рован перевел взгляд на Селену и слегка приподнял брови. Она прочла в его глазах: «Кажется, ты хотела не раскрывать себя? Валяй, принцесса. Называйся любым именем».

Что ж, он внял ее вчерашним словам. И на том спасибо.

– Элентия, – глухо проговорила она. – Меня зовут Элентия.

У нее сдавило живот. Хвала богам, Рован не усмехнулся. Но если бы он только посмел насмеяться над именем, данным ей Нехемией, она бы кишки ему выпустила... Во всяком случае, попыталась бы.

Старик наклонился, вытирая о белый фартук узловатые, морщинистые руки. На нем была коричневая шерстяная блуза – далеко не новая и местами сильно потертая. На ходу он странно выворачивал левое колено. Но седые волосы были аккуратно заплетены в косичку и не падали на его загорелое лицо.

– Принц, мы вам искренне признательны за помощницу. – Старик поклонился; чувствовалось, ему трудно нагибаться. – На кухне никакая пара рук не бывает лишней.

Зеленовато-карие глаза оглядели Селену с ног до головы.

– С кухонной работой знакома?

Селена была знакома со множеством других работ. Но от кухни судьба ее как-то уберегала.

– Нет, – коротко ответила она.

– Не беда. Ноги у тебя проворные, а остальному быстро научишься.

– Постараюсь.

Чувствовалось, такой ответ вполне устроил Рована. Повернувшись, он пошел наверх. Каждый его бесшумный шаг был исполнен силы. Он умел управлять своей силой. Умел сдерживаться. В этом Селена вчера убедилась. Если бы Рован захотел, он бы разнес ей челюсть.

– Я – Эмрис, – представился старик.

Он поспешил к печи, открыл заслонку, взял приставленную к стене деревянную лопату и вытащил румяный каравай. Со знакомством покончено. Отлично. Никакой вежливой чепухи, улыбочек и прочего. Но его уши...

Полукровка! Это было видно по форме ушей Эмриса, проглядывавших сквозь седые волосы. Наследие фэйцев.

– А его зовут Лока.

Старик кивнув в сторону парня. Кастрюли и сковороды, свисавшие с потолочных крюков, наполовину загорали его лицо, что не помешало парню широко улыбнуться Селене и потряхнуть темно-рыжей гривой. Она прикинула его возраст: должно быть, на несколько лет моложе ее. И плечи еще не стали по-взрослому широкими. Коричневая блуза болталась на нем как на вешалке, а рукава были слишком коротки.

– Основная часть работы достанется вам с Локой, – добавил старик.

– Жуть и мрак, – прочирикал парень и поморщился от острого запаха лука, который резал. – Но ты привыкнешь. Вот только вставать спозаранку...

Эмрис наградил его сердитым взглядом, и Лока поспешил добавить:

– Зато ты попала в отличную компанию.

Селена ограничилась вежливым кивком, на большее ее не хватило. Теперь, когда ушел Рован, можно было и осмотреться повнимательнее. За спиной у Локи виднелась еще одна каменная винтовая лестница, уходившая вверх. По обе стороны от нее возвышались два огромных шкафа с посудой, вилками и ложками. Все это было не только старым, но и гнутым, мятым, со сколами и щербинами. Кухня имела отдельную дверь, верхняя часть которой была открыта. В проеме виднелся лужок, где клубился туман, и стена деревьев. Между деревьями вечными стражами темнели мегалиты.

Эмрис разглядывал ее руки. Селена сунула их в карманы. Незачем ему видеть шрамы и следы от кандалов.

– Реветь по сломанным ногтям не буду, – усмехнулась она.

– Боги милосердные. Что ж с тобой приключилось? – спросил старик.

Вопрос был задан для виду. Селена чувствовала, что он и так о многом догадывался. Достаточно вслушаться в ее акцент и посмотреть на разбитую губу и круги под глазами.

– А ты поживи в Адарлане, – сказала она.

Лока даже нож уронил.

– Говори, что надо делать. – Селена продолжала смотреть на старика. – Возьмусь за любую работу.

Пусть Рован считает ее избалованной и эгоистичной. Так оно и есть. Но ей хотелось, чтобы ее мышцы болели от напряжения, чтобы руки покрылись мозолями и чтобы в конце дня она, безмерно уставшая, проваливалась в сон, ни о чем уже не думая и ничего не чувствуя.

Эмрис прищелкнул языком. В его глазах Селена прочла сострадание, отчего ей сразу

захотелось оттяпать ему голову. Но потом его глаза стали прежними, и он сказал:

– Дорежь лук. Лока, ты следи за хлебом. А я начну готовить запеканку.

Селена отправилась за стол. Попасть туда можно было, лишь пройдя мимо гигантской плиты, сложенной из древних камней. Камни покрывали непонятные знаки и странные изображения. Даже опорные столбы были в виде фигур. Верхняя часть передней стенки была металлической, и ее украшали девять скульптурных изображений богов и богинь.

Едва глянув на них, Селена поспешила отвернуться. Ей стало не по себе от вида двух богинь, расположившихся посередине. Голова одной была увенчана звездой, а в руках – лук и колчан со стрелами. Вторая держала на поднятых руках блестящий бронзовый диск. Селена могла поклясться, что богини следили за каждым ее шагом.

* * *

Завтрак превратил кухню в сумасшедший дом.

Едва только свет за окнами сменился с серого на золотистый, в кухне началось столпотворение. Одни стремительно вбегали сюда, другие не менее стремительно выбегали. Слуг в крепости не было. Только дежурные (жилистые, обветренные) и добровольные помощники. Стоило выставить на стол очередное блюдо с яйцами, картофелем и овощами, чьи-то руки тут же подхватывали его и по винтовой лестнице уносили наверх, в столовую. Туда же тащили громадные кувшины с водой, молоком и Вэрд знает с чем еще. На Селену смотрели как на часть кухонной утвари, хотя Эмрис несколько раз называл ее имя. Чаще ее вовсе не замечали.

Это ничуть не обижало Селену. Наоборот, после десяти лет опасных взглядов и перешептываний за спиной быть незаметной оказалось приятно. Ей думалось, что Рован не раскроет ее тайну; хотя бы потому, что он тоже терпеть не мог разговоров. Занятая резкой овощей и отмыванием котлов, она наконец-то стала никем. Пылью на дороге. Ее не видели в упор.

Досаждал только затупившийся нож. А ведь еще нужно было нарезать горы грибов, зеленого лука и, конечно же, картошки. Никто, если не считать наблюдательного Эмриса, не обращал внимания на ее аккуратные кусочки. Их просто сгребали в очередную кастрюлю или котел, а Селене выдавали новое задание.

Потом кухня опустела. Ушли все, кроме Эмриса и Локи. Зато сверху доносился сонный смех, нечленораздельный говор и стук посуды. Селене ужасно хотелось есть, но притронуться к еде, оставшейся на столе, она почему-то не решалась. Чтобы не смущать себя, она отвернулась и увидела наблюдавшего за ней Локу.

– Да ты ешь, не стесняйся. – Парень широко улыбнулся.

Он бросился помогать Эмрису. Вдвоем они подтащили к одному из медных чанов тяжеленный железный котел с горячей водой для мытья посуды. За минувший час Лока успел поболтать едва ли не с каждым, кто вбегал в кухню. Его смех звенел, перекрывая лязг посуды и крики.

– Ешь, пока есть время. Когда начнешь мыть посуду, там уже будет не до еды.

Несколько чанов были доверху полны грязными тарелками. Сколько же времени ей понадобится, чтобы перемыть посуду хотя бы из одного! Селена быстро уселась за стол, положила себе картошки, добавила пару яиц и налила в щербатую кружку чаю.

Она не ела – она пожирала. Все было потрясающе вкусно и упоительно пахло. За считанные минуты она умяла два ломтя хлеба с яйцами и взялась за картошку, такую же умопомрачительно вкусную. Чай она пить не стала, предпочтя стакан жирного сладковатого молока. В Рафтхале она бы ни за что не стала пить молоко. Там она могла выбирать самые изысканные соки. Однако...

Снова почувствовав на себе чужие глаза, Селена подняла голову от тарелки. Эмрис и Лока стояли возле плиты и смотрели, как она насыщается.

– Боги милосердные, – пробормотал старик, тоже усаживаясь за стол. – Когда же ты в последний раз ела?

Когда она в последний раз ела такую вкусную еду? Давно. Если Рован сейчас явится за нею, ее не должно шатать от голода. Для учебы нужны силы. Для обучения магии. От занятий с Рованом Селена не ждала ничего хорошего. Но она выдержит. Она заработает право предстать перед Маэвой и выполнит клятву, данную Нехемии.

Вопрос Эмриса сразу погасил ее аппетит.

– Прошу прощения, – буркнула Селена, откладывая вилку.

– Ешь вдоволь, – сказал Эмрис. – Для повара нет более приятного зрелища, чем видеть, с каким наслаждением едят то, что он приготовил.

Это было сказано с добрым юмором и такой же доброй улыбкой в глазах.

Как бы они отнеслись к ней, если бы узнали, чем она занималась в далекой Эрилее? Если бы узнали, сколько крови она пролила, как измывалась над Могилкой, отрезая от него по кусочку. Если бы узнали про Аркера, приконченного ею в подземелье. И еще про многих, кого она, наоборот, не сумела защитить. И в первую очередь – Нехемию.

Эмрис и Лока сели рядом с нею и тоже принялись есть. Они ни о чем не спрашивали, и это ее более чем устраивало. Не хотелось увязать в разговорах. Затем Эмрис и Лока заговорили между собой. О том, что Лока поднимется на парапет крепости и будет упражняться вместе с другими караульными. О мясных пирогах, которые Эмрису надо успеть испечь к обеду. О скорых дождях. Если они вовремя не прекратятся, весеннего праздника опять не будет, как в прошлом году. Обычные дела, обычные заботы. Глядя со стороны, казалось: вот сидят за столом дед с внуком и им хорошо в обществе друг друга.

Они жили совсем в ином мире. Им бы и в кошмарном сне не привиделась зловещая империя, где годами льется кровь, где жестокость и рабство успели сделаться обыденными явлениями. Селена почти видела три души, вьющиеся над столом. Две светлые и чистые, а третья похожа на колеблющееся черное пламя. Ее душа.

«Не позволяй свету погаснуть в тебе» – это были последние слова Нехемии, произнесенные в подземелье. Селена отодвинула тарелку. Есть больше не хотелось. Ей не встречались люди, над которыми бы не витала зловещая тень Адарлана. Она с большим трудом могла вспомнить годы раннего детства – недолгой счастливой поры, когда Террасен еще был свободным и не знал адарланского рабства.

Но то давнишнее ощущение свободы вспомнить никак не удавалось.

У нее под ногами разверзлась яма – настолько глубокая, что нужно поскорее отойти, иначе она рухнет туда.

Селена уже собиралась взяться за мытье тарелок, когда Лока вдруг сказал:

– Уж если Рован взялся тебя обучать, ты либо очень важная птица, либо... тебе крупно не повезло.

«Проклятая богами», – хотела ответить Селена, но промолчала.

Эмрис поглядывал на нее с осторожным интересом.

– Ты будешь обучаться, чтобы попасть в Доранеллу?

– А разве вы все здесь не по этой же причине?

Вопрос прозвучал резче, чей ей хотелось бы.

– Да, – согласился Лока. – Но мне еще не один год учиться, прежде чем они решат, можно ли меня туда пускать.

Не один год? Она не ослышалась? Маэва не может держать ее здесь так долго.

– А ты давно обучаешься? – спросила она у Эмриса.

Старик грустно усмехнулся:

– Мне и пятнадцати не было, когда я здесь появился. Потом работал на них около... десяти лет. Мне сказали, что я мало пригоден для Доранеллы. Слишком... заурядный. Погоревал я, а потом решил: пусть лучше мой дом и очаг будут здесь, чем в Доранелле, где каждый бы смотрел на меня сверху вниз. И так – до конца дней. Сейчас я ни капли не жалею. Мой *парный* разделяет мои взгляды. Вскоре ты его увидишь. Он частенько сюда навещается и таскает куски для себя и своих людей.

Эмрис засмеялся. Лока тоже улыбнулся.

Парный, а не муж. У фэйцев были парные. Их связывали узы крепче, чем брак. Эти узы сохранялись и после смерти.

– Так вы здесь все полукровки? – спросила Селена.

Лока сжался, но все-таки улыбнулся:

– Этим словом нас называют лишь чистокровные фэйцы. Мы предпочитаем называть себя полужфэйцами. А так... да. Почти все из нас родились от смертных матерей. Отцы и не подозревали о нашем существовании. Одаренных почти сразу забирают в Доранеллу. Что же касается нас – обычного потомства... нам трудно жить среди людей. Точнее, им трудно с нами. Поэтому мы оказываемся здесь, в Страже Тумана. Или в других пограничных крепостях. В Доранеллу допускают очень немногих. Остальные просто живут здесь, среди себе подобных.

Лока прищурился, разглядывая ее уши:

– Похоже, в тебе больше человеческого, чем фэйского.

– Потому что я не полу...

Рассказывать подробности она не собиралась.

– А ты можешь изменять облик? – спросил Лока, игнорируя предостерегающий взгляд Эмриса.

– А ты? – вопросом ответила Селена.

– Нет. И никто из нас не может. Если бы могли, то давно были бы в Доранелле, вместе с остальными «одаренными», которых любит собирать Маэва.

– Лока, придержи язык! – прикрикнул на него Эмрис.

– Маэва этого не скрывает. Значит, ничего секретного в этом нет. Басс и другие тоже языки не прикусывают. Есть тут несколько караульных, умеющих менять облик. Малакай – парный Эмриса – умеет. Но они остаются здесь, потому что сами не хотят в Доранеллу.

Селену не удивляло, что Маэва окружала себя одаренными полукровками, а тех, от кого ей никакой пользы, держала здесь.

– А у кого-то из вас есть способности?

– Ты про магию? – У Локи дернулся рот. – Нет, ни у кого. Даже намека нет. Слышал, на вашем континенте магов всегда было больше. И способности были разнообразнее. Скажи, а

правда, что магия потом совсем исчезла?

Селена кивнула. Лока тихо присвистнул. Парень раскрыл рот, намереваясь задать новый вопрос, но ей совсем не хотелось говорить об этом, и она задала свой:

– А другие? В крепости есть... полуфэйцы с магическими способностями?

– Есть. – Лока пожал плечами. – Но магия у них слабенькая. Могут повлиять на травы, чтобы росли побыстрее. Могут воду найти или дождь вызвать. Да нам этого и не нужно.

Так. В случае чего, на помощь ей рассчитывать не придется. Никто не облегчит ей общения с Рованом и Маэвой.

– Но ничего особого или захватывающего ты тут не увидишь, – продолжал болтать Лока. – Ни тебе смены облика по собственному желанию, ни управления огнем.

У Селены мгновенно свело живот.

– И предсказывать события здесь тоже никто не умеет. Года два назад пришла к нам странница. Вот у той были настоящие магические способности. Захочет – грозу устроит. Или снегопад. Или ручей разольется до ширины реки. Всего-то и пробыла у нас неделю. Маэва про нее узнала, забрала в Доранеллу, и больше мы о ней не слышали.

Вряд ли парень выдавал какие-то секреты, но Эмрис все время неодобрительно на него поглядывал. Локу это не смущало. Он любил поговорить и в Селене видел прежде всего новую слушательницу.

– Жаль, конечно, что ту женщину от нас забрали. Она еще и красивая была... Если подумать, и ее способности – это не магия. Так, жалкие огрызки. Пугливых крестьян впечатлило бы. Но мы-то не крестьяне.

– Ах, парень, язык у тебя без костей, – одернул его Эмрис. – Смотри, как бы боги не вырвали его за такие речи.

Лока поморщился и выпучил глаза. Как и любой в его возрасте, он терпеть не мог назиданий. Но Эмрис не собирался останавливаться.

– Когда-то такой магией владели многие. Боги наделили людей этими способностями. Без них люди не выжили бы. Способности эти передавались из поколения в поколение. Но людям было лень развивать свои дарования. Магические способности слабели и почти совсем пропали.

Селена оглянулась на фигурки богов и богинь. Ей хотелось сказать, что в древности небожители вступали в близкие отношения с людьми и это было основным способом передачи магических талантов. Но... разговор бы сделался бесполезной болтовней. Уж если приходится вести беседу, то с пользой для дела.

– А что вы знаете про Рована? Сколько ему лет?

Морщинистые пальцы Эмриса обхватили пустую кружку.

– Он – один из немногих фэйцев, кто бывает в Страже Тумана. Наведывается он сюда часто. Собирает донесения для Маэвы, но держится замкнуто. В крепости никогда не ночует. Иногда приезжает сюда еще с пятеркой подобных ему. Все они то ли полководцы королевы, то ли ее шпионы, то ли еще кто. Они не опускаются до разговоров с нами. Все, что мы о них знаем, – одни слухи. Поди пойми, куда они на самом деле отправляются и что там творят. Но Рована я вижу здесь с тех самых пор, как сам сюда пришел. Бывало, он исчезал на несколько лет. Такая у него служба ее величеству... Насчет его возраста... вряд ли кто знает, сколько ему лет. Я появился здесь мальчишкой и застал стариков, которые тоже были в крепости с юных лет. Когда они сюда пришли, Рован уже был... Стар он, очень стар. Но лицом не меняется.

– И злющий, как гадюка, – пробормотал Лока.

– Сколько раз тебе повторять? – Эмрис бросил на него опасливый взгляд. – Думаешь, что говоришь.

Старик оглянулся по сторонам, будто Рован мог прятаться где-то поблизости. Эмрис явно чего-то боялся.

– Но трудно тебе с ним будет, это как пить дать.

– Этот Рован – хладнокровный убийца и мучитель, – добавил Лока. – Из особо приближенных воинов Маэвы. Во всяком случае, так говорят.

Услышанное не удивило Селену. Хуже, что, помимо Рована, есть еще пятеро таких.

– Я сумею с ним справиться, – тихо сказала она.

– Нам не разрешают учить древний язык, пока мы не вступим в Доранеллу, – добавил Лока. – Но я слышал, татуировка Рована – это список тех, кого он поубивал.

– Тише! – шикнул на парня Эмрис.

– А что, скажешь – он не такой? – огрызнулся Лока и хмуро поглядел на Селену. – Ты всерьез подумай, надо ли тебе стремиться в Доранеллу. Здесь тоже неплохо.

Нет, хватит с нее разговоров.

– Я с ним справлюсь, – повторила Селена.

Вряд ли Маэва намерена годами держать ее здесь. Селена решила: если только она заподозрит нечто подобное, то исчезнет отсюда и найдет иной способ остановить адарланского короля.

Лока опять открыл рот, но Эмрис покачал головой и выразительно посмотрел на покрытые шрамами руки Селены:

– У нее своя голова на плечах. И своя жизнь.

Лока, не умевший долго молчать, заговорил о погоде. Селена взялась за мытье посуды и быстро вошла в ритм этого занятия. Такое с ней было на корабле, когда она чистила и точила свое оружие.

Кухня осталась где-то далеко. Селена мысленно опускалась куда-то вниз, ужасаясь сделанному открытию. Она действительно не помнила, каково это – ощущать себя свободной.

Клан Черноклювых прибыл в Феррианскую впадину последним.

Неудивительно, что им достались самые тесные и дальние помещения, вырубленные в недрах Омаги. Омага была последней и самой северной в цепи Руннских гор, окаймлявших Феррианскую впадину с северо-востока.

По другую сторону впадины высился Северный Клык – последняя из Белокрычких гор. В пещерах под ней сейчас скрывались люди короля, которых явно не радовало столь близкое соседство с ведьмами.

За весь день, что они провели здесь, Манона даже мельком не увидела обещанных драконов. Но она их слышала, хотя логово чудовищ находилось в толще Северного Клыка. Их рев и крики передавались через камень и были слышны даже в залах и коридорах Омаги. Хлопанье перепончатых крыльев, скрежет когтей – все это будило воображение Маноны и увеличивало нетерпение.

Кланы Железзубых очень давно не собирались вместе. В прошлый раз, пятьсот лет назад, их было больше двадцати тысяч. Нынче осталось три – лишь осколки некогда могущественного королевства.

Межклановые свары не утихали нигде, даже в недрах Омаги. Маноне уже пришлось растаскивать Астерину и сучку из Желтоногих. Эта дура, видно, еще не знала, что караульные Черноклювых, особенно если в карауле стоят ведьмы отряда Тринадцати, не прощают, когда их называют мягкосердечными.

Лица обеих были забрызганы синей кровью. Манона с удовлетворением отметила, что Астерина здорово потрепала Желтоногую. И все равно дерзкую, бесшабашную красавицу Астерину придется наказать. Караульная не имеет права поддаваться на провокации.

Наказание состояло из трех ударов, которые провинившаяся была обязана смиренно выдержать, не пытаясь защищаться. Первый – в живот, чтобы Астерина ощутила собственную беспомощность. Второй – под ребра: пусть обдумывает свои действия. Третий – по лицу: разбитый нос послужит напоминанием, что наказание могло быть куда суровее.

Астерина все удары приняла стойко. Не вскрикнула, не попросила о пощаде. Словом, вела себя достойно, как и надлежит ведьме из отряда Тринадцати.

Сегодня, во время скудного завтрака (засунуть бы эту овсяную кашу в кишки тех, кто ее варил), Астерина встретила Манону свирепой улыбкой. Нос у нее распух, а на переносице запеклась кровь. Другую ведьму Манона выволокла бы за волосы на середину зала и заставила бы крепко пожалеть о дерзости, но Астерина...

Астерина приходилась ей двоюродной сестрой, но подругами они не были. Манона не имела подруг. И не только она. Все ведьмы, в особенности Тринадцать, вполне обходились без дружбы. Но Астерина добрую сотню лет прикрывала ее в битвах, и эта улыбка свидетельствовала, что, когда они снова окажутся в гуще сражения, двоюродная сестра не воткнет ей кинжал в спину.

При своей взбалмошности Астерина будет щеголять свороченным носом как почетной наградой и до последних дней своей, увы, не такой уж бесконечной жизни будет утверждать, что с таким носом она даже красивее.

Наследница верховной ведьмы клана Желтоногих – рослая заносчивая ведьма по имени Искара – ограничилась тем, что велела своей соплеменнице держать язык за железными

зубами и отправила в здешний лазарет. Дура, как все Желтоногие.

Командирам всех шабашей было приказано выставить усиленные караулы, чтобы не допустить стычек между кланами. Иначе на них обрушится гнев всех трех верховных ведьм. Искаре ее «доброта» еще аукнется. Ведьма – зачинщица ссоры будет валяться в лазарете, пока новая верховная ведьма клана Желтоногих не изберет ей наказание.

Вчера в общем зале, где они ели, устроили поминальную службу по Бэбе Желтоногой. Служба больше напоминала балаган. Вместо традиционных черных свечей зажгли какие-то огарки. Никаких ритуальных одежд. Все были в том, в чем явились сюда. А когда читали священное воззвание к Трехликой богине, это напоминало лицедейство смертных.

Манона ни разу не видела Бэбу Желтоногую и к известию о ее гибели отнеслась с привычным равнодушием. Ее больше занимало, кто и почему убил Бэбу. Вопрос этот занимал не только Манону. Пока читались слова траурного ритуала, ведьмы вполголоса переговаривались. Астерина и Васта, как всегда, пытались разговорить чужих ведьм и что-то разнюхать. Никто ничего не знал. У Маноны в отряде были две ведьмы, обладающие особо тонким слухом (их она называла Тенями). Они стояли в темных углах зала, вслушиваясь в разноголосицу. Однако и им не удалось что-либо узнать.

Манона шла по наклонному коридору туда, где собирались три предводительницы и командиры шабашей. Завидев ее, Черноклювые и Желтоногие расступались, пропуская вперед. Неясность с убийством Бэбы давила Маноне на плечи, вызывая раздражение. Манона привыкла знать обо всем, что могло оказаться полезным и дать преимущества Тринадцати или всем Черноклювым.

По пути ей не встретилось ни одной ведьмы клана Синекровных. Ничего удивительного. Синекровные всегда были отшельницами. На Омагу они явились первыми и заняли самые верхние помещения, объяснив, что для ежедневных ритуалов им необходим свежий горный ветер.

Мать Черноклювых всегда звала их фанатичками с обветренными носами. Они действительно были фанатично преданы Трехликой богине. Но ведь это их видения Ведьминого королевства под властью Железозубых помогли пятьсот лет назад сплотить кланы. Правда, основная тяжесть сражений легла тогда на плечи Черноклювых.

К своему телу Манона относилась как к оружию. Содержала в чистоте и постоянно упражнялась, чтобы в любой момент быть готовой разрушать и защищаться. Но даже у нее перехватило дыхание, когда она подошла к большой крытой площадке возле черного моста, соединявшего Омагу с Северным Клыком. Еще на подступах она возненавидела это каменное пространство за его странный запах.

Оно пахло как те двое узников в обозе герцога. Этим зловонием было заполнено все вокруг. Запах был неестественным, не из этого мира.

Возле громадного отверстия в склоне горы собралось около полусотни ведьм. Все высшее командование. Манона сразу же заметила бабушку. Та стояла у входа на мост, рядом с верховными ведьмами Желтоногих и Синекровных.

Новая верховная ведьма Желтоногих была, скорее всего, сводной сестрой Бэбы. Наверное, и одевалась схожим образом, в коричневое. Подол не достигал пола, обнажая лодыжки в чулках шафранового цвета. Седые волосы были заплетены в косу. Хищное, морщинистое лицо весьма немолодой женщины. По правилам клана, Желтоногие никогда не втягивали свои железные зубы и когти. Весь арсенал новой верховной ведьмы поблескивал сейчас в неярком утреннем свете.

Предводительница клана Синекровных, высокая и тощая, обликом своим больше напоминала жрицу, нежели воительницу. Ее наряд был традиционного синего цвета. Лоб украшал обруч из железных звезд. Подойдя ближе, Манона увидела на звездах шипы. Тоже ничего удивительного.

Согласно легенде, Трехликая богиня опасалась, как бы магия не увела ведьм в иные миры, и потому наградила их железными зубами и когтями. Железный обруч якобы свидетельствовал о том, что у Синекровных магические способности были особенно сильными и их предводительнице требовалось больше железа и боли, чтобы удержаться в этом мире.

Чепуха. Дань традиции и не более того. Вот уже десять лет как в Эрilee исчезла вся магия. Но до Маноны доходили слухи, что Синекровные проводили в своих лесах и пещерах особые ритуалы, через боль открывавшие доступ к магии. Поди проверь. Им бы гадалками быть, а не ведьмами.

Манона прошла сквозь ряды командиров шабашей своего клана. Они были самой многочисленной ветвью командования – двадцать командиров шабашей, включая Манону. Отряд Тринадцати занимал особое место, и потому каждая ведьма-командир при виде нее в знак почтения прикладывала два пальца ко лбу. Игнорируя приветствия, Манона заняла место впереди. Заметив ее, бабушка одобрительно кивнула.

Когда тебя замечает верховная ведьма – это настоящий знак отличия. И не важно, что ты – ее внучка. Манона наклонила голову и поднесла два пальца ко лбу. Послушание, дисциплина, безжалостность – любимые слова клана Черноклювых. Все прочие нужно отбрасывать не раздумывая.

Манона стояла приподняв голову, руки за спиной. Ее внимание было устремлено к трем верховным ведьмам, но боковым зрением она увидела, что наследницы двух других кланов наблюдают за нею.

Ближе всех к верховным ведьмам стояла Петара – наследница клана Синекровных. Ее командиры занимали самую середину. Манона напряглась, но выдержала взгляд.

Веснушчатая кожа Петары была такой же белой, как у Маноны. Цветом волос она походила на Астерину, только ее волосы имели медный отлив. Глаза, естественно, были синими. Как и многие ведьмы ее клана, Петара была красивой, но ее лицо отличала особая суровость. Вместо железного обруча со звездами ее лоб украшал кожаный. Манона не знала, сколько Петаре лет. Возможно, та чуть постарше ее самой, раз после исчезновения магии Петара стала выглядеть лет на тридцать. В ее облике не было ничего угрожающего, но и жизни не чувствовалось. Вряд ли она когда-нибудь улыбалась. Впрочем, ведьмы улыбались редко. В основном во время охоты или сражения.

А вот Искара, наследница Желтоногих, смотрела на Манону и улыбалась во весь рот. Правильнее сказать, ухмылялась, всем своим видом бросая вызов. Манона с удовольствием бы его приняла. Искара не забыла вчерашней потасовки между их караульными. Ее карие глаза говорили о многом, в том числе и о том, что стычка была приглашением. Маноне вдруг захотелось вцепиться в горло наследнице Желтоногих. Это сразу бы прекратило столкновения между караульными обоих кланов.

Но это же могло оборвать ее собственную жизнь. Беспричинные нападения наказывались очень строго, а правосудие у ведьм вершилось быстро. Черноклювым и Желтоногим было особо нечего делить. Учитывая печальный опыт прошлого, верховные ведьмы жестко пресекали все проявления вражды между кланами. Без выпада со стороны

Искры у Маноны были связаны руки.

– Может, теперь ты скажешь, ради чего мы все тут собрались? – спросила Кресседа, верховная ведьма Синекровных.

Мать Черноклювых махнула рукой в сторону моста. Ледяной ветер развевал полы ее одежд.

– Ведьмы, мы наконец-то поднимемся в небо.

* * *

Манона не думала, что переход по черному мосту окажется таким мучительным. Признаваться в этом она не хотела даже себе. Во-первых, отвратительные, скользкие камни, дрожащие под ногами. А еще они распространяли гадостный запах. Странно, что больше никто его не замечал. И конечно ветер. Он налетал со всех сторон, норовя опрокинуть и перебросить через узорчатые перила.

Дна впадины не было видно. Сразу под мостом начинался густой туман. Этот туман сопровождал их на пути к Ферианской впадине. Похоже, он появился не сам собой, а был результатом фокусов адарланского короля. Думать об этом Маноне не хотелось. Появятся вопросы, которые вслух никому не задашь. И потом, ей-то какое дело до королевских фокусов?

На другом краю моста находилась такая же крытая площадка. От перехода по ветру у Маноны замерзли уши и горело лицо. Когда-то она летала в любую погоду, забираясь очень высоко. Но полеты на высоте не были долгими. Прежде чем взлететь, она наедалась мяса, а оно согревало.

Манона наклонила голову и обтерла текущий нос о красный плащ на плече. Командиры шабашей всегда пялили на него глаза: кто с неприязнью, кто с завистью. Естественно, они знали о праве Маноны носить этот плащ. Искара глазела дольше всех и скалилась. А славно было бы однажды вцепиться в физиономию наследнице Желтоногих!

Сразу за площадкой начинался широкий коридор, ведущий к верхним ярусам Северного Клыка. Весь камень под ногами был в громадных трещинах, зазубринах и сколах. Кто их оставил, знала лишь Трехликая богиня. Здесь пахло кровью. Человеческой кровью.

Коридор вывел в подобие зала. Здесь верховных ведьм ожидали пятеро смертных. Казалось, их лица и тела высечены из такого же щербатого камня. Никаких слов приветствия, только угрюмые кивки. Манона следовала за бабушкой, одним глазом наблюдая за людьми, а другим разглядывая место, куда они попали. Искара и Петара поступили так же. Хотя бы в этом наследницы достигли согласия.

Первейшей обязанностью каждой наследницы была защита ее верховной ведьмы. Если понадобится, ценой собственной жизни. Манона мельком взглянула на предводительницу Желтоногих. Та двигалась уверенно и горделиво, ничем не отличаясь от древних ведьм. Однако Манона ни на мгновение не снимала руки с эфеса своего меча. У него было имя – Рассекатель Ветра.

Крики, хлопанье крыльев и лязг металла были здесь несравненно громче.

Один из пятерых обвел рукой многочисленные коридоры, расходившиеся во все стороны:

– Здесь мы их выводим, растим и учим, пока не окрепнут и не научатся перелетать на

Омагу. Ярус, где они вылупляются из яиц, расположен ниже, прямо под кузницей, где мы куем оружие. Тепло печей нагревает камни, и яйца чувствуют себя не хуже, чем под брюхом драконьей самки. Ярусом выше находятся стойла. Каждый вид содержим отдельно. Самцы тоже отделены от самок. Их сводят только для спаривания. Крупных самцов держим каждого в своем стойле, иначе они убьют всех, кто рядом. Мы узнали об этом не сразу, и это знание дорого нам обошлось.

Человек усмехнулся. Ведьмы слушали молча.

Человек стал объяснять различия пород. Драконы-самцы считались лучшими по своим боевым качествам, хотя попадались самки, не уступавшие им в свирепости и превосходившие сообразительностью. Те породы, что поменьше, хороши для внезапного нападения. Есть порода черных драконов, выведенная для ночных атак. Светло-голубые драконы хорошо подходят для разведывательных полетов днем. Вообще же, цвет драконьей шкуры не очень важен. Их основная задача – внушать ужас врагам.

Провожатый повел их дальше. Коридор окончился широкой лестницей, ступени которой были вырублены в камне. Здесь удушающе пахло кровью и испражнениями. Крики, царапанье когтей, удары крыльев и хвостов – целый водопад звуков заглушал пояснения вожатого. Но Манона помнила свою главную задачу, держа в поле зрения бабушку и тех, кто был вокруг нее. Точно так же Астерина, шедшая следом, прикрывала ее спину.

Лестница окончилась, и все оказались на громадной смотровой площадке. Вокруг простиралась гигантская пещера естественного происхождения. Один ее конец выходил прямо на горный склон, другой сужался и был перегороден толстой железной решеткой. Можно сказать, настоящими воротами.

– Я привел вас в загон, где мы их обучаем. Таких загонов у нас несколько. Прирожденные убийцы видны сразу, но должен вам сказать, в загонах почти все они показывают характер. Стоит их только выпустить. Вы... дамы, – говоривший почему-то не решился сказать «ведьмы», – и глазом моргнуть не успеете.

– А когда мы сможем выбрать себе... небесных коней? – спросила Мать Черноклювых, буравя взглядом провожатого.

– У нас есть особая порода смирных драконов. На них вы освоите особенности полета.

Искара зарычала. Манона и сама была бы не прочь зарычать, поскольку в словах человека они почуяли плохо скрываемое оскорбление.

– Верховой езде не учатся в седле боевого коня, – сказала предводительница Синекровных.

Провожатый посмотрел на нее с благодарностью и заметным облегчением.

– Когда вы освоитесь с полетами...

– Да мы родились на крыльях ветра! – послышалось сзади.

Скорее всего, кто-то из Желтоногих. Манона не оборачивалась. Она молчала. Ее командиры тоже. Послушание. Дисциплина. Беспощадность. Черноклювые не опускаются до хвастовства.

Провожатому было неуютно. Он поглядывал на Кресседу, считая ее менее опасной из всех. Даже звезды с шипами на ее лбу его не отпугивали. Идиот! Что он знает о кланах Железзубых? Маноне иногда казалось, что Синекровные – коварнее и опаснее всех.

– Как только вы будете готовы, мы займемся подбором, – пообещал провожатый. – Тогда вы усядетесь на драконов и начнете учиться на них летать.

Манона все же решила на минуту оторвать взгляд от бабушки и рассмотреть загон. В

противоположную стену были вделаны тяжеленные цепи. Пол в том месте потемнел от запекшейся крови. Может, какой-то дракон, чуя близкую свободу, пытался вырваться и взмыть в небеса? Средняя часть стены покрывала гигантская паутина трещин. Это с какой же силой надо биться о стену, чтобы она вот так растрескалась?

– А для чего здесь цепи? – вырвалось у Маноны.

Бабушка предостерегающе посмотрела на нее, но Манона даже не заметила. Ее внимание было направлено на провожатого. Естественно, он смотрел на нее во все глаза, пораженный красотой. Потом блеск в его глазах угас. Наверное, почувал притаившуюся смерть.

– Цепи нужны для драконов-приманок. На приманках боевые драконы учатся сражаться. Учатся превращать свою ярость и гнев в оружие. Нам приказано не убивать никого из выводка. Даже слабых или родившихся увечными. Вот мы и нашли им... достойное применение.

Совсем как на собачьих боях. Манона опять посмотрела на следы крови и трещину в стене. Никто здесь не рвался на свободу. Скорее всего, крупный и здоровый дракон шмякнул о стену своего хилого сородича. Если драконы способны так расправляться с себе подобными, людей они будут давить, как червяков... Ее грудь напряглась от предвкушения.

– Хотите увидеть самца?

Кресседа элегантно взмахнула железными ногтями, выражая общее согласие. Провожатый пронзительно свистнул. Лязгнули цепи, зашипел хлыст. Железные ворота скрипнули и поползли вверх. В загоне появился дракон. Его сопровождало несколько человек с плетками и пиками.

Ведьмы шумно вздохнули. Манона тоже не удержалась от вздоха.

– Это Татус, – с нескрываемой гордостью сказал провожатый. – Из лучших.

Маноне было не отвести глаз от величественного зверя. Массивное туловище в серых пятнах, чешуйчатая спина, тяжелые задние лапы с когтями не короче ее руки. Его крылья были широкими, как паруса, и тоже имели по когтю, что позволяло использовать их в качестве дополнительных конечностей.

Треугольная голова дракона поворачивалась во все стороны. Из пасти капала слюна. Внутри желтели кривые зубы.

– Обратите внимание: его хвост оканчивается ядовитыми шипами.

Дракон неторопливо двигался к середине загона, рыча на тех, кто его вел. Его рычание передавалось Маноне не только через уши, но и через камень, проникая в тело и добираясь до самого сердца.

На правой задней лапе была цепь, не дававшая дракону вырваться из пещеры. Хвост, почти равный длине тела, был увенчан двумя искривленными шипами и двигался из стороны в сторону, как у рассерженного кота.

– Такие драконы способны пролететь несколько сот миль и сразу же, без передышки, вступить в сражение.

Ведьмы шумно выдохнули. Это звучало как сказка. Немыслимая скорость и выносливость...

– А что они едят? – спросила Петара, веснушчатое лицо которой по-прежнему оставалось предельно серьезным.

– Они едят все. – Провожатый почесал затекшую шею. – Но только свежее.

– Как и мы, – с усмешкой подхватила Искара.

Ведьмы заулыбались. Скажи это кто-то другой, Манона, быть может, тоже улыбнулась бы. Еще через мгновение им стало не до улыбок.

Вдруг Татус бросился на ближайшего человека; выставленные пики переломил взмахом своего великолепного хвоста. Щелкнула плетка, но было слишком поздно.

Раздался истошный крик, хрустнули кости... Откушенная человеческая голова запрыгала по щербатым камням, в разные стороны полетели оторванные ноги. Туловище и руки мгновенно исчезли в пасти дракона. Воздух наполнился запахом крови. Все Железзубые ведьмы шумно и глубоко вздохнули. Провожатый предусмотрительно отошел.

Подняв голову, дракон теперь смотрел на них. Его хвост все так же бил по полу.

Магия исчезла, но и без нее люди адарланского короля сумели вывести этих удивительных зверей. Магия исчезла, однако Манона вдруг ощутила то же ликование, какое охватывало ее перед каждым полетом. Знакомое чувство уверенности. Сама судьба привела ее в эту пещеру. Она будет летать только на Татусе или вообще ни на ком.

Ей не нужна покорная крылатая лошадка. Только Татус – такой же свирепый, как она сама. Дракон, чья чернота перекликается с ее собственной. Когда ее глаза встретились с бездонными глазами Татуса, она улыбнулась дракону.

Манона была готова поклясться, что он ответил ей улыбкой.

Вдруг смолкли все звуки поблизости. Эмрис перестал мурлыкать песенку. Его руки застыли, прекратив месить тесто. Лока перестал стучать ножом и даже закрыл неумолчно болтавший рот. Только сейчас, во внезапно наступившей тишине, Селена почувствовала, до чего же она устала.

Она и так, не поворачивая головы к лестнице, знала причину этой тишины. Руки Селены сделались лилово-красного цвета. У нее болели пальцы, ломило шею и спину, но... В проеме лестницы, скрестив руки, стоял Рован. В его безжизненных глазах не было ничего, кроме жестокости.

– Пошли.

При всей его внешней холодности Селена отчетливо улавливала раздражение фэйца. Ровану хотелось застать ее хнычущей в углу, оплакивающей свои ногти. Когда она уходила, Лока провел пальцем по шее и подмигнул. Должно быть, здесь этот жест считался пожеланием удачи.

Рован провел ее через внутренний дворик. Караульные старательно делали вид, что не следят за каждым их шагом. Сразу за стеной начинался лес. И снова магия каменных стражей впилась Селене в кожу. Сила мегалитов отзывалась тошнотой в животе. После жаркой кухни прохлада леса была даже приятной. Но чем дальше они уходили, пробираясь между замшелых деревьев, тем холоднее становилось Селене. Впрочем, она этого почти не замечала.

Рован вел ее вверх по каменистому уступу. Здесь туман еще не успел рассеяться. Селена ненадолго остановилась, чтобы полюбоваться холмами и равнинами, лежащими внизу. Сочная зелень, растущая на земле, далекой от ужасов Адарлана. Рован, как всегда, шел молча, не считая нужным объяснять, куда привел Селену. Место, где они очутились, было похоже на развалины древнего храма.

Несколько каменных плит. Несколько уцелевших колонн. Дожди и ветры давно стерли с них каменную резьбу. По левую руку лежали холмы и равнины Вендалины, где все дышало покоем. Справа высилась стена Камбрианских гор, за которыми скрывались земли бессмертных. Оглянувшись назад, далеко внизу Селена увидела крепость – каменную полосу в кольце зелени.

Рован шагал через щербатые камни. Его серебристые волосы развевались на влажном ветру. Селена шла следом. Руки, которые она держала по швам, ощущали непривычную пустоту. Селена уже и не помнила, когда ходила без оружия. Зато Рован был вооружен до зубов. Даже здесь, где ему ничто не угрожало, его лицо сохраняло обычную жесткость.

Селена заставила себя слегка улыбнуться и изобразить примерную ученицу:

– Ну что ж, начинай свои му... учения.

Рован оглядел ее с ног до головы. Зрелище не впечатляло. Мокрая от тумана рубашка, такие же мокрые, давно не стиранные штаны. Мурашки на коже, и ноги, по привычке занявшие боевую стойку...

– Убери свою угодливую улыбку.

Голос Рована был таким же безжизненным, как его глаза, но Селене показалось, что ей полоснули бритвой по коже.

Улыбка, конечно же, была фальшивой, но Селена и не подумала сменить выражение

лица.

– Я не понимаю, о чем ты говоришь.

Рован подошел ближе. Приоткрыл рот, обнажая клыки:

– Первый урок, который тебе надлежит усвоить. Забудь о своих остреньких словечках и ухмылочках. Со мной такие штучки не проходят. И мне ровным счетом наплевать, что внутри у тебя все кипит от злобы и бешенства.

– Сомневаюсь, чтобы тебе захотелось увидеть, как мои злоба и бешенство выплеснутся наружу.

– Что ж, принцесса, валяй, показывай весь арсенал своих мерзостей. Только учти: я в десять раз мерзостнее тебя, и мой опыт по части мерзостей несравнимо превосходит твой.

Селена сдержала первый порыв. Рован не представлял, что за сила таилась у нее внутри, словно когтями впиваясь в кишки. Улыбаться, однако, она перестала.

– Уже лучше. А теперь – меняй облик. Превращайся.

– Такие вещи у меня не получаются по желанию, – сердито ответила Селена.

– Если бы мне понадобились твои объяснения, я бы так и сказал. *Превращайся.*

Селена и вправду не знала, как это делается. В детстве ее этому не учили, а потом жизнь круто изменилась и она делала все, чтобы забыть о подобных вещах.

– Надеюсь, ты захватил с собой перекусить? Если мне непременно нужно превращаться, мы проторчим здесь еще очень долго.

– Смотрю, ты добиваешься, чтобы уроки с тобой стали для меня развлечением, – бросил ей Рован.

Он вполне мог бы сказать не «уроки с тобой», а «поедание тебя живьем».

– Я уже достаточно побыл в шкуре учителя и насмотрелся на разных учеников. Может, не будем тратить время на глупости? Прибереги их для смертных.

Рован притушил улыбку, отчего та стала еще коварнее и опаснее.

– А теперь закрой свой остроумный ротик и превращайся.

Селена содрогнулась всем телом. Это было как удар молнии, достигшей бездны.

– Нет.

И тогда Рован ее атаковал.

Селена все утро раздумывала над особенностями его ударов. Вспоминала, как он двигался, быстроту, углы атаки. От первого удара она сумела увернуться, стремительно сдвинувшись в сторону.

Предвидя второй удар, Селена метнулась в противоположную сторону. Но Рован был дьявольски быстр. Настолько быстр, что она не успела ни увернуться, ни отразить второй удар. Третий, как и вчера, он нанес не по лицу, а по ногам.

Казалось, Рован слегка шевельнул ногой, и вот уже Селена падала. Она попыталась сжаться в комок, но это не уберегло ее лоб от соприкосновения с камнем, сглаженным временем и стихией. Селена покатила по камням, видя перед собой то серое небо, то серую каменную толщу. Что-то мешало ей дышать. Эхо удара и сейчас отзывалось у нее внутри головы. Но Рован на этом не успокоился. Склонившись над ней, он прижал Селену к камням. Сильные, мускулистые бедра больно упирались ей в ребра. Никак он не выдержал и собрался ее задушить? Она и так почти не дышала. Голова отчаянно кружилась. После работы на кухне у нее не осталось сил. Да и откуда взяться силам после стольких недель жизни впроголодь? Селене было не напрячься и не сбросить Рована с себя. Она не могла даже пошевелиться. Противник превосходил ее весом и силой. Впервые в жизни она

почувствовала: ее переиграли по всем статьям.

– Превращайся, – потребовал Рован.

Селена ответила смехом. Хриплым, прерывистым, звучащим жутко даже для ее ушей.

– Что, не ожидал?

Боги, голова у нее просто раскалывалась. С рассеченного лба ползла струйка крови. Рован теперь восседал у нее прямо на груди. Селена снова засмеялась. Разумеется, сдавленно.

– Думал, разозлишь меня и я послушенько превращусь?

Рован что-то прорычал. Его лицо Селене было видно сквозь хоровод звезд перед глазами. Даже простое моргание вызывало боль. Таких синяков она еще не получала.

– Мне тут пришла мысль, – невозмогая боль в голове, сказала Селена. – Я ведь жутко богата. Давай мы недельку поиграем в обучение, а потом ты скажешь Маэве, что я готова и могу входить в ее мир. За это я отвалю тебе столько золота, сколько пожелаешь.

Клыки Рована были возле самой ее шеи. Казалось, еще мгновение, и они вопьются ей в горло.

– Мне тоже пришла мысль, – прорычал Рован. – Не знаю, на что еще ты ухлопала эти десять лет, кроме дрянной игры в ассасина. Но расхлябанность сделала свое черное дело. Ты совершенно не умеешь управлять собой. Ни самообладания, ни дисциплины. Я говорю не о поверхностной, а о глубинной дисциплине. Ты как была, так и осталась ребенком. Капризным, избалованным ребенком. А еще... – зеленые глаза Рована были полны откровенного презрения, – ты трусиха.

Будь ее руки свободны, она бы расцарапала ему физиономию. Селена извивалась, пробуя все известные ей способы высвобождения из хватки противника. С таким же успехом она могла бы пытаться сдвинуть каменную глыбу.

– Что, не нравится это словечко? – спросил Рован, отвратительно посмеиваясь.

Он наклонился ниже, и теперь глаза Селены, в которых еще мелькали цветные полосы, видели только его татуировку.

– Трусиха, – повторил он. – Трусиха, которая десять лет пряталась под маской ассасина, а невинных людей тем временем сжигали, рубили им головы и...

Селена больше не слышала его слов.

Все вокруг и внутри ее остановилось.

Это ощущение было не с чем сравнить. Может, с погруженностью под воду. Или с мгновением, когда она вбежала в спальню Нехемии и увидела изуродованное тело. Или с другим мгновением, когда принц Галан Ашерир – храбрый, любимый народом – ехал в лучах закатного солнца, сопровождаемый приветственными криками.

Она лежала и смотрела на небо, на которое напозлали облака. Вроде бы Рован говорил что-то еще, но она не слышала. Она ждала его удара и почему-то была уверена, что не почувствует боли.

– Поднимайся, – вдруг сказал Рован и встал сам.

Мир снова стал ярким и просторным.

– Поднимайся.

Те же слова однажды сказал ей Шаол. Тогда ее боль, горе и страх казались непреодолимыми. Но она их осилила: в ночь гибели Нехемии, в ночь расправы с Аркером и в день, когда рассказала Шаолу страшную правду... Шаол толкнул ее в эту пропасть. Она и сейчас продолжала падать. Подняться невозможно, поскольку у пропасти не было дна.

Грубые сильные руки подхватили ее. Окружающий мир качнулся вбок, завертелся. Перед глазами опять мелькнуло оскаленное лицо Рована и его жуткая татуировка. Чего он медлит? Свернул бы ей шею, и дело с концом.

– Жалкое зрелище, – поморщился он, сплевывая на землю. – Жалкое зрелище бесхребетной девчонки.

Она должна попытаться. Ради Нехемии. Она должна попытаться...

Но когда она достигла того места внутри себя, где обитало чудовище, там обнаружили лишь пепел и паутина.

* * *

Головокружение так и не проходило. Селена не стерла кровь с разбитого лба, и теперь она запеклась. Рана сильно чесалась. Селену не волновало, как она выглядит. Чувствовалось, что и синяк успел разрастись, пока они шли от развалин храма к лесистым холмам. Но Рован и не думал возвращаться в крепость.

Селену уже шатало, когда Рован выхватил меч, затем достал из ножен кинжал и остановился на краю травянистой равнины, усеянной невысокими холмами. Присмотревшись, она увидела, что это вовсе не холмы, а курганы – десятки древних могил правителей и полководцев. Вся равнина была занята ими. Каждый курган имел каменный порог и запечатанную железную дверь. Головная боль и усталость туманили Селене зрение, но она все же увидела нечто такое, отчего у нее волосы встали дыбом.

Ей показалось, что покрытые травой курганы... дышат. Спят. Курганы были не только местом упокоения. Там обитали сущности из иного мира, для которых железные двери не составляли преграды. Мертвые их не интересовали. Сущности терпеливо ожидали незадачливых дурней, надеявшихся найти в курганах золото. Каждый осквернитель могил становился пищей тех, о ком он даже не слышал или считал рассказы досужими вымыслами.

Рован кивком указал на курганы:

– Я собирался подождать, пока ты немного научишься управлять своей силой. Думал привести тебя сюда ночью. Здешние сущности – любопытное явление. Можешь считать это... поощрением. Немногие отваживаются приходить сюда днем. Твоя задача – пройти среди курганов, выдержать столкновение с сущностями и достичь противоположного края равнины. Сумеешь – и мы отправимся в Доранеллу, когда пожелаешь. Всего одна задача, Аэлина.

Селена прекрасно понимала: это ловушка. У Рована в запасе была целая вечность. Он мог столетиями играть в игры. Ее нетерпение, ее смертная природа, когда каждый удар сердца приближал к концу пути – все это Рован обратил против нее. Выдержать столкновение с сущностями...

Меч и кинжал Рована были совсем рядом. Протяни руку – и схватишь. Селена молчала. Фэец равнодушно пожал широкими плечами:

– Либо жди, пока не заработаешь право вернуть себе оружие, либо иди с пустыми руками.

Селена мигом забыла свои обещания больше не попадаться на крючок. Вспышка злости оказалась сильнее.

– Мои руки – достаточное оружие, – бросила она.

Рован издевательски усмехнулся и шагнул в лабиринт курганов.

Селена старалась не отставать, иначе ей придется самой выбираться отсюда.

За железными дверями слышалось ровное дыхание и зевки просыпающихся существ. Сами двери были простыми, прилаженными к каменным косякам. Их петли и гвозди выглядели настолько древними, что казались старше Вендалина.

Под ногами Рована негромко похрустывала трава. Здесь даже птицы и насекомые старались петь и жужжать потише. Вскоре курганы расступились, и Селена увидела круг сухой, мертвой травы. В центре находился самый ветхий из всех здешних курганов. Если остальные имели закругленную форму, этот был плоским, будто еще в древности на него наступил кто-то из богов. Плоская вершина поросла кустами, чьи скрюченные, узловатые корни выпирали наружу. Три массивных камня – порог кургана – были расколоты, покрыты пятнами и сдвинуты с мест. Железной двери вообще не было.

Внутри проема обитала темнота. Дышащая, не имеющая возраста.

У Селены заколотилось сердце и зашумело в ушах. Темнота тянулась к ней.

– Я оставляю тебя здесь. – Рован замер у самой кромки мертвой травы и хищно улыбнулся. – Буду ждать на другом краю равнины.

Он думал, что она со всех ног побежит отсюда, словно испуганный заяц. Проклятый курган находился всего в какой-то сотне ярдов. Селене действительно хотелось дернуть отсюда и бежать, бежать без остановки, пока она не найдет место, где солнце светит целые сутки. Но если она решит задачу, то уже завтра сможет отправиться в Доранеллу. Что же касается существ... разве она не сталкивалась и не сражалась с ними в Адарлане? Существ хватало и вокруг нее, и внутри.

Тряхнув головой, Селена пошла по мертвой траве.

На каждом шагу кровь яростно бурлила в жилах. Тьма за древними камнями сгущалась. Она не была неподвижной. Тьма клубилась. Заметно похолодало. Воздух сделался суше.

Селена решила не останавливаться. Рован наверняка следил за нею. Нечего давать ему лишний повод позлословить. Смотреть в зияющий проем (кто бы ни скрывался в темноте) она тоже не решалась. Остатки дурацкой гордости смертных, что еще сохранялись в характере Селены, не позволяли ей пересечь опасный участок бегом. Бег лишь привлекает внимание хищников. Селена заставляла себя идти медленно, вспоминая все приемы рукопашного боя, которым ее учили. Сущность, обитающая в кургане, может выглядеть как голодный призрак в лохмотьях, но голодные призраки тоже бывают опасными.

Сущность не торопилась вылезать за порог, а ведь Селена была совсем близко. Желанная добыча, которую оставалось лишь затащить в темноту. Но сущность почему-то мешкала.

Селена уже проходила мимо ветхого кургана, когда в уши ей ударила воздушная волна; потянуло затхлостью. Может, она напрасно не побежала? Но если единственным оружием против здешних сущностей была магия, ее руки бесполезны. Меж тем осторожная сущность не вылезала из кургана.

И вновь Селене ударила в уши волна странного, мертвого воздуха. В ее больной, кружащейся голове зазвенело. Селена прибавила шаг. Ломкая трава хрустела под ногами. Селена старалась быть предельно внимательной, чтобы нападение сущности, если таковое случится, не застало ее врасплох. На другом конце равнины туманный ветерок слегка раскачивал кроны деревьев. Ей осталось идти не так уж далеко.

Селена миновала ветхий курган. Она сжимала зубы. Противный звон переместился в уши и с каждым шагом становился сильнее. Даже сущность убралась в темноту проема. Значит, источником звона был кто-то еще. Или что-то.

До конца пятна сухой травы оставалось несколько шагов. Совсем не много. Пройти их, а потом можно и побежать, удаляясь от невидимой опасности, испугавшей даже сущность.

Шагнув еще пару раз, Селена увидела за курганом человека.

Нет, не сущность, похожую на человека. Видение длилось совсем недолго, однако Селена успела разглядеть бледную кожу, черные волосы, невероятно красивое лицо и ожерелье из оникса, плотно обхватывающее сильную шею. А потом...

Чернота. Волна черноты, хлынувшая к ней.

Это не было забытьем, куда проваливаются, потеряв сознание. Это была темнота, словно на них набросили плотное покрывало.

Под ногами все так же хрустела трава, но Селена ее не видела. Она вообще ничего не видела ни впереди, ни сзади, ни по бокам. Только она и клубящаяся тьма.

Селена опустилась на корточки, бормоча проклятия и разглядывая темноту. Она вспомнила странного человека. Нет, он только имел человеческий облик, но не был смертным из плоти и крови. В его совершенном лице и бездонных глазах не было ничего человеческого.

По ее верхней губе потекла струйка крови. Это из носа. Звон в ушах подавлял мысли, мешая думать. Кому-то потребовалось, чтобы она перестала думать. Тьма не рассеивалась. Непроницаемая тьма.

«Остановись, – приказала себе Селена. – Дыши».

У нее за спиной тоже дышали. Кто? Существо, похожее на человека, или кто-то еще?

Чужое дыхание приближалось к ней, становясь громче. Нос, губы и щеки Селены ощутили прикосновение холодного воздуха. Бежать, бежать отсюда. Это разумнее, чем просто ждать. Селена сделала несколько шагов, которые должны были бы вывести ее из круга сухой травы. И...

Ничего. Только бесконечная темнота и все то же чужое дыхание, успевшее приблизиться. Ноздри Селены улавливали запах пыли, мертвечины и еще один. Его Селена вдыхала всего однажды, но не забыла. Такой запах было невозможно забыть. Он пропитал всю комнату, как пропитывает запах свежей краски.

Боги милосердные! Чужое дыхание касалось ее шеи и вползало в ушную раковину.

Селена резко обернулась, втянув в себя воздух. Возможно, это будет ее последний вдох. Появился свет, но не было ни облаков над головой, ни мертвой травы под ногами. И фэйского принца, ждущего поблизости, тоже не было. Комната...

Та комната...

Пронзительно кричала служанка. Под зашторенными окнами блестели лужи. Странно. Селена перед сном сама плотно закрыла окна, когда налетела буря и створки начали громко хлопать.

Она подумала, что и кровать тоже мокрая из-за дождя. Поплотнее укуталась одеялом, поскольку буря нашептывала ей страшные слова и порождала странные ощущения, которых на самом деле никак не могло быть. Например, будто в углу ее комнаты кто-то прячется. И что вовсе не дождь сделал мокрой кровать в элегантно обставленной спальне загородного дома.

И то, что высохло на ней, на руках, лице и ночной рубашке, не было дождевой водой. А запах... пахло не только кровью, но чем-то еще...

– Это не настоящее, – произнесла вслух Селена, отходя от кровати, возле которой она только что стояла, как призрак. – Это не настоящее.

Но родители, лежавшие на кровати, были настоящими. Ее родители, только у обоих было перерезано горло.

Ее отец, широкоплечий, красивый, лежал неподвижно. Его кожа успела посереть.

Рядом – ее мать, чьи золотистые волосы были забрызганы кровью, а лицо... лицо матери...

Их убили, как скот. Зарезали, как баранов. Раны были грубыми, глубокими. Ее родители выглядели настолько... настолько...

Селену вытошнило. Она повалилась на колени, почувствовав, как сам собой опорожняется мочевого пузырь. Потом ее вытошнило еще раз.

– Это не настоящее, – твердила она. – Не настоящее.

Ее штаны стали теплыми и очень мокрыми. Она не могла дышать, не могла дышать, не могла...

Потом она все-таки вскочила на ноги и рванулась прочь из комнаты. Перед ней оказался длинный коридор со стенами, обшитыми деревом. Словно демон, она неслась вперед, пока...

Пока не очутилась в другой спальне, где лежало другое тело.

Нехемия. Зверски убитая и не менее зверски распотрошенная.

Какое-то существо за спиной Селены протянуло руку, нежно обняло ее за талию и попыталось оттащить от кровати. Селену обожгло страхом. Она ударила не глядя, локтем. То,

по чему она била, имело плоть и кровь. Послышалось шипение. Рука исчезла. И тогда Селена бросилась бежать, оставляя позади иллюзорную спальню с иллюзорно убитой Нехемией, иллюзорной кровью и кишками...

Над головой светило неяркое солнце. Поблизости сидел основательно вооруженный воин с серебристыми волосами. Селена бросилась к нему, не думая об испачканной одежде. Она бежала и пронзительно кричала, а добежав, повалилась в зеленую траву. Она ухватилась за стебли, и тело вновь сотрясли рвотные позывы. Но желудок уже исторг все, что в нем было, и смог вытолкнуть лишь струйку желчи. Она кричала, плакала... или вообще не издавала никаких звуков.

А потом она почувствовала превращение. Прилив. Чуть ниже живота открылся колодец и стремительно стал заполняться обжигающим, безжалостным огнем.

Нет! Нет!

На нее накатывали волны боли. Зрение становилось то предельно ясным, то мутнело, возвращаясь к зрению смертных. У нее болели зубы, потому что клыки то удлинялись, то сокращались. Это напоминало чередование прилива и отлива. Маятник, качающийся между бессмертным и смертным телом. Он раскачивался быстрее, еще быстрее.

А колодец внутри становился все глубже. Неукротимый огонь вспыхивал и гас, стремясь подняться все выше и выше...

Селена кричала от нестерпимой боли. Ей казалось, что у нее обожжено горло. А вдруг это не горло? Тогда что? Магическая сила, наконец-то вырвавшаяся на свободу?

Магическая сила...

* * *

Очнувшись, Селена увидела, что лежит в лесу. По-прежнему светило солнце. Одежда и сапоги были в земле. Похоже, Рован приволок ее сюда с равнины курганов.

Ее одежда была запачкана не только землей. Судя по запаху, желудок вытолкнул все, что она съела за завтраком. И еще она... обмочилась, как малый ребенок. У Селены вспыхнуло лицо. Усилием воли она запихнула поглубже все мысли о причинах случившегося. Мысли о магии она затолкала еще глубже.

– Никакой дисциплины, никакого умения владеть собой, – слышался знакомый сердитый голос. – Я уже не говорю об отсутствии смелости.

Повернув отчаянно болевшую голову, Селена увидела Рована. Фэец расположился на камне, обхватив мускулистыми руками колени. В одной руке покачивался кинжал. Похоже, Рован уже давно сидел и скучал, пока она валялась в собственной блевотине и моче.

– Урок ты провалила, – равнодушным тоном объявил Рован. – До конца равнины ты добралась. Но столкновения с сущностями не выдержала. Хуже того, устроила магическую истерику.

– Я тебя убью, – хрипло проговорила Селена. – Как ты смел...

– Принцесса, я тут ни при чем. Заманивший тебя не был сущностью из кургана.

Рован смотрел не на нее, а на деревья у нее за спиной. До Селены вдруг дошло: все это было подстроено. Как удобно! Она не выполнила условий, и Ровану не надо вести ее в Доранеллу.

Их глаза встретились, и ей показалось, что она прочла в глазах Рована: «Это существо

нам все спутало. Сам не знаю, как оно туда попало».

«Тогда чем я виновата, придурок? И кто это был?»

Рован стиснул зубы, потом сказал вслух:

– Не знаю. Одно время здесь шастали оборотни. Неделями бродили по холмам в поисках человеческой шкуры. Но этот... не похож он на оборотней. С таким существом я еще не сталкивался ни в здешних местах, ни в других. И вряд ли столкнусь, потому что я его спугнул.

Рован оглядел ее зловонную одежду, имевшую весьма жалкий вид.

– Когда я вернулся за тобой, это существо исчезло. Что вообще произошло? Я видел только сгусток темноты, а когда ты оттуда вышла... ты стала другой.

Селена оглядела себя. Ее кожа побелела. Весь загар, приобретенный на крышах Варэса, пропал за считанные минуты.

– Ничего я тебе не скажу, – буркнула Селена. – Иди и сам лови.

– От этого может зависеть жизнь других людей.

– Я хочу вернуться в крепость.

Селене не хотелось думать ни о каких сущностях, оборотнях или еще о чем-то. Каждое слово давалось ей с усилием.

– Идем обратно.

– Пойдешь тогда, когда я решу, что на сегодня хватит.

– Можешь меня убивать, терзать или сбросить со скалы. Но с меня на сегодня действительно хватит. А в темноте я видела то, чего лучше не видеть. Это существо проволочло меня по моим воспоминаниям, причем не самым приятным. Тебе достаточно?

Рован шумно сплюнул, однако встал и пошел. Селена, кряхтя, тоже встала. Ноги плохо ее держали, но она все-таки потащилась следом. Так они шли до самой крепости. Ей удалось пройти так, что ни караульные, ни обитатели крепости не увидели ее позорно испачканной одежды. Но лицо ей было не спрятать.

Они вошли в коридор. Здесь Селена еще не бывала. Рован открыл тяжелую дубовую дверь, и оттуда повалил пар.

– Это женские бани. Твоя комната этажом выше. Завтра с самого утра – на кухню.

Селена ввалилась внутрь. Ей было все равно, есть здесь кто-то или нет. Сбросив с себя ненавистную одежду, она погрузилась в каменную купальню и очень долго лежала там, не шевелясь.

Отец появился на двадцать минут позже. Шаола это не удивило. Не удивило его и поведение отца. Войдя, тот молча уселся на стул возле письменного стола, не посчитав нужным объяснять причины своего опоздания. Зато с нарочитой холодностью, морща нос, разглядывал кабинет сына: комнатку без окна, вытертый ковер на полу и открытый оружейный сундук. У Шаола никак не доходили руки вычистить и отдать в ремонт сложенное там оружие.

По крайней мере, в остальном у Шаола был порядок. Стол не захламлен, стеклянные перья не валяются где попало. Доспехи, в которые Шаол облачался крайне редко, поблескивают в углу на манекене.

– Неужели наш блистательный король смог выделить капитану гвардии лишь эту каморку?

Шаол пожал плечами. Отец внимательно разглядывал массивный дубовый стол. Стол достался Шаолу от предшественника. На этом столе они с Селеной...

Такие воспоминания будоражили кровь, и потому Шаол усилием воли отогнал их, заставив себя улыбнуться отцу:

– Мне предлагали просторный кабинет в стеклянной части замка, но я решил остаться в этом. Поближе к своим гвардейцам.

Шаол говорил правду. Он считал, что командир всегда должен быть досягаем для своих подчиненных. К тому же ему не хотелось постоянно сталкиваться в коридорах стеклянной части с придворными и советниками.

– Что ж, мудрое решение, – похвалил отец, откинувшись на спинку старого скрипучего стула. – Чутье командира.

– Я же дал согласие на возвращение в Аньель. К чему эта лесть? – удивился Шаол.

– Согласие-то ты дал, но что-то я не вижу, чтобы ты начал готовиться к этому так называемому возвращению. Ты даже не ищешь себе замену.

– Я знаю, вы невысокого мнения о моей должности. Но я отношусь к ней серьезно и не хочу, чтобы командиром королевских гвардейцев оказался случайный человек.

– Между прочим, ты еще и не сообщил его величеству о своем желании выйти в отставку.

Отец улыбался обычной учтивой улыбкой вышколенного придворного. Но сколько язвительности в ней было!

– Когда я спрашивал у короля позволения уехать на следующей неделе, он и словом не обмолвился о твоём отъезде. Я тоже смолчал, чтобы не позорить тебя, сынок.

– Я не могу уехать, пока не найду себе достойную замену. – Шаолу пока удавалось сохранять бесстрастное выражение лица. – Потому я попросил вас о встрече. Мне нужно время.

Сказанное было правдой лишь отчасти.

Верный своему слову, Шаол решил разыскать Эдиона и серьезно поговорить с генералом. Для своей новой вечеринки генерал избрал более вместительную и дорогую таверну. Она тоже была полным-полна гостей. И опять никто толком не знал, где генерал. Почему-то все думали, что он «где-то здесь». Шаол нашел куртизанку, с которой Эдион удалился вчера. Та рассказала, что генерал вел себя как-то странно. Дал ей золотую монету,

но от ее услуг отказался, заявив, что ему «некогда». Потом оставил ее на углу и сказал, что пойдет поищет игристого вина. И исчез.

Сам не зная зачем, Шаол отправился на тот угол, осмотрел окрестные дома и, конечно же, не нашел никаких следов генерала. И не странно ли, что никто не знал, когда именно Беспощадные придут в столицу и где будут расквартированы? Все, кого он спрашивал, повторяли, как попугай: «Легион на подходе». Днем Шаол был слишком занят, чтобы выслеживать Эдиона. А на собраниях у короля и обедах в узком кругу с генералом не поговоришь. Но сегодня Шаол решил отправиться на очередную генеральскую вечеринку пораньше и посмотреть, появится ли там Эдион. Если появится – проследить, куда потом скроется. Чем раньше он найдет средство повлиять на генерала, тем лучше. Главное – поменьше мозолить глаза королю. Потом уже можно думать об отставке.

Шаол не стал бы просить отца о встрече, если бы не одна шальная мысль, разбудившая его среди ночи. Мысль была не только шальной, но и опасной. Если взяться за ее осуществление, он может погибнуть раньше, чем успеет сделать хоть что-то. Он перевернул все книги по магии, найденные Селеной, но так и не обнаружил подсказки, каким образом магия могла бы помочь Дорину и Селене.

Кружок мятежников, возглавляемый Аркером и Нехемией, утверждал, что, во-первых, им известно местонахождение Аэлины Галатинии, а во-вторых – они знают способ лишить адарланского короля его таинственной власти над континентом. Об этом ему рассказала Селена. Первому утверждению Шаол не поверил. Обычное вранье, чтобы придать себе значимости. Что же касается второго утверждения... Если существовала хотя бы ничтожная возможность вернуть магию на континент, он должен это выяснить. Шаол просмотрел все заметки Селены о тайных укрытиях мятежников и потому знал, где искать этих людей. Возможно, странные исчезновения Эдиона тоже как-то связаны с мятежниками. Дело, которым собирался заняться Шаол, требовало осторожности и, конечно же, времени. Оттого он и попросил отца о встрече. Ему нужно было выговорить себе как можно больше времени.

Отец перестал улыбаться. Теперь перед Шаолом сидел жесткий, многоопытный правитель Аньеля.

– Говорят, ты считаешь себя человеком чести. Не берусь судить, каким ты стал за эти годы. Но если ты не наплеватьски относишься к своим обещаниям...

Отец намеренно сделал паузу и стал покусывать нижнюю губу. Шаол тоже молчал.

– Интересно бы знать, что в действительности двигало твоим решением отправить свою женщину в Вендалин.

Шаол едва не вздрогнул. Видно, отцу очень нужно, чтобы он сорвался.

– У благородного капитана Эстфола могла быть только одна причина для ее отправки туда: устранение руками королевской защитницы заморских врагов его величества. Но ты оказался вероломным лгуном...

– Я не нарушал обещания, данного вам, – сказал Шаол, тщательно выговаривая каждое слово. – Я действительно намерен вернуться в Аньель. Готов принести клятву в любом храме, перед любым богом. Но туда я отправлюсь не раньше, чем найду себе замену.

– Помнится, ты утверждал, что тебе хватит месяца, – сердито напомнил ему отец.

– Я же возвращаюсь насовсем. До конца моей ничтожной жизни. Неужели вам так важен месяц-другой?

Отцовские ноздри раздулись. В самом деле, почему отец так настаивает на его скором возвращении? Шаол уже собирался задать ему этот вопрос, когда Эстфол-старший извлек из

камзола конверт и бросил на стол.

Годы жизни вдали от родительского дома не помешали Шаолу узнать изящный почерк матери. На конверте было выведено его имя.

– Что это? – спросил Шаол.

– Мать прислала тебе письмо. Думаю, она пишет, с какой радостью и нетерпением ожидает твоего возвращения.

Шаол не притронулся к конверту.

– Ты не хочешь прочесть материнское письмо?

– Мне нечего ей сказать, и меня не интересует то, о чем она пишет.

Шаол лгал. Ему хотелось вскрыть конверт, но он понимал: письмо – это ловушка. Способ вывести его из равновесия. А ему никак нельзя терять самообладание. И поддаваться чувствам тоже нельзя. До отъезда в Аньель нужно покончить со здешними делами.

– Представляю, как она огорчится, узнав, что ты даже не пожелал прочесть ее письма. – Отец спрятал конверт в карман камзола.

Шаол не сомневался: отец догадывается о его лжи. Но и это обратит себе на пользу, в точности передав матери слова сына. Кровь ударила Шаолу в голову. В ушах зашумело. Так было всегда, когда он видел и слышал, как отец унижает мать, отчитывает ее или просто не замечает. Усилием воли Шаол заставил себя успокоиться. Не давать отцу никаких зацепок.

Он медленно дышал, делая вид, что обдумывает дальнейшие слова.

– Еще четыре месяца, и я уеду в Аньель. Отметьте эту дату на своем календаре.

– Два месяца.

– Три.

Эстфол-старший улыбнулся. Так он улыбался в детстве, прежде чем наказать Шаола.

– Сынок, к чему мне ждать три месяца? Я мог бы прямо сейчас отправиться к королю и попросить о твоей отставке... по семейным обстоятельствам.

Шаол стиснул зубы.

– Назовите вашу цену.

– Ее нет. Но мне приятно сознавать, что ты у меня в долгу.

На отцовское лицо вернулась учтивая придворная улыбка.

– Мне очень приятно это сознавать. Так вот, мой мальчик, два месяца и ни днем больше.

Они расстались, не прощаясь.

* * *

Соршу вызвали в покои наследного принца, когда она готовила успокоительный отвар для кухарки, надорвавшейся на работе. Стараясь не показывать ни своего волнения, ни тем более радости, целительница быстро перепоручила работу ученице и поспешила к башне принца.

Сорша никогда не бывала там, но знала, как туда пройти. Об этом знали все целители – так, на всякий случай. Караульные пропустили ее, едва кивнув. Сорша поднялась по длинной винтовой лестнице, где ее уже ждала открытая дверь.

Ну и беспорядок! Комнаты принца были завалены книгами, свитками, оружием. Дорин встретил ее за письменным столом, где оставался маленький пяточок свободного пространства. Выглядел принц весьма смущенным. То ли ему было неловко за состояние

своего жилища, то ли его беспокоила рассеченная губа.

Сорша поклонилась, чувствуя, как у нее вновь покраснели лицо и шея:

– Вашему высочеству было угодно послать за мной.

– Я... – Принц смущенно кашлянул. – Словом, опять понадобилась твоя помощь. Вот, посмотри.

Рана на руке была небольшой. Скорее всего, поранился, упражняясь с кем-то на мечах. А вот губа... Чтобы осмотреть губу, ей понадобится вся сила воли. Надо начать с руки, чтобы успокоиться.

Сорша поставила на стол корзинку, с которой ходила на вызовы. Достала мазь, бинты. От принца пахло ароматным мылом. Должно быть, он мылся совсем недавно. Мылся, раздевшись догола. Эта мысль вновь заставила Соршу покраснеть, что было странно при ее ремесле. Ей не раз приходилось просить своих подопечных раздеться...

– Хочешь узнать, как я поранился? – спросил принц, поднимая на нее глаза.

– Я не вправе задавать такие вопросы. Если это никак не связано с особенностью раны, где и как вы ее получили, меня это не касается.

Фраза получилась более холодной и жесткой, чем хотелось бы Сорше. Но она сказала правду.

Сорша умело наложила салфетку с мазью, затем перевязала рану. Принц молчал. Молчание не тяготило Соршу. Она могла целыми днями работать у себя в подземелье, не произнося ни слова. Сорша и при жизни родителей была тихим ребенком, а после того, как их не стало... Они попали в облаву, и их убили прямо на площади, в числе прочих «шпионов» свергнутого правителя Фенхару... После этого она стала еще тише. Только в замке, где у нее появились подруги, выяснилось, что иногда Сорша не прочь поговорить. Однако сейчас, наедине с ним... А принц, наверное, молчать не любил и сейчас искал тему для разговора.

– Откуда ты родом? – спросил Дорин.

Простой вопрос, но для Сорши он был далеко не простым, поскольку ее появление в замке... Можно сказать, что своим появлением в замке она косвенно обязана отцу принца.

– Из Фенхару, – ответила Сорша, моля всех богов, чтобы принц удовлетворился этим ответом.

– А поточнее?

Сорша оцепенела, но быстро взяла себя в руки. Дело было не только в том, что она разговаривала с наследным принцем. За пять лет ей пришлось врачевать всякие раны, среди которых встречались и очень тяжелые. Она не раз убеждалась: любой проблеск страха или отвращения на ее лице мог усугубить состояние больного, а то и свести на нет все лечение.

– Из маленькой деревушки на юге. О ней мало кто слышал.

– Фенхару – красивый край. Просторы, уходящие в бесконечность.

Сорша не помнила, любила ли она эти просторы. А бесконечность была лишь кажущейся. На западе земли ее родины упирались в горы, на востоке выходили к морю.

– Ты всегда хотела быть целительницей?

– Да.

Ей доверили врачевать наследника империи, и потому на такой вопрос она должна была отвечать с абсолютной уверенностью.

– Врешь, – улыбнулся принц.

Сказано это было весело и без малейшего желания ее унизить. В сапфировых глазах принца отражалось неяркое предвечернее солнце, льющееся через небольшое окно.

– Я не хотела ничем обидеть ваше...

– Я же просто пошутил. – Дорин потрогал повязку. – Пытаюсь отвлечься.

Сорша кивнула. Ей было нечего сказать. В голову лезли дурацкие мысли. Она достала другую баночку, с мазью для рассеченной губы.

– А теперь, ваше высочество, если не возражаете, я осмотрю вашу губу. Мне нужно убедиться, что в рану не попало грязи или еще чего-то... постороннего.

– Сорша, делай то, что считаешь необходимым.

Она чуть не задохнулась. Принц запомнил ее имя! Главное, держать себя в узде, не показывая своей радости.

По давнишней привычке она промолчала и только кивнула в ответ. Потом слегка приподняла Дорину подбородок. Его кожа была такой теплой. Она осторожно дотронулась до поврежденной губы. Принц дернулся и шумно выдохнул. Его дыхание приятно согревало ей пальцы. Он не отпрянул, не отчитал ее за «руки-крюки». А ведь придворные не скупались на оскорбления. Случалось, забывали, что она пришла им помочь, и могли ударить.

Едва касаясь его губы, Сорша наложила мазь. Боги, какие же у него нежные губы.

Ее первая встреча с принцем состоялась еще шесть лет назад. Тогда она не знала, что этот мальчишка-подросток – наследный принц. Он гулял по саду со своим другом, будущим капитаном королевской гвардии. Сорша только-только поступила в ученицы. Она и сейчас помнила мешковатое платье с чужого плеча, которое было тогда на ней. Но принц словно не обратил внимания на убогость ее одежды. Увидев девушку, он улыбнулся. Он заметил Соршу, которую никогда и никто не замечал. Решив, что он сын какого-нибудь придворного, она находила любые причины, только бы оказаться в стеклянной части замка. Через месяц Сорша снова его увидела, а потом горько плакала, подслушав разговор двух учениц. Девчонки восторгались красотой Дорина – наследного принца Адарланской империи.

В глупости своей тайной любви Сорша убедилась через несколько лет, когда Амитию вызвали к принцу. Старшая целительница взяла Соршу себе в помощь. Принц ее не узнал. Даже не взглянул на нее. Она стала незаметной, как и многие врачеватели. Невидимой. Она ведь и хотела стать невидимкой.

– Сорша, ты о чем задумалась?

Вопрос принца отвлек ее от воспоминаний и вверг в неопиcуемый ужас. Все это время она, открыв рот, смотрела на него, погрузив пальцы в баночку с мазью.

– Простите, ваше высочество, – прошептала Сорша.

После такого позора ей было впору выброситься из башни.

– У меня был утомительный день, – добавила она.

И это была чистая правда.

Она вела себя как настоящая деревенская дура. Мужчин она не видела, что ли? С одним из них, караульным, у нее даже случилась близость. Правда, хватило одного раза. Больше она ничего такого не хотела. Но сейчас, стоя возле принца и чувствуя, как подол ее домотканого платья трется о его ноги...

– Почему ты не стала никому рассказывать? – тихо спросил он. – Обо мне и моих друзьях.

Сорша попятилась, но глаз не отвела. Прямое нарушение этикета. То же требовала и ее интуиция: «Не смотри на него».

– Вы никогда не бываете грубым ни с кем из врачей. Мне хочется думать, что миру нужны...

Она понимала, что сказала много лишнего. Мир, в котором они жили, принадлежал его отцу.

– Миру нужны хорошие люди, – договорил за нее принц и встал. – И еще ты думаешь, что мой отец, узнав от тебя о наших... прогулках, обратил бы это против нас.

Значит, принц знал, что Амития докладывает обо всех необычных случаях. Сорша она учила делать то же самое, чтобы «жизнь себе не осложнять».

– Я даже не думала, что его величество может...

– Скажи, а твоя деревня цела? Твои родители живы?

Прошло уже достаточно много лет, но и сейчас Сорша не могла отвечать на такие вопросы без боли.

– Нашу деревню сожгли. Родители привезли меня в Рафтхол. Потом... потом они попали в облаву. И был приказ: всех подозрительных убивать, не тратя времени на разбирательства.

– Тогда почему ты пришла в замок? – Сапфировые глаза принца помрачнели. – Почему осталась здесь?

Сорша уложила баночки в корзину.

– Мне больше некуда было идти.

Теперь у принца помрачнело лицо.

– Ваше высочество, никак я...

– Прости, – прошептал Дорин.

Он смотрел на нее так, словно все понимал.

– Не вы принимали решение. И не ваши гвардейцы расправлялись с моими родителями.

Принц молча смотрел на нее, потом поблагодарил за помощь. Оба понимали: говорить больше не о чем.

Идя по шумным коридорам стеклянной части замка, Сорша ругала себя за ненужную откровенность. Ну кто тянул ее за язык? Зачем она сказала, что родителей убили? Наверное, теперь он больше никогда ее не позовет. Места своего она не лишится – принц не жесток и не мстителен. Он может просто отказаться от ее помощи, а это тоже чревато лишними вопросами. Та же Амития начнет выспрашивать, чем это она не угодила принцу.

Ночью ей не спалось. Ворочаясь на своей узкой койке, Сорша решила найти способ извиниться перед принцем. И еще – придумать причину, чтобы он больше не вызывал ее к себе. Завтра она это обдумает во всех подробностях.

На следующий день, едва Сорша успела позавтракать, к ней явился посланец от принца и спросил название ее родной деревни. Сорша насторожилась, но все-таки решилась поинтересоваться, зачем это нужно его высочеству. Оказалось, у наследного принца есть своя личная карта континента и он желает пометить на ней местоположение деревни, где родилась целительница Сорша.

В недрах Омаги самым опасным местом был общий зал.

Ведьм всех трех кланов Железозубых старались повсюду запускать отдельными потоками. Это касалось обучения полетам на драконах и всевозможных упражнений по части оружия и боевых искусств. Манона считала такое разделение очень разумным, поскольку напряжение между кланами росло и будет расти, пока не закончится выбор драконов. Всем хотелось летать на самцах. Сама Манона всерьез рассчитывала, что ей достанется самец – возможно, даже Татус. Но почему-то ей хотелось вырвать железные зубы любой из своих подчиненных, если та заикалась о желании летать на самце.

Каждый клан нес караул в течение трех часов. Время соприкосновения с чужими ведьмами ограничивалось считаными минутами. Командиры шабашей лезли из кожи вон, чтобы не допустить столкновений. Во всяком случае, Манона прилагала все усилия. Ей и собственный характер приходилось держать на коротком поводе. Еще одна ухмылочка со стороны наследницы Желтоногих, и разразится кровавое побоище. То же она могла сказать и о своих Тринадцати. Недавно две из них, вопреки всем предупреждениям, сцепились-таки с двумя Желтоногими дурами. Ее милые девочки, зеленоглазые двойняшки Фалина и Фаллона. (Эта характером напоминала скорее демона, чем ведьму.) Манона наказала их так же, как ранее Астерину: по три унижительных удара в присутствии других. Однако ни строгость командиров шабашей, ни угроза наказания не охлаждали пыл ведьм, и потасовки между представительницами разных кланов вспыхивали с пугающей регулярностью.

Неудивительно, что каждый приход в общий зал становился для командиров тяжелым испытанием. Все кланы собирались вместе дважды в день – для трапез. И хотя даже здесь они сидели за отдельными столами, между которыми еще оставалось место, густое напряжение так и висело в холодном воздухе. Маноне казалось, что этот воздух, пропитанный взаимной ненавистью и злостью, можно резать ножом.

Подавальщиков не было, поэтому Маноне, как и остальным, приходилось стоять в очереди за своей миской вязкой и липкой жижи. Самое подходящее слово для этой пакости. Сзади стояла Астерина, а впереди – последняя ведьма клана Синекровных. Странное дело, но Синекровные везде оказывались первыми. Первыми получали еду, первыми начали учебные полеты, в то время как ведьмы отряда Тринадцати еще не поднимались в воздух. Скорее всего, и при выборе драконов они тоже окажутся первыми. Эта мысль отозвалась глухим урчанием в горле Маноны, но Манона быстро справилась с собой. Она смотрела, как раздатчик (из смертных) вывалил в миску Синекровной серовато-белый комок.

Лицо смертного Манону не интересовало. Она заметила лишь подрагивающую жилку на горле. Ведьмам не требовалось пить кровь для поддержания жизненных сил. Но ведь и людям не требовалось пить вино. А лакомиться любили все. Синекровные отличались привередливостью по части источника: предпочитали кровь девственниц и девственников. Черноклювые на такие тонкости внимания не обращали.

У раздатчика задрожали руки. Половник принялся выстукивать дробь по внешней стенке котла.

– Правила есть правила, – послышалось слева.

Астерина предостерегающе зарычала. Маноне не понадобилось оборачиваться, чтобы узнать голос, противно растягивающий слова. Искара, наследница Желтоногих. Откуда она

появилась?

– Сброд не едят, – бросила темноволосая ведьма, опережая Манону и подсовывая свою миску испуганному раздатчику.

Эти слова предназначались отошедшей Синекровкой, напугавшей смертного своим намерением попить его крови. Она и влезла сюда с целью позлить Манону и спровоцировать потасовку. Не дождется. Манона, умевшая показать власть, втянула железные зубы и убрала когти.

– То-то я вижу, никто до сих пор не позарился на тебя и не съел, – сказала она Искаре.

Искара демонстративно протиснулась вперед. Все ведьмы в зале, прекратив есть, следили за развитием ссоры. Наследница Желтоногих провоцировала Манону, но та не поддавалась. Пусть лезет. С Искаррой она поквитается, однако не здесь и не сейчас.

Раздатчик наполнил миску Искры, но она не торопилась отходить.

– Слышала, что сегодня отряд Тринадцати поднимается в воздух.

Сказано было с оттенком явного презрения. Что-то вроде: «Наконец-то вспомнили и о вас».

– А тебе какое дело? – спросила Манона.

Искара пожала своими широкими плечами:

– Говорят, когда-то ты считалась лучшей летуньей из всех Железнодорожных. Жаль, если это окажется обычной сплетней.

Да, Манона стала командиром отряда Тринадцати не только по наследству. Она заслужила это право.

Искара продолжала двигать свою миску по раздаточному столу. Второй раздатчик добавил ей бледных вареных кореньев.

– Вроде бы сегодня даже занятия отменяют, чтобы мы смогли полюбоваться, как легендарный отряд Тринадцати впервые за десять лет оторвется от земли.

Манона прищелкнула языком и наморщила лоб, изображая задумчивость.

– Я тоже кое-что слышала. Говорят, у Желтоногих с воинским искусством... не того. Сколько их ни учат, всё у них на балаган сбивается. Ну да в армии не всем воевать. Кому-то надо и припасы подвозить.

Астерина негромко засмеялась. Карие глаза Искры вспыхнули. Они с Маноной дошли до конца раздаточного стола. Каждая держала миску, и это мешало им схватиться за мечи. В зале стало совсем тихо. Даже за столом на возвышении, где сидели три верховные ведьмы.

Железные зубы Маноны выдвинулись сами, словно подзадоривая хозяйку вцепиться в горло противницы. Сегодня Манона хорошо владела собой. Спокойным голосом и достаточно громко, чтобы слышали все, она сказала:

– Искара, если тебе понадобится урок по воинскому искусству, ты только позови. Я с радостью поучу тебя некоторым азам.

Прежде чем наследница Желтоногих сумела ответить, Манона двинулась к своему столу. Астерина издевательски поклонилась Искаре, и остальные ведьмы отряда Тринадцати отвесили такие же поклоны. Разъяренная Искара могла лишь смотреть Маноне вслед.

Манона вернулась за стол и поймала на себе бабушкин взгляд. Бабушка едва заметно улыбалась. Когда вокруг Маноны уселись двенадцать ее верных соратниц («отныне и пока Тьма не поглотит нас»), она тоже позволила себе улыбнуться.

Сегодня они будут летать.

Их собрали на огромной открытой площадке. Два шабаша Черноклювых вместе. И двадцать шесть оседланных драконов, отнюдь не отличающихся кротким нравом. Увидев это, даже Манона немного растерялась. Но растерянность ее никак не проявилась внешне и быстро прошла.

Поскольку второй шабаш тоже насчитывал тринадцать ведьм, драконов разделили на две одинаковые группы. Отряду Тринадцати досталась первая. Манона выбрала себе дракона в середине. К этому моменту у нее уже не было ни капли страха. Облачение для полета, из кожи и меха, было тяжелым и громоздким. Плечи защищались металлическими наплечниками, а руки – длинными кожаными перчатками. Прежде, летая на метле, Манона ограничивалась своим красным плащом. Но о том, чтобы летать на драконе в одном плаще, не могло быть и речи.

Целых два дня ведьмы учились взбираться и слезать с дракона. Правда, им в этом помогали специально обученные смертные. Первый полет Маноне предстояло совершить вовсе не на самце, а на самке не из крупных. Драконица лежала на животе, достаточно низко, чтобы Манона без труда забралась по ее задней лапе в седло, находившееся у основания драконьей шеи. Подошел смертный, чтобы наладить упряжь. Манона покачала головой и сделала это сама. После скверного завтрака близость человеческого горла была опасным искушением.

Озябшим ногам Маноны было приятно ощущать тепло драконьего тела. Манона поправила перчатки и слегка натянула поводья. Ведьмы ее отряда всю усаживались на своих драконов. Астерина, конечно, уже сидела в седле. Ее золотистые волосы были заплетены в тугую косу. Холодный кусачий ветер теребил ее меховой воротник. В ответ на взгляд Маноны Астерина улыбнулась. Темные, с золотыми крапинками глаза сверкали. Ни следа страха – только предвкушение полета.

По словам погонщиков, драконы были достаточно обучены и знали, что от них требуется. А перелет они могут совершить, подчиняясь исключительно своему драконьему инстинкту. Перелетом называли прыжок с площадки в воздух и перемещение к вершине соседней горы. Это было завершающим испытанием для дракона и всадницы. Дракон, не сумевший удержаться в воздухе, неминуемо упадет на дно и разобьется насмерть. Всадница тоже.

Искара не соврала: желающих посмотреть на полет отряда Тринадцати собралось более чем достаточно. Ведьмы ее шабаша всю скалили железные зубы, но никто не улыбался отвратительнее наследницы клана Желтоногих.

– Сука, – пробормотала Астерина.

Зрителей по другую сторону было всего трое. Верховные ведьмы. Мать Черноклювых стояла в середине. Манона слегка повернула голову и взглянула вниз.

К верховным ведьмам присоединился смертный, который в первый день привел их в загон и давал пояснения.

– Помните все, чему успели научиться за эти дни, – сказал он, обращаясь к всадницам. – Легкое пришпоривание – и они взлетят. Держите поводья, но не пытайтесь управлять драконами. Перелет они должны совершить сами. Мой совет: крепче держитесь в седле и наслаждайтесь полетом.

Сзади послышались нервные смешки, но ведьмы отряда Тринадцати молчали. Ждали. Так они вели себя везде и всегда. Перед любым противником, перед любым сражением.

Снаряжение включало в себя полосу из особой прозрачной материи, защищавшую глаза от ветра. Манона вспомнила, как раньше летала без всякой защиты. Но тогда ее выручала магия, оберегавшая глаза. А сейчас, если снять этот обруч, они сразу же начнут слезиться от обжигающего ветра, и ей придется щуриться и прикрывать их рукой.

Смертный крикнул Маноне, что драконы полностью готовы к полету и теперь ей решать, когда подниматься в воздух.

Манона не торопилась. Она еще раз взглянула вниз, потом вверх. Черный мост и серые небеса над ним едва просматривались в тумане. Манона обвела глазами своих соратниц: шесть слева, шесть справа.

– Мы – ведьмы отряда Тринадцати. Наш девиз: «Отныне и пока Тьма не поглотит нас». Когда-то мы славились своим умением летать. Так покажем, что за десять лет мы его не утратили.

Сказав это, Манона слегка пришпорила дракониху. Три быстрых скачка (драконий галоп) и вперед, вперед, вперед... пока вокруг не осталось ничего, кроме морозного воздуха. Заснеженные склоны обеих гор, черная нитка моста, серые облака. И... падение.

Внутри Маноны все замерло. Ей показалось, что дракониха, сложив крылья, камнем летит вниз. Манона вспомнила, чему ее учили смертные. Она пригнулась к драконьей шее. Глаза ее были защищены, но в ушах отчаянно свистел ветер.

А рядом, рассекая воздух, падали ведьмы ее отряда, пролетая мимо скал и снега и устремляясь вниз, ко дну впадины.

Манона стиснула зубы. Туман мешал смотреть. Ветер норовил расплести косу, которая белым вымпелом трепетала у нее над головой.

Потом туман разошелся. Тьма, готовая поглотить ее, была совсем близко. Дно впадины. Манона уже видела черные зубцы камней...

Ей было трудно наслаждаться полетом, поскольку дракониха не летела, а падала. Но Манона еще крепче сжимала поводья. Она приросла к седлу. И вдруг...

Распрямив крылья, дракониха взмахнула ими. Мир наклонился, потом пошел вниз. Кажется, они поймали воздушный поток и он сам нес их вверх, вдоль склона Северного Клыка.

Снизу и сверху до ушей Маноны долетали торжествующие крики ее ведьм. Дракониха поднимала ее быстрее, чем метла из железного дерева. Вот уже мост остался внизу. Они очутились в небе.

Манона вернулась в небеса.

Вокруг расстилалась безоблачная, бесконечная, вечная синь. Вот уже и Астерина поднялась, достигнув забытой высоты, а за нею – Соррель, Васта и все остальные. Маноне хотелось кричать от радости, но Тринадцать везде и всегда оставались сдержанными. Они привыкли побеждать, а это – просто очередная победа.

Манона огляделась. Справа летела ликующая Астерина, чьи железные зубы сверкали, как серебро. Слева рыжеволосая Васта мотала головой, ухмыляясь горам внизу. Лицо Соррель, как и лицо Маноны, оставалось спокойным, но черные глаза искрились от радости. Отряд Тринадцати снова был в воздухе.

Внизу расстилался огромный мир, а далеко на западе, недоступная зрению даже с высоты, лежала их древняя родина, которую они обязательно вернут. Но это в будущем. А

пока...

Ветер больше не обжигал Маноне лицо. Он ласкал ее своими невидимыми руками и что-то нашептывал в уши. Магия ушла, но умение летать никуда не делось. Все навыки оставались при ней. И изумительное чутье, с которым она родилась. Манона Черноклювая по-прежнему была лучшей летуньей среди всех кланов Железозубых.

– И что дальше? – крикнула ей Астерина.

Манона никогда не видела ведьм ее отряда плачущими, но сейчас зрение не обманывало ее. В уголках глаз двоюродной сестры поблескивали слезы, и причиной их был совсем не ветер.

– Будем испытывать их в хвост и в гриву.

Сдерживая ликование, так и рвущееся из груди, Манона направила дракониху в первую цепь ущелий. Потоки воздуха снова понесли ее в нужном направлении. Ведьмы тихо посмеивались, и эти звуки были лучше любой музыки смертных.

* * *

Эта небольшая комната служила ее бабушке временным пристанищем в Омаге. Стоя неподвижно, Манона разглядывала каменную стену и ждала, когда бабушка заговорит. Мать Черноклювых сидела за столом, спиной к внучке, склонившись над каким-то документом.

– Мне понравились твои сегодняшние действия, – наконец сказала бабушка.

Манона приложила два пальца ко лбу, хотя бабушка по-прежнему сидела к ней спиной.

Она и без похвал знала: ее отряд совершил лучший перелет. Когда они вернулись, зрителей уже не было. Желтоногие ушли сразу же, как стало понятно, что Манона не разбилась на дне впадины.

– Твои ведьмы, да и все шабашники Черноклювых показали себя отличными боевыми ведьмами, – продолжала бабушка. – Не напрасно ты столько лет их муштровала. Хвалю.

Манона ощутила новый прилив ликования.

– Бабушка, я считаю за честь служить тебе.

Верховная ведьма обмакнула перо и что-то написала на пергаменте перед нею.

– Ты станешь главнокомандующей, а твои Тринадцать займут высшие командные посты. Вы должны возглавить все кланы.

Бабушка повернулась к Маноне. Лицо верховной ведьмы было непроницаемым.

– Через несколько месяцев состоятся военные игры. Они решат, кто какой пост займет. Меня не заботит, как ты достигнешь первенства, но я ожидаю увидеть тебя победительницей.

Маноне не надо было спрашивать о причинах.

Бабушка скосила глаза на ее красный плащ и слегка улыбнулась:

– Мы пока не знаем, с кем нам придется воевать на стороне короля. Но когда с его войной будет покончено и мы вернем себе Западный край, на троне Ведьминого королевства не должна сидеть ни Желтоногая, ни Синекровная. Понятно?

Манона кивнула. Дальнейшее развитие событий им с бабушкой виделось одинаково. Пока жизнь вынуждала верховных ведьм держаться сообща и гасить все распри. Сейчас они даже согласятся, чтобы Манона командовала всеми армиями Железозубых. Но с возвращением королевства давняя вражда возобновится. И здесь Черноклювые не имели

права сплеховать. В первую очередь она, Манона.

– Догадываюсь, что и остальные верховные ведьмы дали такие же приказы своим наследницам. Так что твоя помощница должна постоянно находиться рядом и прикрывать твою спину.

Астерина и сейчас несла караул за дверь бабушкиной комнаты, однако Манона, опьяненная успехом, позволила себе некоторую дерзость.

– Я и сама могу себя защитить.

– Бэбе Желтоногой было семьсот лет, – прошипела бабушка. – Она голыми руками ломала стены крошанской столицы. Но ведь кто-то проник в повозку и убил ее. Если ты за тысячу лет достигнешь хотя бы половины ее уровня, можешь благодарить богов.

Манона молчала. Бабушке лучше знать, какой была Бэба Желтоногая.

– Позаботься о своей защите. Я бы очень не хотела искать себе другую наследницу.

– Хорошо, бабушка, – ответила Манона, склонив голову.

Проснувшись, Селена застонала. Ей было холодно. Нестерпимо болела голова: вчера в развалинах храма ударилась о камень. Бормоча ругательства, она села на постели, и каждый кусочек ее тела от ушей до пальцев ног отозвался всплеском боли. Казалось, вчера сотни железных кулаков измолотили ее и бросили умирать в холоде этой каморки. Если голова у нее болела от удара, боль в теле была вызвана совсем иной причиной – вчерашними неуправляемыми превращениями. Трудно представить, сколько раз ее швыряло то в одно, то в другое обличье. Судя по саднящим мышцам, счет шел на десятки.

Держась за скрипучую, растрескавшуюся кровать, она кое-как встала. То, что она все-таки могла управлять магическими силами, служило хоть и слабым, но утешением. Затянув потуже кушак выцветшего халата, Селена поплелась к комоду, рядом с которым стоял таз для умывания. Вчера, после отмокания в бане, она позаимствовала этот халат (таких там было много). Свою грязную, отчаянно вонявшую одежду бросила возле двери. У нее едва хватило сил дотащить до своей комнаты. Селена повалилась на жесткую кровать, накрылась почти бесполезным одеялом и уснула.

Она спала, спала. Наверное, уже и работу на кухне проспала. Никто не приходил ее будить. Вот и хорошо. Селена не была настроена кого-либо видеть и с кем-либо говорить.

Упираясь руками в комод, она подняла голову к осколку зеркала. Ну и жуть! Это было самым подходящим словом для описания ее внешнего и внутреннего состояния. Похоже, за вчерашний день она еще похудела. Созерцая насупленное отражение в зеркале, Селена потянулась за мазью, принесенной вчера Рованом. Нет, не будет она мазаться. Пусть видит, что с ней сделал. Вообще-то, с ней бывало и похуже. Два года назад Аробинн за невыполнение приказа превратил ее в кровавое месиво. Вот тогда была настоящая жуть. А сейчас... погано, но терпимо.

Открыв дверь, Селена обнаружила на полу свою одежду. Выстиранную. Даже сапоги были вычищены. Либо Рован постарался, либо кто-то наткнулся на вонючую грудку и понес стирать. Обмочиться на глазах у Рована! Селена поморщилась. Как унижительно.

Ну унижительно. И что, позволить этим мыслям расползтись по мозгу, чтобы стало совсем уж тошно? Усилием воли Селена прогнала их, оделась и по темным предрассветным коридорам отправилась на кухню. Лока был уже там и всю болтал о метательном ноже, который ему одолжил кто-то из караульных. Теперь он научится по-настоящему метать настоящий нож.

Увидев Селену, парень умолк на полуслове и лишь смотрел. Эмрис тоже взглянул на нее и выронил большой глиняный горшок.

– Великая Мать и все ее детки, – пробормотал старик.

Селена прошла к столу, где высилась горка чесночных головок. Взяла нож.

– Это только с виду так, – сказала она. – Мне уже и не больно.

Кому она врала? Эмрису с Локой? Или самой себе? Головная боль не проходила. Болела рана на лбу. А уж синяк под глазом...

– У меня есть мазь, – сказал Лока, домывая вчерашние тарелки. – Хорошо помогает.

Селена выразительно посмотрела на него. Парень понял намек, пожал плечами и взялся за очередную тарелку.

Она принялась крошить чеснок. Пальцы мгновенно стали липкими. Эмрис и Лока

поглядывали на нее. Видимо, ждали объяснений.

– Вас это не касается, – огрызнулась Селена.

Эмрис, собиравший черепки, с кряхтением разогнул спину. Его ясные умные глаза были полны гнева.

– Касается, раз ты приходишь ко мне на кухню.

– У меня бывало и хуже.

– Это как понимать? – встрепнулся Лока.

Он всю глазел на ее израненные руки, на синяк, на кольцо шрамов вокруг шеи – «подарочки» Бэбы Желтоногой.

«Шевели мозгами, парень, – мысленно подзадорила его Селена. – Ты бы пожил в Адарлане, имея фэйскую кровь, да еще будучи женщиной».

Наверное, Лока кое-что понял, раз побледнел.

– Не приставай к ней, парень, – помолчав, сказал Эмрис и вновь нагнулся, чтобы собрать оставшиеся черепки разбитого горшка.

Селена продолжила крошить чеснок. Лока торопливо домывал тарелки, уже без болтовни. Наступило время завтрака. Снова та же беготня вверх и вниз. Снова бесконечное мелькание лиц. Но сегодня несколько полуфэйцев заметили Селену. На одних она просто не обращала внимания. Других оглядывала с головы до ног, присматриваясь к лицам. У некоторых были заостренные уши, но большинство внешне ничем не отличались от обычных людей. Кто-то носил привычную одежду: камзолы и простые платья, но караульные были в кожаных доспехах и тяжелых серых плащах. Они имели при себе достаточно оружия, хотя, по меркам Селены, многие их мечи и кинжалы годились разве что для упражнений. Похоже, им здесь было не с кем сражаться. Воины (обою пола) поглядывали на Селену со смешанным чувством настороженности и любопытства.

Она вытирала медный котел, когда кто-то удивленно присвистнул и произнес:

– Таких восхитительных синяков мне еще не доводилось видеть.

Селена подняла голову. По кухне шел высокий старик, похоже ровесник Эмриса, сохранивший изящество движений. В руках он держал пустое блюдо.

– Малакай, не трогай ты ее, – отозвался Эмрис, хлопотавший у плиты.

Вот он какой, Малакай. Парный Эмриса. Стало быть... муж.

Малакай ослепительно улыбнулся и поставил блюдо возле Селены.

– Насколько я знаю, Рован рукоприкладством не занимается.

Под его коротко стриженными седыми волосами проглядывали заостренные уши. Во всем остальном лицо Малакая было вполне человеческим, хотя и довольно грубым.

– А ты даже не потрудилась смазать свои трофеи.

Она молча смотрела на Малакаю. Он перестал улыбаться.

– Моему парному и так забот хватает. Не усугубляй его ночь. Поняла?

Эмрис что-то пробурчал.

– Мне нет дела до ваших забот. – Селена лишь пожала плечами.

Малакай понял невысказанное вслух предостережение: «Так что нечего лезть в мои дела». Он ответил легким кивком. Селена не столько видела, сколько слышала, как он подошел к Эмрису, поцеловал старика, прошептал что-то сердитое, после чего покинул кухню.

– Надо же, даже полуфэйские воины начинают превращаться в сверхзаботливых наседок, – с нарочитой веселостью проговорил Эмрис.

– Это у нас в крови, – подхватил Лока. – Заботиться о семьях – наша обязанность, честь и главное дело в жизни.

– А такие, как ты, от этой заботы садятся нам на шею, – усмехнулся Эмрис. – Превращаются в захребетников.

Старик подошел к чану и протянул Селене грязную кастрюлю.

– Не сердись на Малакая, девочка. Ты здесь новая, да еще из Адарлана. И учителя твоего мы тоже не понимаем.

Селена плюхнула кастрюлю в чан:

– Мне все равно, понимаете вы или нет.

Ей действительно было все равно.

* * *

Учеба в этот день была сущей пыткой. И не только потому, что Рован спросил, не собирается ли она опять вытряхивать из себя завтрак и орошать штаны. Это она бы стерпела. Но Рован заставил ее часами (часами!) сидеть среди развалин храма, на каменном уступе, истрепанном туманными ветрами. Задание было то же, что и вчера, – превращение.

Селена допытывалась, почему он просто не может учить ее магии. Ответ был один и тот же: обучение магии невозможно без умения превращаться. Но после вчерашнего никакие угрозы Рована не могли заставить ее поменять облик. Даже если бы он вдруг выхватил кинжал и стал подрезать ей уши, придавая им заостренную форму, это не заставило бы ее совершить превращение. Один раз она честно попыталась. Рован отлучился в кусты. Пока его не было, Селена добросовестно старалась вытащить из своих глубин магическую силу. Ничего. Ни вспышки света, ни обжигающей боли.

Так они и сидели на склоне горы. Селена продрогла до костей. К счастью, она не потеряла самообладания, выслушивая оскорбления и обидные словечки, на которые Рован был неистощим. Он произносил их вслух и мысленно. Неужели она научилась читать его мысли? Потом она спросила, почему Рован не стал преследовать то существо, которое подстерегло ее за курганом. Фэец ответил, что намеревается это сделать, а все остальное ее не касается.

Время ползло медленно, чего нельзя было сказать о собиравшихся грозных тучах. Хлынул ливень с градом, однако Рован и не думал уходить. Селена сидела, стуча зубами. Ей надоело стряхивать мелкие градины с волос. Она заледенела снаружи и изнутри. И только когда дождь начал стихать, Рован соизволил двинуться в обратный путь. Он снова оставил Селену у двери бани, выразительно сверкнув глазами.

«Завтра будет еще хуже», – говорил его взгляд.

Отогревшись, Селена потащилась к себе. В комнате ее ожидала сухая одежда, сложенная и размещенная с такой аккуратностью, что у нее закралась мысль: уж не приставили ли к ней невидимую служанку? Иначе как объяснить это чудо? Ведь не Рован же все это принес. Бессмертный принц никогда не опустится до помощи какой-то полукровке.

За окошком снова сверкали молнии и хлестал дождь. Селена смотрела на стену леса, то появляющуюся в свете молний, то снова исчезающую в темноте. Если бы не голод, она бы осталась в комнате и завалилась спать. Но ее голова уже начинала кружиться – верный признак, что нужно срочно поесть. Точнее, наестся, впихнув в себя все, что найдет. С таким

синяком под глазом только и делать, что лопать; даже если ради этого придется идти на кухню.

Селена дождалась, пока, как ей казалось, все ушли наверх. От завтрака всегда что-то оставалось. Должно остаться и от обеда. Но до чего же она устала. А тело, невзирая на горячую баню, ломило еще сильнее, чем утром.

Голоса она слышала еще на подходе к кухне. Она уже собиралась вернуться, но это означало бы голодную и, скорее всего, бессонную ночь. Во время завтрака с нею никто не заговаривал (Малакай не в счет). Наверное, ее и сейчас не заметят.

Кухня была не просто полна. Кухня была до отказа забита обитателями крепости. Сидели на принесенных стульях и на подушках. С плиты сняли металлический верх, превратив ее в подобие открытого очага. Ярко пылал огонь. Рядом расположились Эмрис и Малакай, переговариваясь с собравшимися. У всех в руках были тарелки и миски. Казалось, обитатели крепости почему-то решили обедать здесь. Прячась в тени лестницы, Селена разглядывала собравшихся, удивляясь их решению. В столовой куда просторнее. Правда, холодновато. Неужели только это заставило всех собраться возле импровизированного очага?

При виде пищи Селена перестала терзаться вопросами. Бесшумно спустившись вниз, она легко протолкнулась к ближайшему столу (навыки ассасина), взяла тарелку и до краев наполнила жареной курятиной, картошкой и свежим, еще теплым хлебом. Ее уже воротило от картошки, но та хорошо насыщала. Собравшиеся все так же переговаривались, не замечая Селены. Те, кому не хватило места, стояли вдоль стен, потягивая эль из глиняных кружек.

[Купить полную версию книги](#)